

• Russ.

L'vor

246 $\frac{1}{2}$

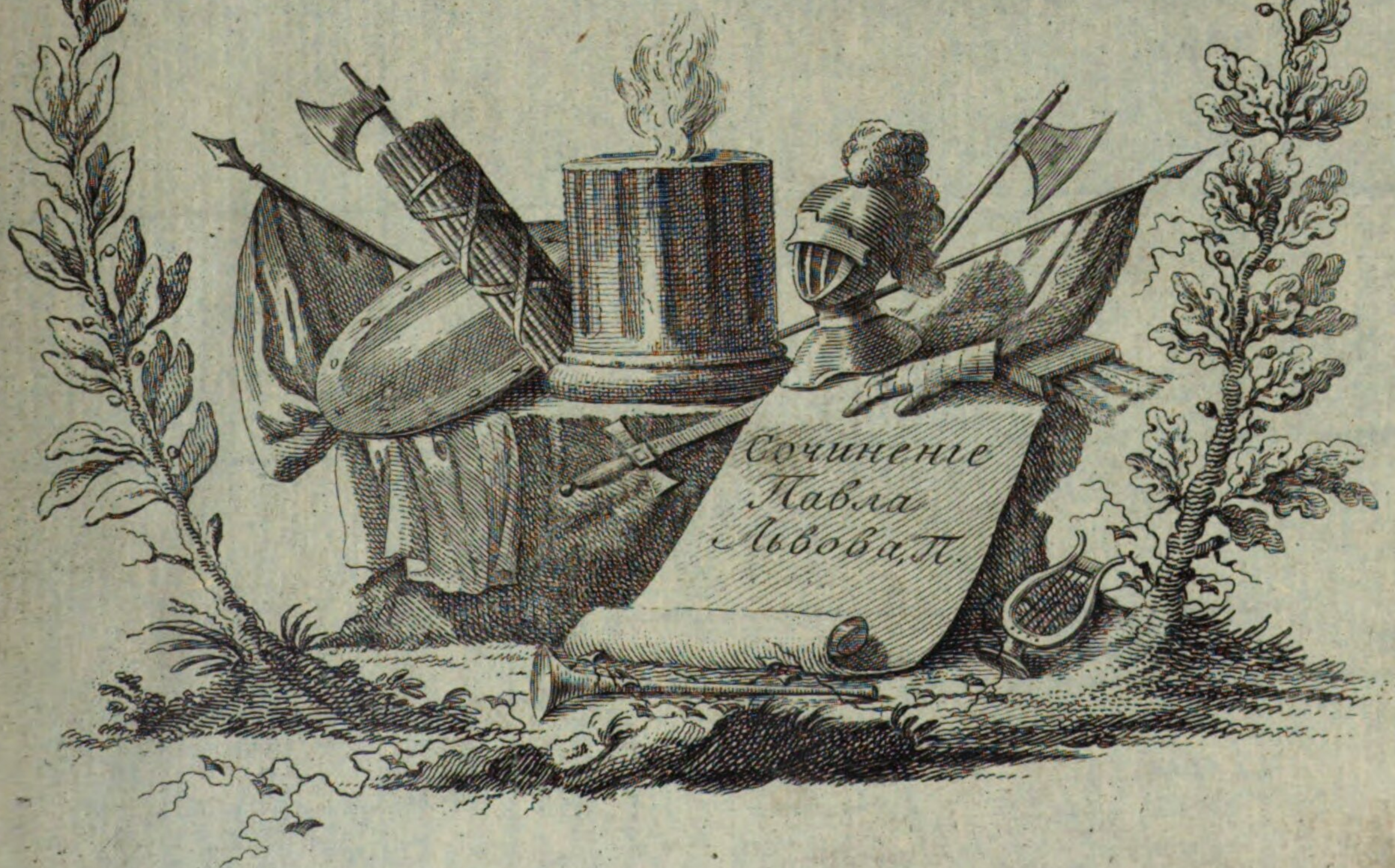
D1 $\frac{2}{43}$

3.4.38.
443.

3033/12

ХРАМЪ СЛАВЫ
РОССІЙСКИХЪ ПРОЕВЪ.

7 е 14

ХРАМЪ СЛАВЫ
РОССІЙСКИХЪ
ИРОЕВЪ,

ОТЪ

ВРЕМЕНЬ ГОСТОМЫСЛА

ДО

ЦАРСТВОВАНІЯ РОМАНОВЫХЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академіи Наукъ, 1803 года.

г. н. 5176

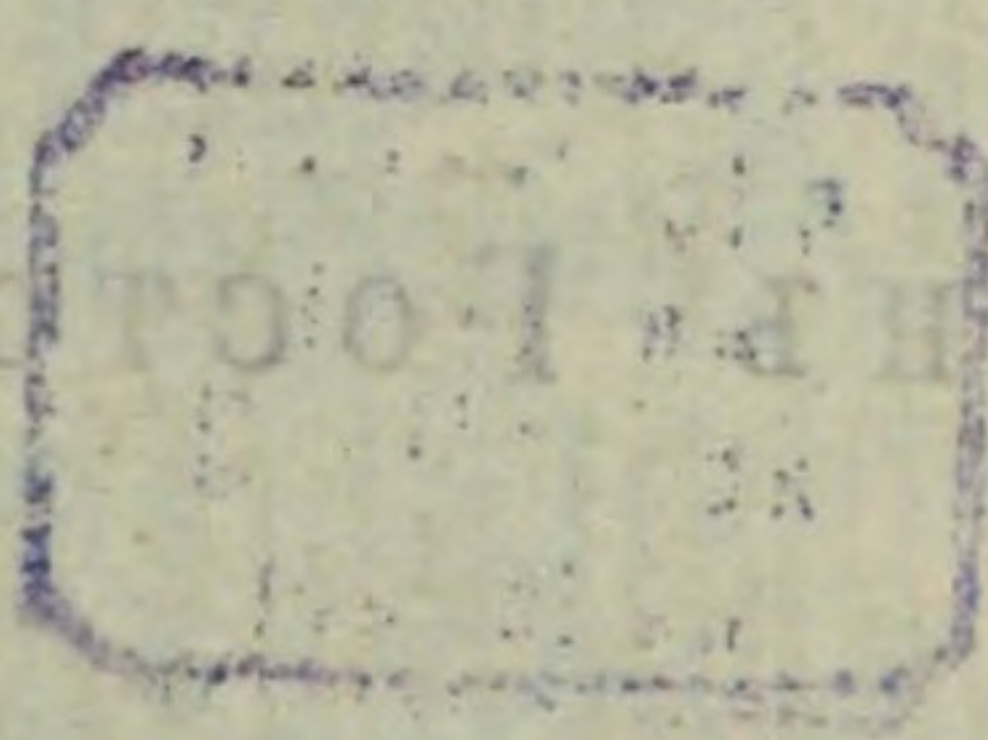
ХРАМЪ СЛАВЫ

РОССИЙСКИХЪ

ИМПЕРАТОРЪ

ОТЪ

ВЕРНУТЬСЯ

НА ПОСЛАНИЕ

ВЪ ГАНАРТИТЕРАТЪ

или Императоръ Александръ II, 1868 года

ЕГО

ИМПЕРАТОРСКОМУ

ВЕЛИЧЕСТВУ,

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ!

ИМПЕРАТОРУ,

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,

САМОДЕРЖЦУ

ВСЕЯ РОССІИ.

10

NEW YORK

DEAN

THE NEW YORK

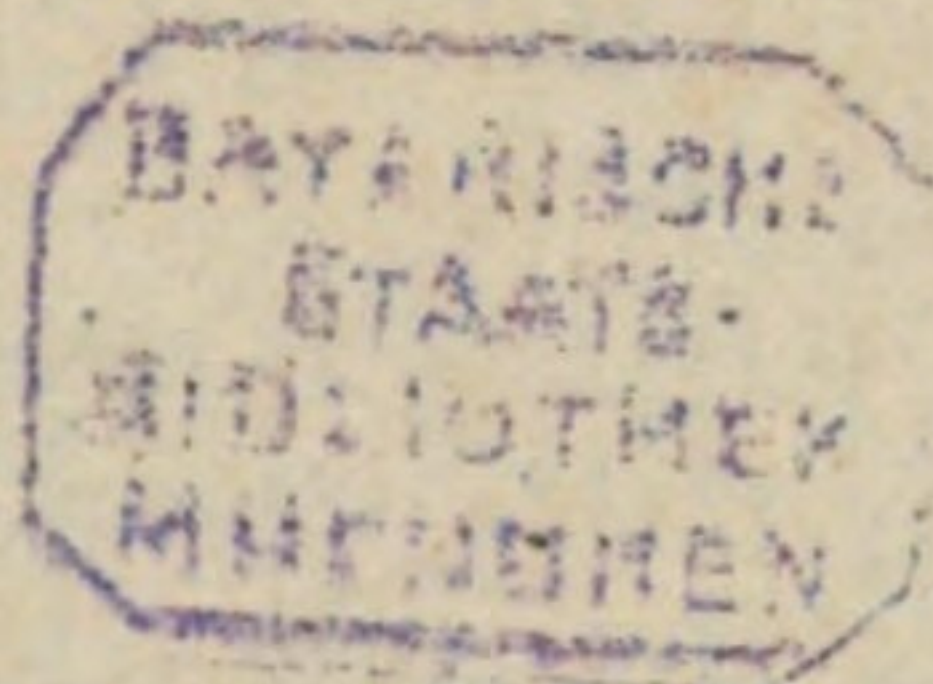
THE NEW YORK

THE NEW YORK

THE NEW YORK

THE NEW YORK

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

КЪ ТВОИМЪ столамъ, праправнукъ Великаго ПЕТРА, внукъ Мудрый ЕКАТЕРИНЫ, къ ТВОИМЪ столамъ, Монархъ и Отецъ доблественнаго народа, повергаю трудъ сей, во славу отечества натаый. Благоволи принять оный не по изяществу слога, но по важности предмета. Се жертва чистая души, къ ТЕБѢ приверженной, жертва токмо ТЕБѢ, Повелитель полсвѣта! принадлежащая, яко потомку тѣхъ достохвалныхъ Скилтродержцевъ, о коихъ возвѣстилъ я здѣсь; Они еще и по днесь сіяютъ изъ нѣдръ вѣчности добродѣтелями своими: — въ ТВОЕЙ благости, въ ТВОЕМЪ милосердіи, — въ любви къ истинѣ и просвѣщенію.

Храмъ Славы, украшенный безсмертнымъ именемъ АЛЕКСАНДРА I, пребудетъ негнблемъ, доколѣ продлится основание подсолнѣчной; ибо всеокрушающее Время, зря толь дражайшее многимъ народамъ имя, не дерзнетъ коснуться зданію сему; но соблюдетъ

его въ роды родовъ: сонмъ Россійскихъ приснопамят-
ныхъ Ироевъ прославитъ ТЕБЯ въ вѣкахъ грядущихъ,
и само позднѣйшее потомство соплететъ ТЕБѢ нетлѣн-
ные вѣнцы.

Удостой сіе приношеніе ТВОИМЪ благопромы-
шляющимъ о насъ взоромъ, Царь сердецъ! — Живо-
творящее вселенную солнце низводитъ блистательный
лучъ свой и на самую малую каплю росы. — ТВОЙ
взоръ ополтитъ духъ мой силою на прехожденіе
предпринятаго мною полрища и дастъ мнѣ новое
бытіе; я преживу время и повѣдаю сынамъ сыновъ
моихъ, сколь велико есть щастіе быть

ТВОИМЪ!

АВГУСТѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Вѣрноподданнѣйшій

Павелъ Львовъ.

ИЗЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ,

Принадлежащихъ къ Храму Славы Россійскихъ Ироевъ.

Первой рисунокъ представляетъ внѣшній припворъ Храма. Слава опдернувъ завесу ноши, (знаменующую мракъ давнобытности, показываетъ Россію увѣнчанную Кіевскими твердынями, и сѣдящую на трофеяхъ съ лавровою вѣпвѣю въ десницѣ, яко добычею побѣдъ, о коихъ Слава трубитъ въ концы вселенныя. Вдали виденъ Царь - Градъ и врага онаго со щитомъ, носящимъ имя Олега, во свидѣтельство торжества Россійскаго Царства надъ Греческою Имперіею.

Второй рисунокъ представляетъ Славянина, держащаго лавровою вѣнецъ, награду, спяжанную имъ за богатырскіе подвиги, и покоящагося, опершись на шаръ земли, украшенной именемъ Россіи; шлемъ на главѣ его и мечъ при бедрѣ доказываютъ, что онъ во всякое время готовъ защищать отечество свое и всегда на стражѣ онаго.

ИЗЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ,

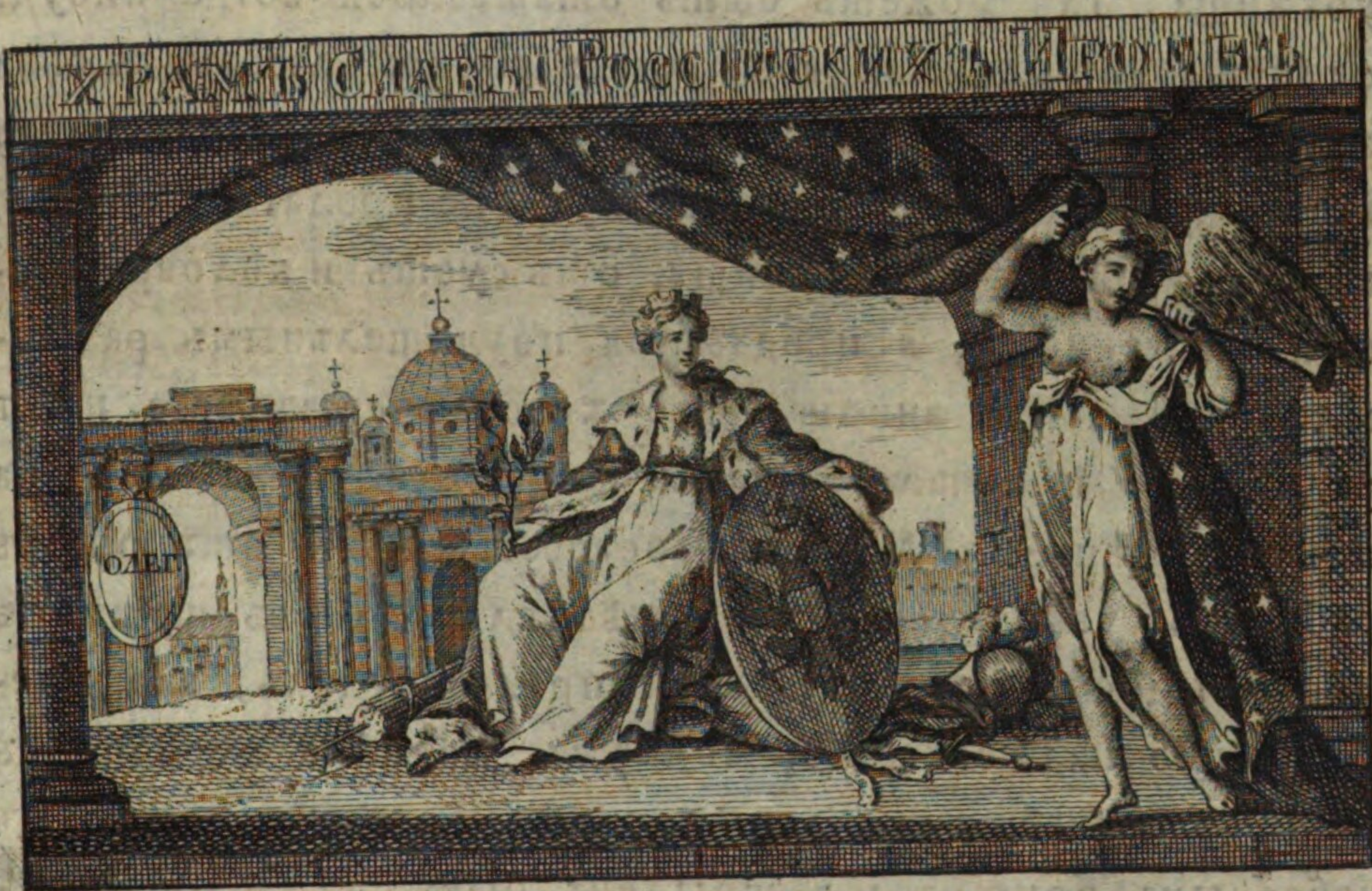
Принадлежащихъ къ картинѣ Славянской Древности.

Первой рисунокъ изображаетъ Россію, увѣнчанную Новгородскими башнями, сѣдящую на Руническихъ камняхъ, знаменующихъ ея глубокую древность и твердое основаніе: она держитъ въ одной рукѣ Московское, отечественное знамя, а въ другой знамена, Римское и Греческое, въ доказательство одержанныхъ ею побѣдъ надъ Римлянами и Греками въ протекшіе вѣки. Близъ нее орелъ съ перуномъ, какъ бы готовый къ паренію, означаетъ быспрошу, силу, неутомимость и превосходство пламеннаго, народнаго духа. Поверженный къ стопамъ Ея щитъ съ гербами: Сибирскимъ, Казанскимъ и Астраханскимъ, показываетъ три сильныя Царства, Россіею подъ свою державу покоренныя; а скрижали съ Русскою правдою, прислоненныя къ колѣну сая Царицы Царствъ, знаменуютъ, что и въ самыя дре-

внѣя времена нравы Россіянѣ образованы были законами, которые существовали въ Россіи до Рурика; ибо *Русская правда* суть законы старые, Ярославомъ возобновленные или дополненные.

Второй рисунокъ представляетъ Россійскаго Геркулеса, подавляющаго двухъ змѣй въ колыбели своей (чего ради и гербъ Московской на ней изображенъ), — или въ лицѣ его Россію, во младенчествѣ бывшую; и тогда она преодолевала и покоряла себѣ нападавшихъ на нее иноплеменниковъ; а что и того ближе, Эмблема сія свидѣтельствуетъ мужество Росса, которой, удрученъ бывъ нѣкогда напастями, изнемогалъ подобно слабому младенцу, но при всемъ томъ искоренилъ вторгшихся въ отечество его двухъ злѣйшихъ супоспашовъ: Ташаръ и Поляковъ.

Погрѣшности, вкравшіяся въ шипографіи, при напечатаніи сея книги, авторъ вынесъ на особомъ листѣ.

ХРАМЪ СЛАВЫ РОССІЙСКИХЪ ИРОЕВЪ.

Благословляю васъ злачные брега крошкой *Индомань* (*); вамъ обязанъ я пріяшнѣйшими часами дней моихъ. Во глубинѣ густыхъ рощей, освѣняющихъ цвѣтущіе холмы ваши, царствуетъ безмятежная тишина, кою-рой ни въ какое время не нарушалъ буйный гласъ развратной праздности. Въ нѣдрахъ сего таинственного

(*) Рѣка текущая въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ.

убѣжища, гдѣ можетъ быть отзывалось когда нибудь единственно шомное воздыханіе робкой любви, важная задумчивость основала свое пребываніе и дерзновенная нога порока никогда слѣдовъ шуда не пролагала. Здѣсь, въ семъ мирномъ пристанищѣ, отъ суеты и коловращности удаленномъ, я предавался поучительнымъ размышленіямъ, коихъ виною было живое впечатлѣніе шѣхъ радостей и печалей, какія испытала душа моя на поприщѣ жизни. Мой умъ освобожденный отъ оныхъ рабскихъ узъ, кошорыми сшѣсняли его въ шумномъ многолюдствѣ заблужденіе и предразсудокъ, владычествующіе надъ свѣтомъ; мой умъ, подобно пернашымъ заботъ невѣдущимъ, лешѣлъ отъ бренной земли къ небеснымъ кругамъ и возкрыленъ бывъ силою воображенія париль по безпредѣльному Царству мѣчтанія: шоносился надъ мрачными вѣками давнобышности, шосозидаль чудесные мїры гадашельнаго блаженства.

Тихая сѣнь уединенія моего! сколь мило сердцу моему и одно о тебѣ воспоминаніе! Углубясь въ сумракъ, подъ шемнозеленые швои своды, мнилъ я, будшо преходиль въ новую жизнь. Хошя и не испытываль сего ужаснаго раздѣленія меня со мною, оной вѣчной съ самимъ собою разлуки, что мы называемъ смертію, но я былъ мершвъ для всѣхъ заразъ превращнаго свѣта: наслаждался шокмо шѣмъ удовольствіемъ, какое приносишь намъ созерцаніе огромной картины шворенія и

собственного бытія нашего, неоправленного угрызениями совѣсти. Смертные! сердце ваше пучина страстей; оно кипитъ огнемъ желаній и часто влечетъ васъ къ бѣдамъ; но въ уединеніи укрощается и изъ огнедышащаго Вулкана превращается въ чистый, зеркаловидный водоемъ, являющей свѣтлое лице Небесъ. Человѣкъ уединясь входитъ въ святилище сердца своего и въ немъ изслѣдуя себя научается превосходнѣйшей изъ всѣхъ наукъ: — бытъ счастливымъ. Въ уединеніи пріобрѣтаешься таинственная сила откровенія, которая, отдѣляя человѣка отъ всего вещественнаго и смертнаго, сближаетъ его съ Творцомъ сей прекрасной вселенной, вразумляетъ его къ какому концу стремятся всѣ Начала, чудеснымъ Вышняго промысломъ управляемая: будучи всегда обильна высокими думами, точна въ соображеніи прошедшаго съ настоящимъ и предъидущимъ, провидяща сдѣленіе событій, сія Божественная сила откровенія, знаменуя безсмертіе души, ясно изображаетъ оное великое, неизъяснимое, но испытуемое существо, изъ коего произшкела; существо, которое вина всѣхъ причинъ.

Колико ни щипится смертный, алчущій богатства изторгаетъ многоцѣнные камни и металлы изъ утробы земной; какъ ни усиливается сражаться съ стихіями и спазуясь даже съ судьбою, для корысти, преплываетъ моря, но всѣ сокровища, такъ сказать, жизни ему стою-

ше, сравниться не могушь съ блаженствомъ, каковы
 уединеніе надблещь; въ немъ лучшее богатство, — миръ
 съ самимъ собою; въ немъ превосходнѣйшія утѣхи, —
 постепенное стяжаніе вездѣ сущаго добра, являющагося
 въ разнообразныхъ произведеніяхъ щедрой природы.
 Благодарю тебя любезное убѣжище мое за наслажденія
 мною испытанныя. Подъ мшистымъ кровомъ твоимъ
 я вкушалъ покой, Утомленный прогулкою забывался
 въ объятіяхъ любви и невинности. Ахъ! какъ сладко
 засыпалъ я на мягкой муравѣ, покрытой душистымъ
 облакомъ цвѣтовъ сельныхъ: тогда и самый сонъ мой
 являлъ мнѣ прелѣстныя мечты. Причудливая снотол-
 любцевъ нѣга! Маперъ пороковъ! Твое, раздражающее
 страсти, доно ничто предъ симъ. Чадю персти тебѣ
 предавшееся никогда не спишь сладко; различными
 привидѣніями и грѣзами развращъ тревожишь его пресы-
 щенную довольствомъ душу; утомленные неумѣрен-
 ностію чувства отъяли силу жизни у его изнуренныхъ
 членовъ.

Въ одинъ ясной вечеръ, каковыми плодотворное
 лѣто украшаетъ землю, сѣдя подъ вѣтвями много-
 лѣшнихъ елей, нависшихъ надъ прозрачною рѣкою,
 я читалъ книгу бышій. Вперивъ всю мысль въ произ-
 шествіи міра, въ дѣяніи людей, зрѣлъ начало возвы-
 шенія Царствъ и причины паденія ихъ, ужасные перево-
 роты, гибель цѣлыхъ народовъ, ослабленіе сильныхъ

Монархій и тѣ роковыя, часто шаловажныя случаи, но отъ коихъ зависѣла судьба милліоновъ людей! Сіе бышописаніе представлялося очамъ моимъ какъ нѣкая узорчатая ткань; великіе мужи блистали широкъ подобно яркимъ цвѣтамъ среди густыхъ тѣней. Я видѣлъ то превознесенное состояніе Рима, въ которое Цари за честь вмѣняли нарицаться его Гражданами, и напоследокъ то низкое его состояніе, когда развужные невѣжды содѣлались его владыками. Сколь много пролило человѣческой крови! Колико тысящъ невинныхъ принесено въ жертву высокомерію, алчбѣ, буйству и суевѣстству! Сколько предразсудковъ и заблужденій вошло въ обычаи! Сколько обычаевъ премѣнилось въ законы! сколько законовъ несогласныхъ съ истиною! какихъ трагедій не было на театрѣ свѣта? были и крестовыя походы: ухищреніе ими повелѣвало, а безуміе повиновалось; изувѣрство спакнувшись съ корыстолюбіемъ сожигало и людей въ кострахъ. Были всякаго рода предательства и измѣны! гремѣли Вашингтонскіе перуны! Но, о! ужасъ всѣхъ временъ! просвѣщенные сыны Европы съ крестомъ и мечемъ вступають въ четвертую страну міра и открываютъ шамъ новыя забавы! Они травятъ псами людей и шому изъ сихъ лютыхъ животныхъ дають отличное наипянованіе, которое болѣе несчастныхъ погубило: они утѣшаются страданіемъ нещастности и добродѣтели шомъ

щихся въ разноизобрѣщенныхъ мукахъ. Какихъ пытокъ, какихъ жестокошей не вымышляло тамъ безчеловѣчїе, слѣпымъ суевѣріемъ подкрѣпленное, на изтребленіе беззащитныхъ дѣшей природы! Скажемъ не обинуясь, что книга бытія ничто иное какъ изображеніе всегда шоржествовавшихъ золь: коварства, насилія, невѣжества; но по переменѣ, то вкупѣ шерзавшихъ челоѣчество, въ продолженіе всѣхъ вѣковъ.

Я видѣлъ Ариспида въ изгнаніи, Сократа въ шенищѣ, Фокіона въ оковахъ; видѣлъ правду и любовь къ отечеству на лобномъ мѣстѣ; но сшротосудящее потомство благословляетъ ихъ и сооружаетъ имъ негблемые памяшники — въ сердцахъ мудрыхъ. Я видѣлъ Калигулу богочествуема жрецами, Нерона въ Діадимѣ, Геліогабала на шронѣ: шасшливыя чудовища сїи, позоръ челоѣческаго рода, хошя и вынудили подданныхъ своихъ звѣрствомъ ихъ усшрашенныхъ, дабы воздавалося имъ поклоненіе богамъ принадлежашее, но что же по смерти? — поруганіе и кляшва преслѣдуетъ гнусныя имена ихъ изъ рода въ родъ. Слѣпая богиня чшобъ увѣковѣчить неисшовство своихъ нечестивыхъ любимцевъ хошя и нарицала ихъ великими, но Сѣшшозарная истинна сдернула съ нихъ блистательный покровъ и вмѣсто боговъ показала въ нихъ вѣкамъ грядущимъ — злодѣевъ.

Подобно мореплавателю, окинувшему взоромъ

пространство океана и съ волны на волну спре-
 щемуся на всѣхъ вѣтрилахъ къ отечественному берегу,
 я преходилъ отъ народа къ народу, отъ поколенія
 къ поколенію; слѣдовалъ за побѣдами то сихъ, то
 тѣхъ; странствовалъ изъ древняго Вавилона къ пре-
 словутымъ Фивамъ и въ ученые Аѳины, изъ бранноно-
 сной Спарты къ гордымъ стѣнамъ Ромулова града,
 отъ падшей Капишоліи въ пышную Константинову
 столицу, а оттуда къ мудрымъ Гиперборейцамъ, къ
 мужественнымъ Ригамъ; ко оному доблестивенному
 Славянъ племени, которое владычествовало надъ стра-
 нами лежащими между льдистыхъ горъ севѣра и подне-
 бесныхъ хребтовъ Кавказа; надъ странами, кои прости-
 рались отъ волнъ Варяжскаго моря до пучинъ Евксин-
 скихъ, отъ безднъ Хвалыскихъ и до водъ Адриатиче-
 скаго Понша. Здѣсь потомки Мосоховы Кій, Щехъ и
 Хоревъ созидаютъ первопрестольный градъ у быспро-
 шечнаго Днепра; тамъ другое колено Славянъ возлюбя
 мѣста покоющагося Илменя и тихія струи Волхова
 зиждетъ Славенскъ, изъ развалинъ коего возникъ вели-
 кій Новградъ. Если вѣримъ Исторіи, то сія знамени-
 тая полночного края эпоха была въ началѣ шестой
 эпохи міра, въ тѣ едва памятные годы, когда еще
 дымились остатки сокрушеннаго Иліона, когда бли-
 сталъ на поверхности земной новосооруженный Соло-
 мономъ Храмъ, и когда еще ни властвовавшей надъ вселен-

но ю Римъ, ни храбрая соперница его Кароагена даже и причинъ къ произхожденію своему не имѣла (*). Разсѣвася мракъ времянь; уже начинаютъ являться на поприщѣ славы Россійскіе Ирои; подобно дневному свѣтилу изъ облакъ выкашившемуся они сіяють въ вѣкахъ прешедшихъ. Но кто, но кто воспѣлъ дѣла ихъ? Гдѣ твои пѣсни Скальдъ давнихъ лѣтъ Россіи, славный въ преданіяхъ Боянь? гдѣ памятники сихъ бессмертныхъ основателей ометчества? ужели Ирои сіи, равно деревьямъ пустыннымъ, бросающимъ тѣнь свою на одни лишь хладные камни? ужели должны пребыть они навсегда сокрытыми въ листакъ дѣписаній? и пылкое око юноши не пленится лихъ благороднымъ изрядствомъ? и рыяный духъ его не возпламенился огнемъ ихъ доблести? О! Слава! кумиръ великихъ сердецъ! И ты о нихъ безмолвствуешь! между тѣмъ какъ любосластный и запальчивый юноша превознесенъ ботами вдохновеннымъ Омиромъ, а недостойному бѣглецу бряцала въ честь Маншуанская громкая лира! Ты проповѣдуешь покло о дерзосныхъ сынахъ щастія, истинное же достоинство оставляешь безвѣстнымъ.

Тако я сѣповалъ, и предавшись сему размышленію не примѣшилъ какъ черная тѣнь лѣсовъ разпростерлась

(*) Славенскъ построенъ въ 3099 году отъ сотворенія Міра, за 2407 годъ до Рождества Христова. Смолр: подробную лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской побѣды, изданную въ 1798 году, Н. Л.

по долинь и какъ погасъ алый лучъ зари на спеколь-
 чашомъ окнѣ дома моего. Уже серебряный свѣтъ блѣ-
 дной луны сверкалъ въ мелькающихъ струяхъ рѣки;
 утихъ и западный вѣтръ; умолкли пшцы; ночь при-
 ближилась въ черной порфирѣ своей, съ важною пиши-
 ною; одинъ лишь соловей, шамъ, за рѣкою, въ березовой
 чащѣ, рассыпалъ звонкія прели по окрестности и
 пѣснями своими сугубилъ величавость природы на сонъ
 грядущей. Волшебный голосъ ночного сладкопѣвца очаро-
 вывалъ душу мою, наполняя ее пріятною томностію,
 и ввергалъ меня въ вящую задумчивость. Тонкая влага
 благовонныхъ испареній ошягошила мои вѣжды; — и
 воздремалъ.

Но дремалъ ли я, или бодрствовалъ? Какъ
 нареку тебя, о! крапкое время неизреченнаго возхище-
 нія? . . . Не дремошою, не сномъ, но духовнымъ суще-
 ствованіемъ. Внезапный восторгъ объялъ меня всего;
 какая то животворная теплота согрѣла грудь мою: я
 млѣлъ въ тихой радости, которая чужда шумной радо-
 сти земной, а подобна бальзамическому дыханію цвѣ-
 товъ, носящемуся по зарямъ ушреннымъ и освѣжающему
 чувства; она ободряла духъ. Мнѣ представились виды
 чудной красоты.

Какая кисть удобна изобразить велелѣпіе небесное,
 плѣнившее и очи и умъ мой? какое перо опишетъ
 изящество горнихъ зданій, мною видимыхъ? О безсме-

ршнй Тенй! Честъ Россіянъ! Ты, коего доброгласная лира изумляла весь севѣръ своими торжественными звуками, неподражаемый Ломоносовъ! Дай мнѣ даръ слова твоего: да возвѣщу о дивномъ царствѣ Славы; да гласъ мой, подобно твоему сладкословію пронесется въ вѣки и возпламенитъ духъ позднѣйшихъ потомковъ.

Казалось мнѣ что я стоялъ на превысочайшей горѣ, какъ бы посреди земли, морей и небесъ; вся вселенная отверста была моему взору (*). Океанъ свѣта, что крашкочневные жители подсолнечной называютъ млечнымъ путемъ, волновался надъ моею главою, а окрестъ меня лежала цѣпь древнихъ и вновь воздвигнутыхъ храмовъ, теряющихся въ дальновидности; на негнблемыхъ вершинахъ высокихъ скалъ воздымались памятники съ сіяющими надписями, въ честъ героевъ; бури и время не смѣли прикасаться имъ. По оплотащимъ холмовъ, кои были подножіемъ храмовъ, зеленѣли рощи лавровыхъ деревьевъ и капились извивистыя рѣки; лучшими произрастеніями изобилующія равнины какъ ковры разстилались между ими; шумѣли водопады; журчали източники по камнямъ переливающимся; восхищительное пѣніе среброкрылаго лебедя съ Меандрскихъ водъ оплывало по рощамъ. Тамъ вѣчная весна сочешавала преле-

(*) Такъ изъясняется Александръ Поле въ своемъ Храмѣ Славы.

спи свои съ богатствомъ осени. Тамъ все очаровывало и зрѣніе и слухъ!

Раздался трубный гласъ, поколебалась твердь, опверзлась превыспренняя; тѣмы міровъ висящихъ на собственнѣйшей тяжести своей горѣли какъ лампы въ неизмѣримомъ пространствѣ безконечности и по лѣстницѣ вдругъ соорудившейся изъ рдѣныхъ облаковъ, подобныхъ тѣмъ, кои послѣ бурной, лѣтней ночи оставшись до тихой зари на горизонтѣ, представляющагося горами раскаленнаго рубина, отъ огня восходящаго солнца; по сей величѣйшей лѣстницѣ, коея верхъ шѣлся въ неудобозримой отдаленности Эмпирея, а низъ касался земли, сходила Богиня, Царица всѣхъ временъ; восхищающее душу имя ея: *Слава*. Ничто на свѣтѣ краше, величественнѣе, привлекательнѣе быти не можеть! Чѣмъ болѣе она приближалась, тѣмъ очаровательнѣе была ея волшебная красота; тѣмъ ярче блистали ея прелестные взоры, воспаляющіе сердца; тѣмъ возвышеннѣе содѣлывался ростъ ея. Улыбка, смертнымъ невѣдомая, пріумножала любезность ея милыхъ устъ, и восторгомъ дарила душу. Вѣчнозеленая и всегда свѣжія лозы соплетшихся лавровъ съ маслинами и мандрагорами (*), увиваясь вокругъ свѣтозарнаго чела

(*) *Мандрагоры* родъ цвѣтовъ и плодовъ благовонныхъ, распускающихся въ Палестинѣ; они весьма пріятны и лечебны. При томъ же цвѣты *Мандрагоры* имѣютъ силу любовную и привлекательную.

ея, составляли неплѣнный вѣнецъ. Драгоцѣнныя перлы, сливаясь съ ея русыми власами возвышали ихъ красу, и вмѣстѣ съ ними разсыпались по бѣлымъ ея раменамъ. Многоцѣнныя камни, какъ звѣзды, сіяли на пышной груди ея и по лилейной выѣ. Ланины ея, — роза ушренняя. Каждая черша божественнаго ея зрака, — неиздѣлимая зараза для того, кто рожденъ съ великимъ духомъ. Гдѣ она ступитъ, тамъ амаранты (*) прозябнутъ. Тонкая риза, обрисовывающая ловкость нѣжныхъ ея членовъ, ошливалась златомъ солнца и серебромъ луны; казалось, она сошкана была изъ лучей сихъ горнихъ свѣтилъ, коихъ лѣпошою небесная твердь превозносится. Вообще Богиня столь была плѣнительна, что сама прелестная Природа, роскошествующая всею красою майскихъ дней, долженствовала ей во всемъ уступить. Какъ жаръ свѣпая, въ десницѣ ея, труба доказывала о ней, что она раздаетъ міру хвалы и порицанія, что она располагаетъ безсмертіемъ. Хотя и не была столь многоочина, столь чудовидна, какъ изобразилъ ее въ неподражаемыхъ пѣсняхъ своихъ Пѣвецъ Энея; но быстрыя зѣницы очесъ ея проникаютъ нѣдро горъ, глубину морей, самыя сокровеннѣйшія хранилища тайнъ;

(*) *Амарантъ* цвѣтъ яркой, долго неувядаемый, но когда и засохнетъ, то все не теряетъ своего вида, а по тому и почитается символомъ негиблемости.

сквозь самые густые мраки она видишь какъ порокъ пользуется своимъ успѣхомъ: ею зрима цѣль дальновидныхъ замысловъ великихъ мужей. Слухъ же ея сшоль необычаенъ, что она слышишь, какъ Герой, еще младенцемъ сущій, движется въ утробѣ матери своея.

Многочисленное дворослуженіе окружало ее; ей предшествовали: неуспрашимый *Патриотизмъ*, рьяная *Храбрость*, отважная *Предприимчивость*, радости полная *Побѣда* и строгое *Законодательство*. Зоркіе орлы, спутники торжествъ, парали надъ ея главою. Близъ нее шѣснились толпы крылатыхъ Геніевъ: то были ея вѣрные слуги; одни прилепали къ ней и сообщали все, что ни творилось добраго и злаго на земли; а другіе были провозвѣстники ея похвалъ и хуленій, и разносили ихъ въ концы вселенныя. По слѣдамъ ея шли девять сестръ, никогда непрестаревающія Піериды: онѣ воспѣвали Богинѣ въ честь хвалебныя пѣсни. За сими шекло покорствующее ей Время, опираясь на свою косу, которой пагубное остріе никогда не прищупляется; оно вело за собою тысячи и тѣмы лѣтъ, исходящихъ цѣлымъ рядомъ изъ неудобопроницаемой внутренности небесной точно такъ, какъ прилепаютъ къ намъ на лѣпо сшада пернатыхъ опъ знойныхъ спранъ; или шако, какъ выбѣгаешь на лугъ сшадо среброрунныхъ агнцовъ изъ вмѣстилища своего и разсѣвается по всему зеленому долу; а подобно несмѣшнымъ во-

лнамъ морскимъ, сїи чада времени поспигали другъ друга и мгновенно одинъ поглощалъ другаго.

Никогда на мысль не входило смертному, въ юдоли плачевной странствующему, видѣть такое прекрасное зрѣлище, каковымъ сїя владычица народныхъ мнѣній чаруетъ плѣняющееся ею око! Казалось, что сами небеса предъ нею преклонялися. Все сїе необозримое пространство, посреди коего я находился, украсилось для нее превосходнѣйшимъ величїемъ. Злачные холмы возвысились, подобно горамъ; храмы и памятники, на оныхъ воздвигнутые, разширились и вознесли вершины свои: свѣтлѣе сіяли знаменитыя надписи, на плитахъ несокрушимато адаманта изсѣченныя; уже вмѣсто пѣнїя пшницъ, раздавались по рощамъ пѣсни торжества и славословія; вмѣсто журчанїя источниковъ, вмѣсто плесковъ волнъ рѣчныхъ и рева морскихъ водъ, слышимо было разглагольствїе воинствъ, воздающихъ честь Вишязямъ; рукоплесканїе народовъ, превозносящихъ Благодѣлителей своихъ; громогласное восклицанїе цѣлыхъ областей, въ хвалу Мужамъ великимъ. Словомъ: все поражало умъ, все восхищало духъ!

Слава манїемъ главы дала знакъ и все ея дворослуженїе успремилось на подвигъ свой. Девять божественныхъ дѣвъ возшекли на небеса съ пѣнїемъ и лиричными звонами; добродѣтели спустились на землю

творить новые чудеса; быстрые гении, послушные служители славы, какъ дождь посыпались на вселенную и удалилось самое время: оно сѣло на шаровидную колесницу, многокрыльными вихрями запряженную и съ невѣроятнымъ стремленіемъ въ путь свой покашилось. Тогда Царица вѣковъ возвела на меня гнѣвное око; подобно молніи блеснули ея зеницы; она рекла: „За чемъ ты здѣсь дерзновенный? Какой подвигъ даетъ тебѣ право на мои щедроты? Трепещи. Ты зришь предъ собой Владычицу свѣта, Владычицу раздраженную неблагодарностію высокомерныхъ чадъ земли, коихъ ненасытное самолюбіе ничѣмъ недовольно, koliko бы кому изъ нихъ я ни благошорила. — Какъ! ничего не содѣлавъ знаменишаго въ мірѣ и ты осмѣлился укорять, что я покровительствую токмо буйныхъ сыновъ щасія, а истинное достоинство оставляю безвѣстнымъ? — Ошвѣщай, строгій судія дѣлъ моихъ, за чемъ пришелъ въ обитель Славы? конечно для того чтобы изобличить ее въ несправедливости?“,

Священный ужасъ объялъ меня всего; я затрепеталъ, не зная что ошвѣщать и въ робости моей едва произнесъ дрожащими устами слова сіи: „Мой духъ вездѣ тебя ищущій, занесъ меня сюда. Безсмертная! я плененъ твоими божественными прелестями съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ небесныя дѣвы, сладкоглаго-

„ливныя дщери Мнемозины возвѣстили мнѣ о тебѣ;
 „онѣ изобразили тебя столь живыми чертами, что
 „очаровательный образъ твой часто являлся мнѣ въ
 „самыхъ пріятнѣйшихъ мѣчтаніяхъ, въ сновидѣніяхъ ми-
 „лыхъ, сердцу; я мню тебя видѣть во всѣхъ изящ-
 „ныхъ красотахъ природы и—съ тѣхъ поръ возревновалъ
 „твоимъ любимцамъ. — Тебѣ посвятилъ я все мое бы-
 „тіе. Повергаюсь къ стопамъ твоимъ, великая Богиня
 „вселенныя! Пріобщи меня къ числу твоихъ избран-
 „ныхъ, коимъ даровала ты безсмертіе. Хвала твоя
 „мнѣ слаще меда, твои щедроты драгоцѣннѣе золота — и
 „всѣхъ сокровищъ Голконда. Но ахъ! если ты не удо-
 „стоишь меня твоимъ благоволеніемъ, то лучше хочу
 „умереть безвѣстенъ нежели осмѣяться жить въ вѣ-
 „кахъ съ позоромъ.,

Мое покорство смягчило грозную небожительницу.
 Привѣтливыя рѣчи, — пища славы. Тнѣвный видъ ея
 премѣнился въ видъ веселый, возхитительная улыбка
 разцвѣла по прежнему на алыхъ устахъ и уже крош-
 кимъ звукомъ голоса, подобнымъ нѣжному арфы роко-
 шу, она продолжала: „Хотя и не противно мнѣ
 „обожаніе смертныхъ, но не всѣхъ я удостоиваю моимъ
 „благопріятствомъ. Вѣдай что не едиными лишь без-
 „плодными разсужденіями, не единственнымъ токмо суетнымъ
 „умствованіемъ, или тщетнымъ красноречіемъ, — кои
 „бываютъ часто плодомъ праздности, — не тѣмъ токмо

„приобрѣтаются мои награды; нѣтъ, чтобъ снискашь
 „ихъ, пошребны: дѣйствіе, трудъ, пожертвованіе соб-
 „ственнымъ благомъ благу общему. Одна дѣятельная
 „добродѣтель ведетъ къ безсмертію. Отечество! отече-
 „ство! Вотъ кумиръ истинныхъ Ироевъ, а щастіе
 „согражданъ единственная цѣль ихъ; любовь къ вѣрѣ
 „и престолю ихъ долгъ..”

„О всевластная обладательница народныхъ мнѣній!
 „пресѣкъ я рѣчь ея. Чтобъ быть полезну отечеству
 „надлежитъ имѣть къ тому случаи и средства; а тебѣ
 „самой то извѣстно какія непреодолимая преграды,
 „какія напасти предстоятъ тому, кто идетъ путемъ
 „общей пользы: зависишь куешь тому оковы, клеветы
 „ошверзаешь ему темницу, гоненіе уготовляешь ему
 „ужаснѣйшую ссылку. Милціады,Themistоклы, Анниба-
 „лы, Катоны, что получили въ воздаяніе? они до кап-
 „ли изпили горькую чашу смерти.

„Для великаго мужа каждое время имѣетъ къ обще-
 „му благу свои случаи и средства, — вѣщала Слава, —
 „мудрый и во тѣмѣ наблюдаетъ всѣ обстоятельство и
 „созерцаетъ всѣ оныхъ послѣдствія; а для невѣждъ
 „и ясный день, темная ночь. Истинной Ирой ничего
 „не ищетъ какъ шокмо сущаго добра и въ желаемомъ
 „онаго дѣйствіи полагаетъ все свое воздаяніе; рано
 „или поздно отъ плодовъ правды онъ снѣстъ благо.
 „Пусть сильные горделивцы, пусть мужи двуязычны,

„часто не по достоинству обладающіе такими преимуще-
 „ствами, на кои природа не дала имъ никакого права;
 „пусть они присвояютъ себѣ чужіе труды и дѣйствіе;
 „пусть кичатся успѣхами неспостигаемаго ими общаго
 „добра сего. Благотворитель отечества препоясавъ
 „крѣпостію чресла свои и мышцы упвердивый на дѣло,
 „взираетъ на злоумныхъ съ великодушною усмѣшкою,
 „какъ воинъ на отроковъ, кои не въ силахъ будучи
 „поднять тяжелой брони его, заботятся вокругъ нее
 „и только что колеблютъ или совсѣмъ роняютъ, да
 „и безъ помощи силы его на опредѣленное ей мѣсто
 „возставитъ оную не могутъ; но время открываетъ
 „истинну. Когда труба моя возгремитъ въ хвалу совер-
 „шенному достоинству, а въ позоръ похитителямъ
 „чужой славы, тогда доблестъ явится во всемъ сіяніи
 „своемъ. Вѣрь, что недремлющее око мое соглядаетъ
 „всѣ произшествія свѣта.,,

Съ симъ словомъ богиня окинула единымъ взгля-
 домъ все необъятное пространство, среди коего я съ
 нею находился и указавъ на землю возгласила: „Чтобъ
 „была вселенная, естли бы я не украшала ее дѣлами
 „великихъ людей? ужасное позорище единого лишь бѣд-
 „ствія: царство одного шокмо зла. Но великіе люди пре-
 „мѣнили ее въ прекраснѣйшую картину торжествовав-
 „шихъ добродѣтелей. А кому они обязаны силою своихъ
 „дѣйствій? кому, какъ не мнѣ. — Я содѣлываю ихъ

„побѣдоносными во браняхъ, ивердыми въ напастяхъ,
„неколебимыми въ опасныхъ предпріятіяхъ. Я питаю
„ихъ моею грудью; моимъ млекою возданные Ирои
„покорили себѣ спихи, время и овладѣли сердцами
„всего человѣческаго рода.,,

„Обыкновенныя души меня не постигаютъ; движимы
„будучи единою лишь корыстію, онѣ довольствуются
„токмо наспоющимъ, и хладное чувствованіе ничтожнаго
„бытія ихъ никогда не согрѣвается огнемъ доблести
„во благо потомству. Истинное же ироиство провидитъ
„меня въ туманѣ скопляющихся приключеній, часто
„необычайныхъ и кажется несобыточныхъ; оно согла-
„даетъ меня въ грядущихъ столѣтіяхъ, въ случаяхъ
„самыхъ опдаленнѣйшихъ отъ времени существованія
„своего и зиждетъ добро, — ежели нельзя ради современ-
„никовъ, то, — для позднѣйшихъ родовъ Я всюду
„слѣдую за Ироемъ и нѣ любезнымъ, препровождаю его
„чрезъ все случаи и чѣмъ паче предлежитъ ему про-
„тивуборствующимъ бѣдствіямъ, тѣмъ болѣе возвышаю
„его добродѣтели. Я показую ему неизбежное зло приво-
„дящее робкую душу въ ужасъ, — и тѣмъ вѣще раздра-
„жаю великій духъ его къ преоленію всѣхъ препонъ;
„наконецъ самое зло сіе, — ожидавшее токмо его муже-
„ственного усилія, — обращается людямъ во благо, ему
„во славу и угрожавшій ему день пагубы и плача пре-
„мѣняется въ день его торжества и веселія.,,

„Какое прекрасное, величественное зрелище ви-
дѣть Ирою прешающаго поприще безсмертныхъ своихъ
„подвиговъ! Онъ стремится возставитъ блаженство
„себѣ подобныхъ; въ силѣ крѣпости и въ радостной
„надеждѣ духа, онъ неустрашимо сражается съ злобою,
„побѣждаетъ зависть, маетъ коварство: Самъ Богъ
„приникнувъ съ превыспреннихъ простираетъ къ нему
„умильное око какъ нѣжный отецъ къ любезнѣйшему
„сыну, въ коемъ сладостно ему признавать свое подо-
„бие; Самъ Богъ поборснвуетъ Ирою достигнуть досто-
„хвальной цѣли его. Тогда смертный сей ставъ безсмер-
„шенъ является на пространствѣ вселенной въ полномъ
„сїянїи величїя своего: — и даже младенцы въ утробѣ
„матерей еще сущіе, уже обязаны ему благодарностїю
„и благоговѣніемъ. Тако свѣтоносный царь дней, раз-
„гнавъ мраки нощи, а съ ними кунно и всѣ нелѣпыя
„сновидѣнїи озаряетъ природу, животворитъ всю тварь
„и оплодотворяетъ всѣ по лицу земли разсыяныя дары
„небесъ даже на предбудущіе ихъ произрашенїи. —
„Что до того что на свѣтѣ все премѣнно, что все
„преходитъ, но Ирои, коихъ охраняю я моимъ несо-
„крушимымъ эгидомъ живы мною и по смерти: моимъ
„велеречивымъ гласомъ говорятъ они изъ гробовъ сво-
„ихъ и единственно великимъ душамъ вняшенъ много-
„значащій, *символической* языкъ ихъ; вѣки родящся и
„исчезающъ не дерзая коснуться ихъ безпредѣльной, вѣч-
„ной со мною жизни.,

„Пребывая невреждимо посреди бурь океана, посре-
 „ди огня брани, посреди развалинъ царствъ, посреди
 „всѣхъ эпохъ міра, непрестанновенными снопами пре-
 „провождая я питомцевъ моихъ въ храмъ безсмертія;
 „но съ презорствомъ отвращаю лице мое отъ крово-
 „жаждущихъ побѣдителей, отъ царей жестокихъ, отъ
 „вельможъ лукавыхъ, отъ писателей зломудрыхъ, отъ
 „пѣснопѣвцевъ льстивыхъ: довольно имъ единого укори-
 „зненнаго моего взгляда; уже несущся они на спреми-
 „тельныхъ крылахъ времени или въ темную проласть
 „забвенія, или въ шумящую всегда лугину позора. Я
 „шворю священными имена и витязей, и пѣснопѣвцевъ
 „ихъ.“

„Такъ, Ахиллъ былъ воспѣвъ Омиромъ, Маронъ
 „прославлялъ Энея; но изыщество пѣнія лишь, пѣв-
 „цовъ вѣнчаетъ честію, Ироямъ же ихъ — безъ добродѣ-
 „телей, — сіяніе не сколько недаетъ. Вымышленная по-
 „хвала, наружный блескъ несильны ослѣпиль прозор-
 „ливость снротого любомудрія: оно тщательнo изслѣ-
 „дуетъ самыя дѣла, источникъ оныхъ и истинное
 „достоинство безстрастно опредѣляетъ отъ ухищрен-
 „наго высокомерія. Не пѣсни Скальдовъ, неobeliski
 „до облакъ достигающіе, содѣлываютъ великихъ мужей
 „безсмертными, но точная доблестъ, но преодоленіе
 „самого себя, благодѣяніе чловѣчеству оказанное: се
 „суть пожертвованія пріятнѣйшія сердцу моему;

„они досточестнѣ всѣхъ завоеваній порочнымъ сыномъ
 „Филиппа смяжанныхъ; они многоцѣннѣ всѣхъ даровъ
 „Сиракузскаго тирана, которой велелѣпїемъ посольства
 „своего и сіянїемъ злаша суешно мнилъ ослѣпить му-
 „дрыхъ старцовъ Эллады; напрасно уповалъ ошъ спра-
 „ведливыхъ судей Олимпійскихъ чрезъ то обрѣсти се-
 „бѣ хвалу, единому только достоинству принадле-
 „жащую. — Но увы! сколь много было такихъ царей,
 „такихъ вельможъ, такихъ изверговъ естества, коимъ
 „бряцала ласкашельная мздоимцевъ лира! Сколь много
 „было такихъ развращенныхъ сердецъ, кои шенешами
 „льстивыхъ усшенъ своихъ вовлекали и саяныхъ крошко-
 „душныхъ мужей въ злыя ковы! а сколь мало шѣхъ
 „царствъ, гдѣ находились совершенные Ирои, благошво-
 „рители человѣковъ! — Нѣкоторые изъ нихъ хотѣя и жи-
 „ли въ безвѣстной долѣ, въ убожествѣ и сокрывались
 „даже ошъ очей моихъ, между шѣмъ какъ буйные чада
 „щастїя и роскоши всеиѣрно штили менѣя уловишъ
 „разшочая горы богатства, раззоряя цѣлыя области;
 „но я о первыхъ сообщила велегласно всему попом-
 „ству и исполнила всѣ сердца къ нимъ благодарс-
 „нїемъ, — шого шребовала ошъ менѣя сама добродѣтель
 „ихъ; — недостойныхъ же сыновъ щастїя, суешно искав-
 „шихъ благоволенїя моего, я ознаменовала собственными
 „именами ихъ, содѣлавъ изъ оныхъ имъ печать вѣчнаго
 „позора; — тако опредѣлило само правосудїе. Да и

„тѣмъ поругаются всѣ роды, кто дерзнетъ насиль-
 „ственной рукою, вопреки сущему духа благородству
 „и моему одобренію, увѣнчать себя, или кого инаго;
 „похищенные лавры увянутъ мгновенно и никогда
 „живошворнымъ взоромъ моимъ не освѣжашся, зане́ шок-
 „мо тѣ вѣнцы неплѣнны, что я возлагаю.,,

„Горе и тому несчастливцу, коего жадная душа
 „не плѣняется моею красотою, кою подобно узнику,
 „къ цѣпямъ обикшему, влачить косъ какъ безполезные
 „дни свои, тяжкіе себѣ и несносные другимъ; кою
 „доволенъ будучи тѣмъ, что погибло для него время
 „прошедшее, щипитъ всячески погубить и время насту-
 „пающее: шотъ не прилагаетъ сердца къ разуму; шотъ
 „смертію уируетъ и погибнетъ такъ, что бѣднаго имени
 „его ни лира не прозвешъ, ни въ сказаніяхъ оно не
 „ошзовешся, ниже въ бесѣдѣ избранныхъ упомянешся.

„Я вѣдаю что много есть на земли такихъ пра-
 „здолюбцевъ заживо умершихъ, кои лучше желаютъ
 „насладиться всемъ въ краткое время существованія ихъ,
 „— хошябъ надлежало попрашъ все то, что ни есть
 „святаго въ мірѣ, — нежели ошашься жить въ вѣкахъ
 „за цѣну благошворенія какого, съ трудомъ сопряжен-
 „наго; они кощунствуютъ надо мною, уповая тѣмъ
 „понижить мое величіе и примѣромъ своимъ развращаютъ
 „юныя, пылкія сердца; но дабы всегда быть тѣмъ что
 „я есмь, довольно мнѣ одной себя. Гласу моему, кошо-

„рой спокрашъ громозвучнѣе возклицаній зависти и
 „зоречія всѣхъ Зоилъ, повинуется вселенная; она
 „умолкаетъ коль скоро я отверзаю уста. Всѣ ревнители
 „бессмертія повергаются къ стопамъ моимъ, и тому по-
 „чмо изъ нихъ воздается общее почтеніе котораго благо-
 „волю я подъяшъ отъ земли. Внимай словесамъ моимъ
 „и поучайся. Наниши ихъ на скрыжалехъ сердца твоего.
 „Рѣку тебѣ: не буйныя чада враждебницы моей, слѣ-
 „пой Богини щастія, не ея гнусныя порожденіи жи-
 „вущъ въ царствѣ моемъ. Нѣтъ, симъ изчадіямъ чужда
 „обитель небесная; они никогда не водворяшся съ избран-
 „ными моими. Гради за мною, ты узришь славу истин-
 „ныхъ Ироевъ; запечатаей въ памяти твоей все, что
 „возхитишь твоей духъ, и, ежели можешь, возвѣсти
 „отечеству: проповѣдуя славу великихъ, ты самъ со-
 „дѣлаешь ся предмѣтомъ..”

Шествуя путемъ славы я видѣлъ по едину онаго
 страну печальную юдолю. Сплотившіеся дикіе камни,
 мнишся, служатъ ей основаніемъ; изъ черныхъ ущелинъ
 ихъ возникающъ, яд вишый лютикъ и прочія вредоносныя
 травы; туманный сумракъ бросалъ тусклый свѣтъ
 свой на всѣ путь находившіеся памятники и мавзолеи,
 великолѣпныя свидѣтельсва прищворной скорби и
 принужденнаго сѣшования, коихъ пасмурность сугубили
 мрачныя кипарисы, уныніе — наводящею тѣнью своею.
 Сколько я усмотрѣлъ шумъ ложныхъ похвалъ, сколько

тутъ надѣнныхъ стопосложеній, преобращенныхъ въ смершныя приговоры, доказательсшва ради злыхъ дѣлъ, кои, чѣмъ скромнѣе были произведены, тѣмъ съ вѣщимъ поруганіемъ истинна обнаружила ихъ, пріобщивъ къ каждой таковой надписи подробное описаніе свойствъ, намѣреній и пороковъ усопшаго; описаніе неизгладимымъ перомъ ея начертанное! Мѣдь и мраморъ на коихъ сіе означено не гибнуть здѣсь для того единственно, дабы соблюсти во вѣки проклятіе тѣмъ бичамъ челоѣчества, которыхъ прахъ тлѣетъ подъ ними; самыя же памятники сіи, неизпвою рукою лжи и гордымъ тщеславіемъ воздвигнутые, время обезобразило, претворя оныя въ искаженныя развалины. По среди сей *юдоли вѣчныхъ клятвъ* воздымалоса вѣтхое зданіе поразившее меня своею нелѣпою и опальною наружностію; по многовѣчному, разпадшемуся крову и окрестъ столпотворнаго преддверія, росли терновые кусты; сквозь нихъ бѣлелись обломки сшашуй, урнь, аканшовыхъ надстолбій и иные слѣды художесшвеннаго вымысла. Какое сцѣпленіе различныхъ предмѣшовъ явилось взору моему, когда Слава ввела меня во внутренность зданія сего! Я увидѣлъ тутъ тысящи знаменъ, подъ коими несмѣшныя лстеоны сражались для того токмо чшобы шишулъ одного владыки былъ высокопарнѣе другаго. Знамена развѣвались по сшѣнамъ старинною кистію разписаннымъ, гдѣ между богатыр-

скими лицами и узорчатымъ арабескомъ являлися полу-изгладившіяся надписи темновѣщающія эпоху и мѣсто битвы. Груды копей, мечей, бердышей и ушварей жертвенныхъ, ржавчиною почимыхъ, возгнѣшены были кострами, по верхъ коихъ сокрушались рукою ѣдкаго времени шускляя брони и колчуги, — по всему кажется, — рослымъ и многосильнымъ вишнямъ принадлежавшія. Орлы Рима почили сномъ смертнымъ на пукахъ лозъ, сѣкирь, палицъ и прочихъ, разрушающихся на части, воишельскихъ доспѣховъ. Свѣски папира съ Эллинскими и Латынскими писменами уничтожилися на рассыпающихся камняхъ, едва носящихъ знаки Египетскихъ Іероглифовъ и руническихъ буквъ; мраморы древнѣйшіе Арунделевыхъ размѣшаны были близъ сихъ накопленныхъ профеевъ.,, Вотъ что осталось отъ многочисленныхъ,,воинствъ, въ прахъ сошлѣвшихъ, на поляхъ побоища!,,Тамъ, гдѣ были ихъ великолѣпные обиталища, ихъ,,пышные грады, тамъ нынѣ, то звѣри дубравные пло-,,дятся въ своихъ логовищахъ, дремучими лѣсами ограж-,,денныхъ; то зеленѣютъ тучныя пажити, по коимъ,,пасутся стада кочующихъ орды. Гдѣ гробы побѣди-,,телей народовъ? — Тамъ иноплеменникъ, потомокъ,,ихъ плѣнниковъ, дробитъ раломъ своимъ черепы ихъ,,и собираетъ колосистую жатву съ ихъ костей. Гдѣ,,величіе Ассирійскихъ Монарховъ? гдѣ владычество,,Персовъ? гдѣ сына Аммонова завоеваніи? гдѣ сила Рима?

„здѣсь, въ сихъ, тщетныхъ остаткахъ они гибнушъ
 „купно съ ними,, Тако произнесла Слава исходя изъ хра-
 нилица скудныхъ сокровищъ браннолюбивый и кичливой
 древности. Въ округъ зданія сего все являло образъ
 разрушенія, между тѣмъ какъ на противоположной
 странѣ разстилалась прекраснѣйшая равнина прелестными
 весны украшенная, гдѣ блистали бѣлѣйшіе свѣта памя-
 тники мужей праведныхъ. Сама Слава обще съ Добродѣ-
 телью соорудила ихъ въ честь гонимой на земли Не-
 винности, поправленной Истиннѣ, оскорбленному Смирен-
 номудрїю. На нихъ пламенели какъ утренняя заря
 любезные человѣчеству имена. Солнце и луна сливая
 съ ихъ сіяніемъ лучи свои низводили ихъ на землю:
 да согрѣются ими сердца хотя нѣсколькихъ подража-
 телей.

Слава текла ко храму, едва мною зримому въ
 странѣ звѣздами усѣянной. Слѣдуя за нею, уже былъ
 я на разноцвѣтномъ *мосту боговъ* (*), изъ лиловордя-
 ныхъ, радужныхъ полосъ составленномъ. Трепещущими
 и препинающимися стопами возходилъ на сію необы-
 чайную, багряно — сизымъ лоскомъ свѣщаящуюся стезю.
 На каждомъ шагѣ спрашивался я, чтобы не низпастъ съ
 вышины небѣсной въ довременный мракъ Эреба, ибо

(*) *Мостомъ боговъ и путемъ Ироевъ* древніе пѣвцы, Скальды, называ-
 ли радуго.

„ливья дщери Мнемозины возвѣстили мнѣ о тебѣ;
 „онѣ изобразили тебя споль живыми чертами, что
 „очаровательный образъ твой часто являешся мнѣ въ
 „самыхъ пріятнѣйшихъ мѣтсаніяхъ, въ сновидѣніяхъ ми-
 „лыхъ, сердцу; я мню тебя видѣть во всѣхъ изящ-
 „ныхъ красотахъ природы и—съ тѣхъ поръ возревновалъ
 „твоимъ любимцамъ. — Тебѣ посвятилъ я все мое бы-
 „тіе. Повергаюсь къ стопамъ твоимъ, великая Богиня
 „вселенныя! Пріобщи меня къ числу твоихъ избран-
 „ныхъ, коимъ даровала ты безсмертіе. Хвала твоя
 „мнѣ слаще меда, твои щедроты драгоценнѣе запаха — и
 „всѣхъ сокровищъ Голконда. Но ахъ! естли ты не удо-
 „стойшь меня твоимъ благоволеніемъ, то лучше хочу
 „умереть безвѣстенъ нежели осмѣяться жить въ вѣ-
 „кахъ съ позоромъ.,,

Мое покорство смягчило трозную небожительницу.
 Привѣтливая рѣчи, — лица славы. Гнѣвный видъ ея
 премѣнился въ видъ веселый, возхитительная улыбка
 разцвѣла по прежнему на алыхъ устахъ и уже крош-
 кимъ звукомъ голоса, подобнымъ нѣжному арфы роко-
 шу, она продолжала: „Хотя и не противно мнѣ
 „обожаніе смертныхъ, но не всѣхъ я удостоиваю моимъ
 „благопріятствомъ. Вѣдай что не едиными лишь без-
 „плодными разсужденіями, не единымъ токмо суешнымъ
 „умствованіемъ, или шестнымъ краснословіемъ, — кои
 „бываютъ часто плодомъ праздности, — не тѣмъ токмо

„приобрѣтаются мои награды; нѣтъ, чтобъ снискашь
 „ихъ, потребны: дѣйствіе, трудъ, пожертвованіе соб-
 „ственнымъ благомъ благу общему. Одна дѣятельная
 „добродѣтель ведетъ къ безсмертію. Отечество! отече-
 „ство! Вотъ кумиръ истинныхъ Ироевъ, а щастіе
 „согражданъ единственная цѣль ихъ; любовь къ вѣрѣ
 „и престолу ихъ долгъ.,

„О всевластная обладательница народныхъ мнѣній!
 „пресѣкъ я рѣчь ея. Чтобъ быть полезну отечеству
 „надлежитъ имѣть къ тому случаи и средства; а тебѣ
 „самой то извѣстно какія непреодолимая преграды,
 „какія напасти предстоятъ тому, кто идетъ путемъ
 „общей пользы: зависть куется тому оковы, клевета
 „ошверзаетъ ему темницу, гоненіе уготовляетъ ему
 „ужаснѣйшую ссылку. Милціады,Themistоклы, Анниба-
 „лы, Кашоны, что получили въ воздаяніе? они до кап-
 „ли изпили горькую чашу смерти.

„Для великаго мужа каждое время имѣетъ къ обще-
 „му благу свои случаи и средства, — вѣщала Слава, —
 „мудрый и во снѣмѣ наблюдаетъ всѣ обстоятельство и
 „созерцаетъ всѣ оныхъ послѣдствія; а для невѣждъ
 „и ясный день, темная ночь. Истинной Ирой ничего
 „не ищетъ какъ шокмо сущаго добра и въ желаемомъ
 „онаго дѣйствіи полагаетъ все свое воздаяніе; рано
 „или поздно отъ плодовъ правды онъ снѣстъ благо.
 „Пусть сильные горделивцы, пусть мужи двуязычны,

подсолнечная сокрылась уже отъ бранныхъ очей моихъ, и даже, превышающее облака, чело самыхъ огромныхъ горъ не достигало до оныхъ превыспренныхъ крутовъ, гдѣ начинается безпредѣльное царство необъятной вѣчности. Божия проникающая мысль смертныхъ ободрила меня симъ словомъ: „Гряди за мною смѣло. Здѣсь, нѣтъ бѣдственныхъ случаевъ; здѣсь нечего страшиться; здѣсь жизнь единственный элементъ; и жно преидеть, отъ плѣннаго мѣра въ сію душепитательную стихію, шому не коснутся ни вредъ, ни смерть.„ Глаголь небожишельницы пренаполнилъ духъ мой такою опважносшю, что я готовъ былъ идти за нею по долинамъ эфирнымъ до самыхъ отдаленнѣйшихъ созвѣздій.

Мы достигли вышняго храма, коль скоро Слава приближилась ко оному, мгновенно тяжкія двери закрипѣли на златыхъ своихъ веряхъ и сами собою отверзлись. Внутренность храма темна какъ ночь осѣни. Дневный свѣтъ не дерзаетъ шуда проникать и царствующій шущъ мракъ приводитъ въ священный ужасъ. Здѣсь, кажется, почіешь прежде вѣковъ существовавшая, неудобоизслѣдованная тайна и единой лишь Славѣ невозбранень сюда входъ. Безсмертная отдернула завѣсу ноши; гремячія кольца прозвенели по серебрянымъ прутьямъ; внезапно открылась взору моему пресвѣтлая, огромная храмина, подобная златой Кремлевской палатѣ. Тутъ увидѣлъ я: ушвари царей, богатырскія брони, златыя гривны бояръ, гражданскіе

и побѣдительскіе вѣнцы, лиры, вѣсы, кормила кораблей, орудія звѣздочешовъ, ваятелей, строителей, орудія земледѣльческія и различные чертежи, словомъ шутъ все то обрѣталось, что потребно для всѣхъ талантовъ и что относительно вообще до всякаго знанія и художества; всѣ сіи вѣщи разположенные по порядку соблюдены были рачительно. — „Се суть тѣ сокровища, — повѣдала „мнѣ люборѣчивая Богиня, — кои сестра моя Судьба, береть на удачу и раздаетъ каждому изъ смертныхъ „при рожденіи его на свѣтъ. Я препровождаю того во „храмъ мой кто воблаго употребитъ даръ ему ввѣренный. „Но увы! коль часто сіе случается, что дары судьбы „во зло обращены бывають. Нерѣдко разгнѣванная „беззаконіями сыновъ земли Судьба изторгаетъ изъ „десницы безпечныхъ, или жестокихъ владыкъ скиптры, „дѣлами ихъ посрамленные; съ развратныхъ и корысто- „любивыхъ вельможъ срываетъ блистательные знаки „чести; изъ недостойныхъ рукъ клятвопреступныхъ „судей изъемлетъ вѣсы, ихъ неправдою поруганные; у „кровожаждущихъ полководцевъ отъемлетъ повелитель- „ные жезлы, слезами цѣлыхъ потомствъ обмытые. „Она лишаетъ нечестивыхъ и самой жизни; съ раѣка- „ніемъ приноситъ опять сюда сокровища свои, низвер- „гнувъ недостойнаго, или въ *лугину позора*, или въ „*бездну нигтожества*.,

„Вѣдай что человеки рождаются въ свѣтъ съ дарами

„духа: нѣтъ ни единого изъ нихъ, которой бы не имѣлъ
„дара ему сроднаго; семя доблести въ душѣ каждого.
„Отъ случаевъ, отъ влїянїя примѣровъ, развертываются
„качества сердца и ума, подобно цвѣтамъ распускающим-
„ся отъ росы утренней. Примѣръ добродѣтели на-
„учаетъ человѣка быть великимъ, а развращенїе нравовъ
„творитъ злодѣя. Но бывають и такіе случаи въ коихъ
„непосредственно содѣйствуетъ промыслъ превѣчнаго.
„Иногда сокрывъ свою таинственную волю въ душѣ
„такого смертнаго, отъ котораго никто не ожидаетъ
„непосредственно чего либо чрезвычайнаго, ниже посредственнаго,
„Богъ! Премудростїю своею основавшей землю и разу-
„момъ угощавшей небеса! Богъ загремишь въ концы
„вселенныя его ушами, его рукою разрушишь спранные
„царства, и воздвигнешъ царства новыя. Смертный сей
„распаленный огнемъ силы Божїей, какъ молнїя быспрь
„въ своихъ дѣйствїяхъ; его чудесный, творческій духъ
„производитъ въ единое мгновенїе то, чего милліонамъ
„людей, въ продолженїе многихъ вѣковъ на мысль не при-
„ходило, хотя обшались они на томъ же мѣстѣ гдѣ
„онъ подвизается и хотя имѣли къ тому, — можешь
„быть — самыя лучшіе способы. Одинъ человѣкъ, — къ
„коему никто вниманїя не наклонялъ, — внезапно пре-
„мѣняетъ весь видъ земнаго шара; изъ бѣднаго изгнанни-
„ка, угнетеннаго сына Реи, скипавшагося по брегамъ Тиб-
„ра сироты, вдругъ являешся свѣшу великій основатель

„сильнѣйшей монархїи, которая владычествовала надъ
„вселенною. Толь разительныя произшествїи вразумля-
„ютъ мудраго уважать и младенца въ пеленахъ. Кто
„вѣдаетъ, что будетъ со временемъ сіе слабое, едва
„дышущее твореніе? Кто увѣренъ въ томъ что млада-
„нецъ сей не будетъ украсителемъ подсолнечной и
„предмѣтомъ славы всѣхъ вѣковъ? Кто за то отпѣш-
„ствуешь, чтобы провидѣніе не избрало его въ исполни-
„тели непостижимыхъ судебъ своихъ? Въ семъ брennomъ
„лѣторослѣ прозябаешь можешь быть новой Тимолеонъ,
„новой Эпаминондъ, новой Капонъ, или Демосеенъ, или
„Пиндаръ; а и того скорѣе можешь быть другой —
„Тамерланъ, или другой Кромвель? самые перевороты,
„роковые случаи и даже собственное злощастїе споспѣ-
„шествуютъ возвышенію Ироя и его безсмертію; его
„яростные враги и хитроразсѣянные ими препоны
„служатъ ему степенями къ возшествію на крайнюю
„высоту предназначеннаго ему судьбою величія. Можно
„ли сомнѣваться въ томъ, чтобы небо не участвовало въ
„произведенїи великихъ людей? Кто силенъ опровергнутьъ
„сію убѣдительную истинну, что минута рожденія
„человѣка, — какогобы состоянія онъ ни былъ, — не
„есть минута заключающая въ себѣ премудрую волю
„всезиждущаго промысла, промысла низпосылающаго
„великаго мужа на земли свершить дивное предопредѣ-
„леніе для того времени, для людей того вѣка, для

„спекшихся тогда случаевъ и произшествій необходимо
„нужное и изкони симъ вышнимъ промысломъ угошов-
„ляемое? земля предъ очами Вседержителя какъ скры-
„жаль на коей всеильная десница Его то начерпываетъ
„различные виды, то изглаждаетъ ихъ. Хитрая Софія,
„когда взирала на брата своего Пешра въ колыбели
„почившаго, мнила ли что будетъ сей слабый младе-
„нецъ? мнила ли она что въ немъ почилъ, что въ немъ
„существовалъ уже тотъ безсмертный Ирой, въ лицѣ
„котораго Богъ, явился смертныхъ роду. Но дабы
„вѣще возхитить радостію духъ твой, яко духъ
„Россіянина, внемли, я повѣдаю тебѣ о призваніи въ
„міръ Пешра великаго.„ Она возвысила свой гласъ. Впе-
ривъ все мое шщаніе, я внималъ словесамъ ея:

„Сотворшій небо и землю, Тотъ, Коего дивный
„Промыслъ зиждетъ и хранишь все, Которой волею
„своею изъ небытія производитъ бытіе, Коему служатъ
„всѣ умныя Силы, Котораго славословишь солнце и
„величаетъ луна, Коему повинуются звѣзды и покор-
„ствуешь дневный свѣтъ; Тотъ, Коего грозному манію
„внемлютъ огневласыя кометы, ужасъ наводящія, блуждая
„по безпредѣльнымъ долинамъ ээира; Тотъ предъ Кото-
„рымъ шрепещутъ бездны, цѣпенѣютъ бури, колыхнувшись
„океаны не дерзаютъ, немошствуютъ ярые громаы, и
„огни молній ничто иное, какъ ометы его стихіе-шка-
„ной, нешлѣнной ризы; Которому со страхомъ служатъ

лучезарные небесные Духи; Коему съ трепетомъ радуется вся тварь, изумленная своимъ бытіемъ; довременный и безконечный *Сый*, Коего все проповѣдуетъ, Коего царство вѣчность, Который въ себѣ вмѣщая все, собою все наполняетъ; Вѣхій дѣньми, Царь величества и славы, облеченный зарями утра, сіяющей свѣтозарностію полудня, украшенный лѣпою вечера и важною крошестію нощи; Неизглаголаный, Коего велелѣпный чертогъ — вселенная, ея же основаніе негиблемость, и что блюдутъ непремѣнною чредою самые вѣрные рабы: всегда прелестная Весна, жашвами богатое Лѣто неизтощима въ плодахъ Осень, доброшворными снѣгами одѣтая Зима; Податель благъ, сущее Благо, Коего жаждешь и напояешься все, еже есть; Коего никакой умъ постигнуть не можешь, но всякая душа ощущаетъ; Тотъ, Котораго челоуѣки, присушествіемъ Его отовсюду объятые, съ благоговѣніемъ и въ священномъ ужасѣ нарицають *Богомъ*. Сей въ премудрости и всемогуществѣ неистощимый, соорудивъ изъ хаоса прекрасный міръ, чудотворенію Своему предѣла не положилъ. Въ Его присвятомъ нѣдрѣ, откуда истекають жизнь и свѣтъ, еще хранящая таинственныя начала изящества и совершенства, ими же творческое слово Его полно, ими же хоуѣнія Его обильны и существо Его торжественно. Всевышній, совокупля ихъ во едино, возхоуѣлъ явить вселенной новое чудо, достойное желанія Его. Богъ рекъ: *Сотвори мѣ, подо-*
Д

бно Намѣ, безсмертнаго. — И ПЕТРЪ явился! Явился преодаренный всѣми изяществами, и Творецъ воспlesкалъ творенію Своему. — Царь Царей осѣнилъ ПЕТРА силою Своею, и крѣпостію Своей высокой мышцы облекъ его какъ броней; возложилъ на главу его вѣнецъ, коего сіяніе безпрестѣчно и лучи ярки во тмѣ; Свой скиптръ далъ ему въ десницу, сей дивный скиптръ, который во время брани — несокрушимый, побѣдоносный мечъ; во дни мира — цвѣтущая олива; но когда надлежитъ карать зло, — перунъ неминуемый. Богъ повелѣлъ избранному Своему: *Гряди въ пологный край; озари тамъ густѣющій мракъ свѣтоноснымъ лицемъ твоимъ; подобно Мнѣ, создай новый міръ и царствуй во славу всѣхъ вѣковъ.* Внявъ гласу вѣками Правящаго, ПЕТРЪ сошворилъ Россію. —

„Съ тѣхъ самыхъ поръ, коль скоро Монархъ Просѣпшелъ Сѣвера, пришелъ на землю, я поклялась ему служишь; въ залогъ же клятвы сея предалась ему и всему Дому его въ подданство. Повинуясь моимъ внушеніямъ, онъ возставилъ сыновъ моихъ, воздвигъ дражайшее мнѣ племя Славянъ, которыхъ колико сошлѣтъ пишала я моею грудью, да и доднесъ еще моимъ огнемъ согрѣваемая кровь печетъ въ ихъ жилахъ.„ Симъ словомъ небожительница свершила рѣчь свою, коея сладость пролилася въ мою душу и восхишила мой умъ. Объятый восторгомъ, я устремилъ всѣ помыслы къ ПЕТРУ. Богоподобный Мужъ! воскликнулъ я

Но мысль моя теряется въ твоемъ величїи. Недостаточно очей самой Славы обозрѣть твои дивные подвиги, недостаточно устенъ ея возвѣстить хвалу твою.

Кто раздробить моря на капли; кто изчислилъ пески, облегающіе необъятное лоно Амфирипы; кто измѣритъ разстояніе отъ малой планеты нашей до тѣхъ огромныхъ свѣтилъ, коихъ лучи, съ начала міра стремящіяся и поднесъ еще до насъ не достигнули; или кто сочтетъ тѣ солнца, кои, сливая свой свѣтъ во едино, составляютъ чудесный млечный путь, бѣлющій по темнолазуревой шверди; кто постигнетъ всѣ роды тварей, существующихъ въ неудобоизслѣдованномъ пространствѣ естества, тошъ, развѣ тошъ можешь изрещи доблести ПЕТРОВЫ.

Но сыны земли искали Бога въ огнѣ, въ водѣ, даже въ камнѣ и злакахъ; Неизреченному дерзали давать виды, и наконецъ изобразили Неизобразимаго въ лицѣ человека; и такъ, если можно уподоблять Божество смертному, то скажемъ о ПЕТРѢ, уподобимъ и его тѣмъ великимъ Мужамъ, которые честью вѣнчали подсолнечную, и которыхъ съ удивленіемъ чтили потомство. ПЕТРѢ имѣлъ премудрость Соломонову, человеколюбіе Тишова, правосудіе и безпристрастіе къ себѣ Авреліево, горячность къ странѣ своей Кодрову, мужество Сципіоново, дѣятельность Кесареву, велико-

душе Траяново, искусство шворить людей щастливыми Фоти, Фоти и донынѣ обожаемаго мудрымъ народомъ. Каждая изъ сихъ доблестей составляла великаго Героя; но въ ПЕТРѢ онѣ заключены были всѣ, и сей Царь Славы, преизбыточествующій шолкимъ небесныхъ даровъ изрядствомъ, что же былъ, какъ не Божество во образѣ человека?

Есшлы бы ПЕТРѢ жилъ въ первые вѣки, когда были Ираклы и Тезеи, то имѣлъ бы храмы и жершвами курились бы его олтари; Омиры и Виргиліи возвѣспили бы міру его знаменитое богопроизхожденіе. Но и во дни наши кто не наречетъ Его безсмертнымъ? Весь свѣтъ Его Омиръ, Россія храмъ Его, а сердца Россовъ Его олтари.

Пренаполненный благоговеніемъ къ несравненному ПЕТРУ я погрузился весь въ чувство удивленія и предался задумчивости, изъ коей извлекла меня небесная Спутница моя; она повелѣла мнѣ за нею слѣдовать. Изъ хранилища даровъ судьбы, мы вступили въ превеликолѣпнѣйшую и пространную коллонаду. Между колосальными дорическими (*) ея столпами, изяществомъ древняго искусства изумляющими и поддерживающими дуговидный кровъ съ злаповаянными краями возвышались по порядку кумиры тѣхъ Россійскихъ Виша-

(*) Сей Орденъ архитектуры посвященъ Ироямъ.

зей, коихъ имена сохранила исторія. Тутъ изъ первыхъ находился славный Черниговской Воевода *Претигъ*. Сей разумомъ и храбростію принудивъ Печенеговъ отступити отъ осажденнаго ими Кіева, спасъ тѣмъ великую Ольгу со внучаты ея отъ позорнаго плѣна. Тутъ я видѣлъ Богатырей Владимировыхъ: *Яна, Рогдая, Муромца Илю, Александра, Андріяна, Добрыню*; съ ними купно были и сподвижники Героя бреговъ Невскихъ: сильный *Савва*, отважный *Ратмиръ*, *Сбыславъ*, мощный *Гаврилъ*, *Іаковъ храбрый* и *Новоградецъ Михаилъ*; во сонмѣ ихъ являлся и онъ мужественный *Димитрій*, градодержецъ Кіевскій, коего доблестъ привела въ изумленіе кровожаждущаго Батыея: колико сей бичъ Россіи ни былъ свирѣпъ, но и шопъ, вмѣсто казни, воздалъ почтеніе сему неустрашимому Герою. Онъ имѣлъ на выѣ златую гривну, знакъ чести шокмо отличному полководцу принадлежащей. Здѣсь же были и пресловутый *Александръ Пересвѣтъ* разразившей Мамаева Полкана *Тимуръ мурзу*; и намѣстникъ Вологодскій *Осилъ Нелѣевъ*, первый посолъ Россіи въ Британію грознымъ Іоанномъ отправленный, коему Король Филиппъ и Королева Марія воздали необычайныя почести. Вишязи покрышы были шюю тяжелою бронею, которую носили во дни своихъ подвиговъ. Посреди ихъ взоръ мой срѣшилъ и злополучную Новоградскую гражданку, отважную *Марфу Борецкую*. Сія много-

могущая, во дни свои, боярыня посадница, госпожа обширныхъ помѣстьевъ, наполнявшихъ Корельскую область; сія знаменитая Россіянка представлена была во всемъ изрядствѣ жены великой. Пребогатая, бобрами опушенная шѣлотрѣя съ набранными рукавами покрывала осанистое шѣло ея; съ гордой главы низпадала до земли спруистая фаша, изъ подъ оной, бурмицкихъ зернѣ очелье выходило на крутлыя брови и драгоценнѣйшихъ камней ожерелье лежало на пышныхъ персяхъ. Зракъ ея изображалъ твердое духа благородство, соединенное съ надмѣнною рѣшимостію, каковая сродна была шокмо Коклесамъ, Сцеволламъ и Брушамъ, мужественная красота одушевляла каждую его черту. Въ одной рукѣ держала она Ярославовы законы, а въ другой кипарисную вѣтвь; стопами же своими попирала плаху съ сѣкирою. На подножїи ея изваяно торжественное пиршество, коимъ она чествовала святаго мужа, во свидѣтельство великаго къ нему уваженія своего и которое довершила рѣдкими щедротами, Царямъ лишь возможными. Надъ симъ тако было написано: *жива и по смерти*. Но превыше всѣхъ богатырей возвышался Россій Коршецъ, знаменитый *Ермакъ*, покоритель Сибирскаго царства. Сей побѣдицель обильнѣйшей части сѣвера облеченъ былъ въ самые шѣ панцыри, которые присланы ему были въ даръ отъ Грознаго Царя, и въ кошорыхъ онъ кончилъ преславные дни свои.

Мужественное лице его было зеркаломъ зашѣйливаго духа, хитрыхъ замысловъ, храброй рѣшимости; вообще зракъ его являлъ въ немъ мужа сильнаго, гошоваго презирающаго стужу и зной, гладъ и жажду, долговременный трудъ и всякое безпокойство. На крѣпкихъ раменахъ своихъ онъ несъ златый шаръ, изображающій обширное владычество *Хана Кутума*, со всѣми обиталищами многихъ народовъ, и серебряною палицею придерживалъ оную чешырехъ-лѣтнюю свою добычу. Доспѣхи Сибирскихъ владыкъ, имъ побѣжденныхъ, волшебныя Шаманскія утвари и одежды, ратная зброя различныхъ племенъ, писмена разныхъ языковъ края того, осисшья кожи многощѣнныхъ звѣрей, кости рѣдкихъ рыбъ, снизки дорогихъ камней, составляли его трофей, поверхъ коего возлежалъ зубчатой вѣнецъ; koliko было на немъ зубцовъ, тоliko народовъ рыцарь сей покорилъ Россійской державѣ. Огромное подножіе испукана его, изсѣченное изъ мрамора горъ Сибирскихъ, по ко-ему вились жилы разныхъ рудъ, украшено было златыми лиспами, на кошорыхъ чеканное искусство изъяснило его подвиги. Здѣсь побѣеніе Ташаръ и взятіе города *Чимги*, тамъ разбишіе войска *Кутумова* на сѣ-сенныхъ водахъ *Тобола*; далѣе пятидневная битва съ многочисленною силою *Мегмета Кула*, при устьѣ *Тавды*; за симъ кровопролитнѣйшее, но рѣшительное сраженіе съ *Кутумъ Ханомъ* и братомъ его, и побѣгъ

сихъ опчаянныхъ Царей; послѣднее изображеніе представляло торжественный въѣздъ Ермака въ столицу Сибирскаго повелишеля, коея многовѣчныя и неприспущныя твердыни воздвигнуты были на превысочайшемъ брегѣ шумноводнаго *Иртыша*. Подъ сими листами хитрое ваяло изобразило въ сребряныхъ полосахъ волнующіяся рѣки: *Обь*, *Енисей*, *Амуръ*, *Иртышъ* и *Лену*; всѣ оныя полосы соединены были, какъ бы узломъ, большимъ кругомъ изъ того же металла, на коемъ знаменитый въ дѣписяхъ *Байкалъ* клубилъ свои ярыя волны. Посреди водъ его зримы были острова *Олхонскіе* и та гора, въ коей хранится доднесь славный въ преданіяхъ шаганъ, свидѣтельствующій о томъ, что достигалъ сихъ мѣстъ *Чингизъ Ханъ*, съ его неушомимымъ воинствомъ. На челѣ подножія утверждена адамантовая плита съ сею Монгольской надписью: *Герой изгладилъ въ немъ преступника*.

Буди вовѣки благословенна память твоя, доспославный Побѣдитель, равный Ромуламъ, Александрамъ, Чингизъ-Ханамъ! Ты принесъ въ даръ опечесиву неиспощимыя горы сокровищъ, усыновилъ ему цѣлыя народы, поработилъ ему моря и рѣки. Величайся, гордись *Иртышъ*, ставъ гробницею Побѣдителя Царствъ, и плескомъ волнъ твоихъ тверди вѣкамъ грядущимъ прехвальное имя Росскаго Вишязя.

Сія предлинная коллонада вела къ огромному

Готическому зданію. Лишые, мѣдныя врата онаго и рѣшетчатые окна украшены были лазурвою финифтью съ златыми письменами, которыхъ странновидное, іероглифамъ подобное изображеніе, уже не вѣдомо сынамъ временъ послѣднихъ. Острые куполы зданія, покрытые стальными, воронеными щипами, какъ будто чешуею морскихъ великихъ рыбъ, опиралися на дебелия стѣны, опоясанныя зубчатымъ ободомъ, по коему лежала таковой же финифти полоса съ такимиже деревянными буквами; на каждомъ зубцѣ обода виденъ гербъ какого либо царства, области, или княжества. Ко вратамъ зданія сего, надлежало возходить по крутой лѣстницѣ, украшенной златыми перилами, на коихъ златогривыя лвы, (символы силы и доблести) держали щипы показующіе лѣта знаменитыхъ происшествій въ Россіи бывшихъ. У входа во храмъ, въ припворѣ онаго сномали древніе дѣписатели, Іерархи Новоградскіе: современникъ Владиміра перваго *Іоакимъ* Корсунянинъ, и *Нифонтъ* Волынецъ; Русской Иродотъ, мудрый *Несторъ*, уроженецъ Бѣлозерскій и послѣдователь его *Симонъ* Суздальскій; и *Килрианъ* современникъ Димитрія Донскаго; и подражатель *Стрійковскаго* *Петръ* Могила; и высокосердый *Никонъ*, за гордые помыслы лишившейся дружества Великаго Алексѣя, а соенымъ и митры-своея, которую принужденъ былъ сложить съ себя предъ лицемъ Вселенскаго Собора; съ ни-

ми купно были здѣсь и Свяшосановный *Іовѣ*; и Келарь *Аерамій Палицынѣ*; и пресвишеръ *Іоаннѣ Глазатый*; и Князь *Теодорѣ Кемскій*; и инокъ *Катавасій*. „Симъ „доспочешнымъ блюстителямъ времянь давнихъ и „знамѣнишыхъ случаевъ пошомсшво обязано благодареніемъ, — рекла, взирая на нихъ, богиня, — ибо по ихъ „писаніямъ соорудила я Храмѣ Славы Россійскихѣ „*Проевѣ*; иначе великіе люди со всѣми ихъ приснопамяшными дѣяніями и поднесъ сокрывались бы въ мрачной глубинѣ неизвѣстности.,

Между тѣмъ, какъ Небожительница произносила слова сіи, вдругъ какая то раболѣпсшвующая ей сила ошверзла превеликіе врата чудеснаго зданія. Мы вошли: я объяшъ былъ изумленіемъ и страхомъ; очей моихъ не доставало мнѣ чшобы окинуть все пространсшво! Необъяшную внутренность храма сего размашистая рука смѣлаго строишеля связала ошлого скашисшыми сводами, кошорые сбѣгая съ вышины своего полнокружія внизъ, сближались, сѣдинялись и усредоточивались въ златые шары, на воздухѣ висящіе. Таково чудное зодчесшво оныхъ старинныхъ храмовъ, кои время сохранило еще въ давно-падшихъ и преждепрестольныхъ градахъ Рускаго Царсштва! Подъ сводами пылало множество паникадилъ, производившихъ сіяніе, равное свѣшпу полуденнаго солнца. Тысящами трофеешъ, увѣнчанныхъ орлами и шьмою Руническихъ над-

писей ошлячены были стѣны, отъ древности поше-
мившія. Въ разныхъ мѣстахъ черневое по серебру искус-
ство и прекрасная рѣзба представляли облежанія гра-
довъ, побоища, поединки, борьбу, праздничныя тор-
жества и Богатырскія пированія. Въ углубленіяхъ,
въ стѣнахъ усроенныхъ, возвышались на пребогатыхъ
подножіяхъ, изъ драгоценныхъ камней изсѣченныхъ,
огромные кумиры боговъ и богинь, имъ же Славяне и
Варягоруссы древле покланялися. Тутъ зримы были
и громодержавный Перунъ, и чешыреликій Свѣтовидъ,
и милый сердцу народа Дажьбогъ, и повелитель вѣковъ
Одинъ и вѣтрами правящій Сприбогъ, и страшный
Чернобогъ, и ужасный Ній, и жатводатная Марцана, и
любошворная Лада, и Царица Богинь лѣпокая Фригга;
а за сими и сонмъ прочихъ боговъ и богинь, извѣстныхъ
по Исторіи. Всѣ они сохранены были точно въ томъ
видѣ и съ тѣми признаками, какъ чтили ихъ храбрые
праотцы Россовъ. Въ семъ храмѣ также находились и
кумиры Богатырей давнихъ вѣковъ; хотя и были они
вылиты изъ электра чистаго, но суровая длань
всемощнаго времени сгладила мужественныя черты
доблественнаго зрака ихъ, зашмила ясность многоцѣн-
наго металла, и даже вовсе истребила надписи, у нихъ
на подножіяхъ быть долженствующія. Богиня, видя,
съ какимъ тщаніемъ любовѣдѣніе мое усиливалося по-
знать, кто были Вишязи тѣ, рекла: „Твой шрудъ

„напрасень. Но я возвѣщу тебѣ о нихъ. Досточестные
 „Ирои сїи, первоположники Славеноросской Державы;
 „твердая мысль возносила великій духъ ихъ на под-
 „виги; довольны будучи и безъ моего засвидѣтель-
 „ствованія своимъ пріизящесствомъ, они ликують
 „во глубинѣ безсмертія, въ свѣтлозарной Валкалѣ, въ
 „раю храбрыхъ, купно съ тѣми неподражаемыми Ироя-
 „ми свѣта, кои не возхотѣли даже и меня удостоить
 „своимъ строгимъ воззрѣніемъ, и отъ меня сокрыли
 „имена свои: тамъ вкушаютъ они обще съ богами жи-
 „знодорожныя яблоки, что блюдетъ всегда юная Идуна;
 „тамъ пѣютъ они изъ роковыхъ фіаловъ оный дивной
 „медъ и пиво, веселіемъ разтворенные, которые вмѣ-
 „сто хмѣля, производятъ неоскудѣваемую бодрость
 „духа; тамъ вѣчно веселятся они уснѣхами ратобор-
 „ческихъ своихъ подвиговъ, внесла торжественному сла-
 „вословію древнихъ Скальдовъ, бряцающихъ на златыхъ
 „арфахъ. — Скорбѣть должно потомство, что восхити-
 „тельное добротасіе пѣснопѣвцевъ сихъ до него не до-
 „стигло. Посреди зримыхъ тобою здѣсь жертвъ времени
 „обращаются кумиры: Славена, прітекшаго отъ предѣ-
 „ловъ Оракійскихъ и Илирійскихъ, которой украсилъ
 „именемъ своимъ многія страны Россію составляю-
 „щія; и сына его Босарна, покорителя Полночныхъ
 „странъ; также Вандава, побѣдителя Востока и Запа-
 „да; благоуспѣшныхъ во браняхъ родственниковъ его,

„Гордорика и Гуни-Гарла; и сыновъ его, Владыкъ удѣ-
 „ловъ первобытнѣйшей Славеноросской земли: Избора, Вла-
 „димира и Снолпосвята, о ихъ же градахъ и поднесъ
 „свидѣтельствуетъ Исторія. Между ими и Владыка Ри-
 „ма, доблестивенный Одоакръ, Князь Руской; также и
 „мужесивенный отецъ Госюмысла Буривой, и храб-
 „рый супругъ Умилы, Финскій Царь Людбрагъ, и Кй,
 „основатель преславнаго въ дѣписяхъ Кіева; съ ними
 „же купно Оскольдъ и Диръ. Посреди сихъ кроется и
 „соловей древнихъ лѣтъ, сладкопѣвецъ Боянъ, равный
 „знаменитому Барду шретьяго вѣка. Вопреки мнѣ ачъ-
 „ная неизвѣстность поглотила много сокровищъ старо-
 „давности. Вѣдай, что кумиры сіи большею частію
 „шѣхъ полководцевъ, коихъ богатырскимъ духомъ води-
 „мые по свѣшу полки, подъ именами шю Скиевъ, шю Сар-
 „матъ, шю Роксоланъ, шю Готевъ, шю подъ общимъ именемъ
 „Сѣверныхъ Браненосцевъ, покоряли своему владычеству
 „гордой Римъ и пышной Царьградъ; побѣдили Аттилу,
 „спрахъ вселенной на поляхъ Кашалонитскихъ, и на-
 „чиная отъ Колхиды, большую часть береговъ Евксина,
 „даже до рѣкъ Дона, Оки, Волги, Камы, Днѣпра, Буга,
 „Днѣстра, Десны, Дуная, до самой Сѣверной Двины
 „и Немна, и къ Западу до береговъ Адриатическаго мо-
 „ря, и на полунощъ до Бѣлыхъ водъ, всѣ страны съ
 „обитающими языки владычеству своему поработили.
 „Гремя славою, однимъ именемъ своимъ они побѣждали
 „войска, и како соколы ширяются на вѣтрахъ, тако

„они господствовали покоряя себѣ царства. Дальнѣйшіе дни Россіи небо сокрыло въ неизслѣдованномъ нѣдрѣ своемъ, и доискиваться начала ея столь же много-трудно, какъ и проникнуть въ случаи первыхъ дней міра. Но Тотъ, Который искони правитъ вселенною и царствами въ ней сущими, повелѣлъ мнѣ со времени Господомысла и Рюрика блюсти дѣла и лѣта сей побѣдоносной, великой мащери народовъ, паче нежели всѣ иныя необычайныя событія въ мірѣ; зане вѣкъ ошъ вѣка царство ея возвысится и распространится, и будетъ она первою Монархіею во всей подсолнечной: — что уже и совершилось. Мнѣ повелѣно свыше блюсти память вѣнценосцевъ Россіи и избраннѣйшихъ сыновъ оной всѣми благами преизобилующей владычицы полсвѣта. Се памятники ихъ невредимы и вѣки негиблемы.,,

Я окинулъ алчнымъ окомъ моимъ пространство храма. Въ святилищѣ его множество великолѣпныхъ столповъ возвышалось въ свѣтозарномъ сіяніи. Они составляли обширный кругъ, и Слава воздвигла ихъ по порядку временъ и подвиговъ геройскихъ, соблюдая при каждомъ изъ нихъ свойственныя Ирою преимущества и отличія. Преизящное искусство и величіе предметовъ влекло къ себѣ любопытство и удивленіе.

ГОСТОМЫСЛЪ.

Во перьвыхъ являлся знаменитый мудростію Князь и граждининъ, Великій Гостомыслъ въ томъ образѣ, когда предстоѣя сословію Новоградскихъ Посадниковъ и Боярь, вѣщалъ онъ Спарѣйщинамъ ошъ Славянъ, Руси, Чуди, Веси, Мери и прочимъ, да изберушъ Князей ошъ Варягъ управлять собою, излагая имъ бѣды и напасши ошъ безначалія и раздора происскающія, и колико людямъ добро есть, когда благочестивыя Владыки правятъ спраною. Преизящное даровъ духа богатство оживляло важный его зракъ; длинная брада струилась по широкимъ его персямъ; десница была простерта, изъясняя повелительное маніе: да внемлюшъ. Въ шуйцѣ держалъ онъ кормило, во знаменіе мудраго народоправленія. Гражданскіе вѣнцы лежали у стопъ его. На златомъ Престолѣ его блистало таковое писаніе: Сей бѣ мужъ „ елико храбръ, толико мудръ; всѣмъ сосѣдямъ своимъ „ страшень, а людямъ любимъ расправы ради и правосудія; „ сего ради и вси окольные чтяху его, и дары дающе „ купуя миръ ошъ него; многіе же Князи ошъ далекихъ „ странъ приходяху, моремъ и землею, послушаша

„ мудрости и видѣти судъ его, и просити совѣта и
 „ученія его, яко тѣмъ прославися всюду. „ Подъ симъ,
 въ свѣшломъ кругѣ чеканнымъ искусствомъ изображена
 была почіющая, прекрасная и любимая дщерь его
 Умила, мать праотца Царей. Согласно чудному,
 предвѣщательному сновидѣнію Гостомысла, зримо
 шуть было и оное пророческое древо, возникшее отъ
 чрева Умилы до облакъ, котораго плодоносныя вѣтви
 покрываютъ великій градъ, и подъ сѣнь ихъ грядуть
 народы отъ концовъ вселенныя благоденствовать. —
 Сновидѣніе паче всѣхъ событіе!

Р Ю Р И К Ъ.

Близъ сего новаго Соломона на такомъ же Пре-
 столѣ возвышался внукъ его, родоначальникъ Скиппро-
 держцевъ Славяно- Росскихъ, сей побѣдоносный Рюрикъ,
 коего оружіе сокрушило многіе грады Галловъ, коего кора-
 бли преплавали отъ водъ Варяжскихъ до волнъ Запа-
 днаго Океана. Величавый взоръ его пламенѣлъ муже-
 ствомъ, которое умѣряемо было постояннымъ любо-
 мудріемъ. Главу его осѣнялъ вѣнецъ отъ камени драго-
 цѣннаго; кудрявые власы развѣвались по его мощнымъ
 раменамъ; въ десницѣ его блистала Скиптръ. Онъ воз-
 сѣдалъ облокотясь шуйцею на огромный щитъ, хитро-
 ственно насѣчкою изукрашенный, на коемъ изображенъ
 былъ совѣтъ дванадцати боговъ Сѣвера, среди оныхъ

сѣяли какъ два свѣшила, грозный Перунъ и строитель неба Одинъ. Тако являлся онъ покоющимся, яко Владыка мирнаго царствованія, Владыка претекшій бранные подвиги. Короткая Варягоруганская одежда покрывала его сильныя мышцы, и мечъ лежалъ поверженъ у ногъ его купно съ главою мятежнаго Вадима. Окружность столпа его представляла отовсюду зубчатые стѣны великаго Новаграда съ башнями и бойницами; изъ за ограды сей возвышались верхи Готическихъ зданій и куполы капищъ боговъ Славянскихъ; вдали же по одну сторону являлись взору священные холмы, пылающіе на нихъ дубы и приношеніе жертвъ; а по другую, совершеніе призывъ на курганахъ и Рыцарскія прѣнїя.

О Л Е Г Ъ.

Тутъ же рядомъ на другомъ столпѣ возносился подобно гордому кедру горъ Рифейскихъ, дослославный Олегъ, въ геройскихъ своихъ доспѣхахъ. Изумленіе внушающій зракъ его одушевленъ былъ и въ мешаллѣ шю благородною отважностію, которая покоряла ему грады и царства. Быстрыя зѣницы его и въ мешаллѣ пылали еще огнемъ той дивной прозорливости, отъ которой и самое отдаленнѣйшее время укрыться не могло. Величавую главу его обнималъ шлемъ орлими крылами осѣненный. Златошканное Славянское полукаванье

съ узорчатымъ окраемъ свѣтилося по персямъ и чреву; на блестящемъ препоясаніи висѣлъ смертоносный мечъ по бедрѣ; пуки Византійскихъ профеевъ, обрѣпленныхъ имъ въ нѣдрѣ сей пресловутой столицы попомковъ Константиновыхъ, лежали у стопъ его. Въ одной рукѣ держалъ онъ лавровую вѣшвъ съ масличною свившуюся, и вручалъ ихъ отроку Игорю близъ него стоящему, а другою опирался на тяжелую булаву свою, златыми шипами изгвожденную. Вокругъ свѣтозарнаго столпа его изображены были: великолѣпный Кіевъ съ облегающими его священными дубравами; основаніе Москвы, пораженіе Древлянъ, осада Коросшена, разбитіе Грековъ; ладьи ралію полныя, на колесахъ чрезъ сушу, какъ по обильному влагоу Повшу, бѣгущія на всѣхъ вѣтрилахъ; Цареградскіе Императоры дары ему приносящіе; врата Константинопольскія, на коихъ во знаменіе вѣчнославныхъ побѣдъ Россійскихъ, надъ сокрушителями Пергама одержанныхъ, сіялъ, глянцовитый щипъ его; роковая со змѣею глава любимаго коня, о коемъ зловѣщали ему гадатели; и наконецъ шумноводный Днѣпръ обтекалъ извивистыми водами своими весь край столпа.

О Л Ъ Г А.

Здѣсь на Престолѣ изъ алмаза изсѣченномъ возсѣдала премудрая, великая въ женахъ, свѣтодашная Ольга,

достойно именованная *Прекрасою*. Божественный зракъ
 ея, въ коемъ соединялися прелести дивной красоты
 съ огнемъ иройскаго изрядства и лучами преизящнаго
 ума, столь былъ живъ, что она и въ Кумирѣ казалася
 повелѣвающей, какъ Ироиня и Владычица. Вѣнецъ, изъ
 райскихъ криновъ соплетенный, украшалъ неслѣнное
 чело ея; длинныя косы ея упали на высокую грудь;
 Великокняжеская маншя важно спускалася съ ея раменъ
 на гербы Кіева, Новаграда и многихъ иныхъ Россій-
 скихъ Княжествъ, подъ ея правленіемъ блаженство-
 вавшихъ. Лучезарный крестъ и пальмовую вѣшъ неслъ
 она въ десной, а шаръ царстводержавія наполнялъ длань
 ея лѣвой руки; стопами же своими попирала она чудовищ-
 наго дракона, идолопоклонство знаменующаго. Хищро-
 шканная риза обнимала ея стройное тѣло, и крупнымъ
 перломъ вынизанный лентіонъ препоясалъ ея чресла,
 роня долу концы свои, драгоценными камнями осыпанные,
 и жемчужною бахрамою обвѣшенныя. На пребогатомъ
 столпѣ ея искусный рѣзецъ художника изсѣкъ Малдишова
 къ ней посольство; пришествіе ея подъ Коростень;
 знаменитую Тризну, ею совершенную надъ тѣломъ
 Игоря; горевидный курганъ, насыпанный ею на кости
 ея супруга; побѣнїе Древляня; obleжаніе столицы ихъ;
 голуби и воробы въ дань ей отъ нихъ присланные и
 съ огнемъ отъ нея обратно во градъ посланные; объятая
 пламенными вихрями столица Малдиша; смятеніе

погибающаго народа; торжественное возвращеніе ея въ Кіевъ со шмами плѣнныхъ сопослатьевъ, учинившихся щасливými ея подданными; построеніе Пскова, и наконецъ преславное ея крещеніе заключало всѣ оныя вѣчно-памятныя происшествія, которыя сшоль совершенно изображены были, что каждое шуть лицо одушевлено было движеніемъ и жизнью. Во всемъ трудѣ видна была пылкость и замыслы Ваятеля.

С В Я Т О С Л А В Ъ.

По страну ея высился доблественный ея сынъ, разящій взоры Свяшославъ. Повелительное лице его являло суровое мужество и строгую твердость; очи его пылали огнемъ брани, и вообще богатырская осанка его знаменовала въ немъ такую непреодолимую храбрость, что онъ, казалось, готовъ бы былъ противостать не шокмо полкамъ слабыхъ смертныхъ, но и всѣмъ стихіямъ. Толь неушомимой храбрости не имѣли ни Априды, ни Текторы, ни Ахиллы, ни Александры. Сей великій послѣдователь обожаемаго Сѣверомъ Одина представленъ былъ на конѣ, летящемъ со всего маху. Тяжелая желѣзная колчуга со стальными поручьми и обручьями покрывала рослое тѣло его; простой рапничій шлемъ, коему чуждо было всякое украшеніе, отраждалъ его главу; за сильными раменами его висѣлъ

огромный тулъ, пренаполненный пернатыми стрѣлами, виновницами болѣзней люшыхъ и смерти неминуемой; обоюду острый мечъ, не совсѣмъ вѣдренный во влагалище, къ поясу на цѣпи прикованное, вселялъ въ сердца ужасъ; всепосягающимъ бердышемъ, на длинномъ рашовищѣ утвержденнымъ и шроеграннымъ копьемъ оканчивающимся вооружена была взмахнушая его рука, усталости невѣдущая, и будто гошовая разишь; какъ полная луна, сквозь густой туманъ рдѣющая, его круглый мѣдяный щипъ, пошускый ошь древности, прикрывалъ его лѣвыя ребра. Несокрушимый столпъ его обремененъ Болгарскими трофеями. На немъ представленъ былъ сей Князь Герой возлежащимъ посреди поля и ядущимъ сухой хлѣбъ, презирая окрестъ его свирѣпствующія бури и всѣ труды ратоборствія. Тутъ онъ изображенъ побѣдителемъ Козаръ, а здѣсь покаряющимъ подъ Державу свою восемьдесятъ Болгарскихъ городовъ, цвѣшущихъ на шучныхъ брегахъ Дуная; за симъ видно пораженіе Печенегъ, дерзнувшихъ подступитъ къ славнопрестольному Кіеву; а шамъ изъяснено смятеніе Греческихъ Монарховъ, шрепещущихъ меча Святослава, сверкающаго окрестъ стѣнъ Констаншинопольскихъ. Но художество съ преизящнымъ искусствомъ изразило, какъ сей вѣнценосный Вишязъ съ малымъ числомъ неустрашимыхъ Славянъ своихъ, всепреодолюющимъ примѣромъ его одушевленныхъ, разбилъ и разсѣ-

яль шьмочисленное ополченіе побѣдителей Даріева Царства, и какъ хваляще мужество его, пораженные имъ, Греки сносили къ нему на выкупъ женopodobныхъ Царей своихъ, одни ратные доспѣхи въсто сребра, злата и бисера драгоцѣннаго, ошинушыхъ имъ, яко оправу нѣги и роскоши.

ВЛАДИМІРЪ.

Великій изъ Владыкъ и славный изъ побѣдителей, Владиміръ, сынъ Святослава, обладашель полнотной, восточной, полуденной, бѣлой и чермной Россіи, просвѣщитель обширнаго Царства своего, возсѣдалъ на Престолъ изъ яхонта искромешнаго сооруженномъ въ богоподобномъ своемъ величїи. Пресвѣтлый зракъ его цвѣлъ красотою, веселїемъ, мужествомъ, любовїю и мудростїю: сіи лучи высокаго духа оживляли каждую черту его. Взглянувъ на него, не лзя было не благоговѣть. — Вънець, изъ яркихъ звѣздъ слїянный сугубиль сїянїе златыми граньми усѣяннаго шлема его; блистательныя лашы охраняли полную доблестью трудъ его; великолѣпная Порфира, гербами Россійскихъ удѣловъ усѣянная, лежала на плечахъ и множила изрядство его сановитости; скрижали заповѣдей, на коихъ основана святая Христїанская вѣра, предпочтенная имъ предъ всѣми прочими, хранимы были въ десницѣ его,

а въ шуицѣ была Держава всея Россіи крестомъ увѣчанная. У стопъ его лежалъ сокрушенный Перунъ, грозный кумиръ, доселѣ Славянами чтимый богомъ грома, молніи и темныхъ облаковъ. Художникъ, выработывая огромный столпъ Владиміровъ, истощилъ все тщаніе свое и трудъ, чтобъ изобразить во всемъ изяществѣ многочисленные и преславные подвиги Царя. Тутъ, при водахъ Клязмы видны возвышающіяся стѣны и храмы града Владимірова, подобно древнимъ Єивамъ, возникшимъ отъ творческихъ звоновъ Амфіоновой лиры; переходъ чрезъ Дунай; завоеванія Болгаріи, Сербіи, Кроаціи, страны Седмиградской, и тѣхъ странъ, гдѣ Волохи, Мушьяне и Орды Бобружскія обитаютъ; достославный поединокъ богатыря Яна съ Полканомъ Печенѣговъ; рѣшительное пораженіе сихъ противниковъ Россіи при водахъ Трубежи; построеніе Переславля въ память сей знаменитой побѣды и Янова мужества; сонмъ прочихъ випязей, сподвижниковъ Владиміровыхъ во брани, изъ коихъ препрославленный въ пѣсняхъ и преданіяхъ, доблестивенный Муромецъ превосходилъ клевершвовъ своихъ богатырскимъ изрядствомъ; по немъ предстояли раменистый Рогдай, на триста сопротивныхъ усремявшійся, и мощный Добрыня. Въ другомъ отдѣленіи зрится щастливая подъ Державою Владиміра великая Россія, со престольными градами и цвѣшущими селами; обширныя веси ея наполнены ликующимъ на-

родомъ; вездѣ видно шоржество побѣдъ, веселіе, икры, богатство земли, лѣпоша обиталищъ. Многоводная Волга, быспрошечный Днѣпръ, ярой Донъ, разливистой Волховъ и излучистая Ока кипящъ подъ тысящи парусящихся струговъ, кои, преисполнены будучи благодатию небесъ съ нивъ собранною, бѣгушъ, перегоняя другъ друга по пѣннымъ хребтамъ рѣкъ сихъ, и преносятъ сокровища жашвы изъ одной сираны въ другую. Великій Новгородъ, нышній Кіевъ, преславные въ вѣкахъ первенцы Россіи, твердо стоя на земли, блистательными главами своими касающъ превыспреннихъ, звѣздныхъ круговъ. А шамъ представлень велелѣпно украшенный черторъ Владиміра; въ немъ побѣдоносный Владыка бесѣдуетъ съ шолкователями различныхъ вѣръ; избираетъ самую спасительнѣйшую, шу, копорая, просвѣщая душу истиннымъ свѣшомъ, соединяетъ смершнаго съ Богомъ; онъ избираетъ ее, воспаляется любовію къ Существу вышнему, женетъ изъ сираны своея заблужденіе, въ видѣ слѣпаго чудовища изображенное, а съ нимъ купно изгоняетъ и весь соборъ боговъ ложныхъ; и цѣлыя рѣки едва могутъ вмѣститъ во брегахъ своихъ толпы Россіянъ, приемлющихъ святое крещеніе. Далѣе изъяснено, какъ Царь просвѣтитель, предшествуя легіонамъ своихъ сильныхъ, мещетъ грома на Тавръ и Халкидонъ; осада и взятіе Θεодосіи; obleжаніе Херсонеса; письмоносная сирѣла Анастасіева; покореніе про-

птивящагося града, сокровищами Царей Константинопольскихъ обильнаго, а съ нимъ и всей Тавриды; крещеніе самаго Владиміра во градъ ономъ; бракъ его съ Цареградскою Царевною; множество храмовъ, зиждемыхъ поклоненія ради истинному Богу; — училища, больницы и сиропиталища во благо челоувѣчеству усстроеныя; и наконецъ побѣдою надъ Поляками, взятіемъ Перемышля, Червеня и окружности Родомской свершались безсмертныя подвиги Равноапостольнаго Владыки.

ЯРОСЛАВЪ І.

Тутъ рядомъ стоялъ златый столпъ; на немъ являлся въ торжественномъ сіяніи спяжавшій славу своими дѣянїями и случаями достопамятныхъ происшествій Ярославъ, законодатель Россіи. Видъ его былъ важенъ и крошокъ. Будучи великъ безъ гордыни, величественъ съ скромностію, казалось, онъ и въ кумирѣ разсуждалъ о своихъ мудрыхъ законахъ; но при всемъ томъ взоръ его оживленъ былъ храбростію. Онъ сидѣлъ на Престолѣ, драгоценными камнями осыпанномъ. Иройская броня обнимала его сановитое тѣло; пернатый шлемъ осѣнялъ его безсмертную главу. Въ правой рукѣ держалъ онъ развернутой свѣшюкъ съ надписаніемъ: *Правда Руская. По сей грамотѣ ходите, яко же писано вамъ, такожде держите*; а въ лѣвой вѣсы оливою обвѣшенныя. Мощною

пашото своею подавлялъ онъ змѣя, во знаменіе побѣжденной имъ злобы лютаго и кровожаждущаго брата своего. Удивительная рѣзба живо изображала по сторонамъ столпа его: низложеніе братоубійцы Святополка при волнахъ шумноводнаго Буга; здѣсь подъ знаменами Россійскими блискаль предъ полками неустрашимыхъ Варягъ храбрый Якубъ, Свейскій Королевичъ. Потомъ зримо было торжество оружія Ярославова на берегахъ Ладожскаго и Чудскаго озеръ, и основаніе Юрьева, града, и донынѣ свидѣтельствующаго славу имени побѣдоносца сего. Тамъ знаменистое преодоленіе Печенѣгъ, многочисленною силою обложившихъ Кіевъ; великолѣпное сооруженіе Храма во имя дщери Царя небесъ, во имя всезиждущей и всехранящей Софїи, Божіей премудрости. За симъ побѣда его надъ Греческими Царями и груды сребра, ему въ дань отъ нихъ представленные вмѣстѣ съ прелестною Анною, дщерію Константина Мономаха, обѣшанною въ супруги юному сыну его Всеволоду. Тутъ же видимо, какъ въ явѣ, сословіе мудрыхъ мужей, призванныхъ Ярославомъ отъ Востока, и трудившихся надъ преложеніемъ изящныхъ книгъ; Славено-Россійское, изъ трехъ соотъ опроковъ составленное, училище; благолѣпіе и чинъ съ каковыми отправлялось служеніе истинному Творцу неба и земли. Укрѣпленіе Кіева, Новаграда, и построеніе славноименитаго града Ярославля въ червонной Россіи. Побѣды въ Польшѣ

и поселеніе Польскихъ плѣнниковъ. Сія страна столпа заключалась изображеніемъ чешырехъ вѣнчаныхъ женъ, подносившихъ Ярославу лавровыя вѣнцы съ масличными лозами; то были чешыре сильныя въ тѣ времена Державы, союзницы искуснаго Владыки: Польша, Швеція, Норвеія и Венгрія. Но другая страна столпа являла особо любопытное изображеніе. Въ доказательство тому, сколь чшима была Россія Царствами Европы и въ древніе вѣки, шущъ являлися славныя Царицы, дщери Ярославовы. Лѣповзорая Елизавета, супруга Геральда храбраго, Короля Норвежскаго, котораго вездѣ рѣяной духъ токмо въ Россіи покорствовалъ любви. Милонравая Анастасія, супруга Андрея II, повелишеля Венгровъ, и оная прекрасная Анна, супруга Генриха I, обладатель горделивой Франціи. Художникъ, держась точности событія, представилъ сію праматерь Королей, Королевъ, Герцоговъ, Князей и многихъ Владѣтелей окруженною знаменитыми ея потомками. Здѣсь видѣнъ былъ толико славный въ цѣломъ Свѣтѣ плодъ чрева ея, родъ Капешовъ, отъ Гюга даже до злополучнаго Людовика XVI, и родъ д'Анжу отъ коего Испанскіе и Неаполишанскіе Вѣнценосцы ведутъ свое поколѣніе, и правнукъ ея Пётръ Куршеный, Императоръ Константинопольскій, отличившійся доблестію во дни Крестовыхъ походовъ, и праправнуки ея, супруги Королей Британскихъ и Испанскихъ. Всѣ сіи изображенія столь были совершенны, столь живы,

что казались дышущими; и токмо что дара слова имъ не доставало. Чудное искусство! любезные Россамъ предметы! вы неизгладимы пребудете въ памяти моей. Тебѣ, Россія, Европа обязана была за многихъ благошворителей народовъ.

ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ.

Близъ Ярослава сѣдѣлъ на Престолѣ толико же драгоценномъ второй Владимиръ, — оный премудрый Мономахъ, коего дѣшми за славу вмѣняли нарицаться потомки Константиновы и Цари Венгровъ, который промысломъ своимъ и храбростію, собравъ части разсѣрзанной чадами Равноапостольнаго Владиміра Россіи, совокупилъ опечеснво опять во едино Самодержавіе тѣло. Онъ пресѣкъ крамолы несогласныхъ Князей, и былъ страхъ всѣхъ окрестныхъ народовъ. Онъ возвышался во всемъ облаченіи Цареградскихъ Монарховъ, которое поднесли они ему вмѣстѣ съ тишломъ Императора; но бывъ великъ самъ по себѣ, и опечеснвенное тишло предпочитая всѣмъ инымъ, онъ отвергъ предлагаемое ему тишло. Пребогатая Греческая діадима сіяла на безсмертномъ челѣ сего перваго Царя Россійскія земли, и священные бармы, крупными изумрудами и яхонтами обложенные, блискали у него по раменамъ и на персяхъ. Въ десной имѣлъ онъ Скиптръ, по ко-

ему вилась лавровая вѣшвь, а въ шуицѣ громовыя стрѣлы, которыми въ преславные дни свои поражалъ онъ сопосташовъ опечесива. Мудрость и мужество его сугубили лѣпошу сихъ преизящныхъ даровъ Комнина. Важный взоръ его изъяслялъ всѣ его изящныя добродѣтели: правду, челоуѣколюбіе, умѣренность и миролюбіе. Вокругъ Престола его искусство тщательнѣе изобразило знаменитые его подвиги. Здѣсь зришь, какъ Владыка Константинопольскій, въ наказаніе за многія Грековъ прошиву Россіи коварства, оружіемъ Владиміра бывъ покоренъ, проситъ оу него мира, принося ему въ даръ сіи ошличнѣйшія Царей украшенія, какъ бы достойнѣе послѣ дѣда его Константина, Мономаха ему слѣдующее. Тамъ въ Тавридѣ Лашынцы и Генуэзцы, не въ силахъ защишишь оу побѣдоносной десницы Царя Русскаго славныхъ градовъ своихъ, отдають Кафу и Феодосію; шуть же хитрый рѣзецъ художника представилъ, будшо въ живѣ, единоборство Владимірово съ Кафимскимъ воеводоу, котораго порфиноносный витязь Россовъ мужественно исторгнувъ изъ сѣдла, спѣшилъ опушамъ, привелъ къ воинству своему во всемъ его вооруженіи и снялъ съ него знаки чести. За симъ представляется, какъ сыны Мономаха, Геройскимъ духомъ его исполненные, предводителъствуя полками неустрашимыхъ Новгородцевъ и Псковичей, побѣждаютъ Чудь и Половцовъ, разрушаютъ престольныя грады ихъ

и съ богатою добычею возвращаются въ нѣдро царства своего. Далѣе, храбрые воеводы, его ревностные слуги, шоржесшвуютъ по брегамъ Дуная, покоряя славной Державѣ его многіе грады и веси. Наконецъ излагаются побѣды потомковъ его, и то, какъ отважнѣйшій изъ нихъ Романъ, опецъ Даніила, завоевалъ всю Липву, кошорая, сверхъ возложенной на нее дани, здѣсь, во образѣ жены печальной, смотришь, къ позору своему, на лучшихъ сыновъ свѣихъ, вмѣсто коней, подъ ярмомъ плуга томящихся; спудомъ покрытые, они влекутъ рало вдоль собственныхъ нивъ.

АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ.

При возрѣніи на сей памятникъ благоговѣніе объемлетъ душу. Здѣсь Богомъ избранный Герой сіяетъ добротрачностью своею, какъ восходящее солнце красотою свѣшодашныхъ лучей. Здѣсь Герой Невскихъ береговъ, преславный Александръ. Подобно небу опъ земли далекому, далеку онъ изыщесшвомъ высокаго духа своего опъ того уничиженнаго спрасшми Александра, котораго пагубное мѣру рожденіе ознаменовано было пожаромъ храмовъ, ясно свидѣшесшвовавшимъ, что зажжетъ онъ Вселенную огнемъ брани, и наводнитъ ее кровію ссбѣ подобныхъ. Здѣсь не шопъ Александръ, котораго шрепешущее и опшвсюду узами его

естественное человечество съ ужасомъ нарекло великимъ; но здѣсь Александръ, благошворитель народовъ, защитникъ отечества, побѣдитель миролюбивый, которому по сущей истинѣ шло Великаго принадлежишь. Дивной лѣпоты зракъ его хотя и цвѣтеть младостію, но одушевленъ смиренномудрѣмъ, умѣренностію, правосудіемъ и милосердіемъ. Иройскою величавостію объята отовсюду его мужественная, Повелителю, или паче Божеству свойственная осанка. Изрядство его сановитости, при первомъ на него взглядѣ, внушаетъ сію мысль, что онъ Вишазъ горныхъ силъ Царя вышняго. Чешуйчатая броня его отпечтала яркое сіяніе. Въ одной рукѣ держалъ онъ мечъ, масляною лозою обвитый, а на другой рдѣль, какъ румяная заря, огромной его щипъ, на коемъ изображенъ Архиспрашигъ небеснаго воинства, поборющій чудобразнаго Владыку духовъ отпадшихъ; по ободу же щипа высыпаны доротими камнями сіи блистательныя слова: *Разумѣйте, языцы, и покарайтесь, яко съ нами Богъ! Уловая на Него, сласуся Имъ.* Приснопамятными дѣлами украшенное подножіе его живо изображало его побѣды надъ Шведами и побіеніе Лифляндскихъ Рыцарей. Тушъ видна была Нева во златѣ волнующаяся, плещущая въ прекрасные брега свои, на коихъ любезный Богу Ирой разитъ Готское воинство, наноситъ смертельную язву самому Королю Велгеру. Тамъ, на роковомъ полѣ би-

твы, зримы Чудь и Ливва, зримо и смятеніе ихъ; сіи, на вѣки уснувшіе, лежатъ врозсыпъ, какъ неподвижные камни въ долинѣ; а тѣ разсѣяны, какъ испуганныя пернашья; другіе въ плѣнъ взяты; вообще же все ихъ ополченіе сокрушено до конца здѣсь, при вторичномъ освобожденіи Пскова. За симъ славное сраженіе при Чудскомъ озерѣ, гдѣ пятьдесятъ Лифляндскихъ крестоносныхъ вишязей на попрѣ брани положено, толико же въ плѣнъ взято, и гдѣ многія тысячи Чуди пали отъ меча Александра. Далѣе, подобно горамъ, челою небесъ касающимся, представлены, токмо что неглаголющими, знаменитые богатыри Александровы: мощный Гавріиль, коего всепреодоляющая мышца потрузила на вѣки во глубину Невскихъ водъ Скандинавскаго Королевича, въ бѣгствѣ искавшаго спасенія себѣ, и кошорая на вѣки разлучила съ опечесвленной страной Лифляндскаго правителя; сильный Сбыславъ, тако посѣкающій бердышемъ своимъ сопрошивную силу, какъ бы листь густой травы; съ сими купно и храбрый Яковъ Полочанинъ, и Новгородецъ Михайль, и Сава отважный, и неустрашимый Раширь. Тушъ изъяснено и великолѣпное сръшеніе, лютымъ наслѣдникомъ кровожаждущаго Батты учиненное доблественному Александру, заступнику Россовъ отъ Таптарскаго насилія. Вотъ и пришествіе къ нему отъ Ватиканскаго Деспота коварныхъ пословъ съ хитросплетен-

нымъ соблазномъ, въ которой чаялъ онъ уловить сего колебимаго поборника и защитника Восточной церкви; но къ стыду пославшаго ихъ и къ стыду своему, они обрѣли въ мудромъ Князѣ Россовъ строгаго ревнителя исповѣдуемой имъ вѣры. Напоследокъ видно было взятіе Дерпта, и шолпы иноплемennыхъ семействъ, кои, прельщены бывъ славою Александра и человеколюбивымъ его народоправленіемъ, шекли отъ дальнихъ странъ подъ его Державу. Тако стада агнцовъ спѣшати укрывшися отъ зноя въ прохладной сѣни густолиственнаго древа, при исходящѣ водѣ высящагося, размѣшавъ по воздуху свои пушистыя, благотворныя вѣшви.

ДМИТРІЙ ДОНСКОЙ.

Рядомъ съ побѣдоноснымъ Александромъ возвышался на конѣ Россій Леонидъ, оный безсмертный Донской, который, бывъ еще одиннадцатилѣтнимъ отрочкомъ, уже искусно держалъ броды правленія въ надежной десницѣ своей, и являлъ какъ изящество духа, такъ и дивное разсудка совершенство, искушенному многими опытами старцу токмо свойственныя. Сего, пренаполненнаго добродѣтелями Государя, достойно нарицати ошцемъ народа, зане шастіе подданныхъ предпочиталъ своей жизни. Онъ былъ представлень въ томъ

самомъ образѣ, какъ спасалъ Москву отъ губителя Ма-
мая, когда предшествова ^{мззззз} легіонамъ своихъ сильныхъ,
рекъ имъ: „ Или избавлю землю Русскую отъ плѣне-
„ нія, или за всѣхъ васъ положу главу мою на рат-
„ номъ полѣ. Честная смерть лучше злаго живота. „
Зракъ его былъ столь выразителенъ, что полуошвер-
сшья уста его казались еще глаголющими сіе во всѣ
вѣки потомству памянное изреченіе. Ръчная храбрость,
мудростію движимая, блистала въ очахъ его, а пла-
менная любовь къ отечеству оживляла каждую черту
его младаго, пригожаго лица. Простая и ошвсюду изъ-
явленная броня покрывала его высокое, плечистое и
дородное тѣло; смѣшливое художество изобразило по
ней текущую изъ многихъ ранъ драгоценную кровь
его. Россія въ видѣ жены величавой, прекрасной, въ
видѣ шокмо богинѣ сродномъ, имѣя чело увѣнчанное
Кремлевскими зубчатыми стѣнами, Димитріемъ воздви-
гнутыми, сопутствовала заступнику своему, неся въ
рукѣ лавровыя вѣнцы и ратное на рамя знамя, съ изо-
браженіемъ Спасителя челоуковъ. Достославные подвиги
сего рѣдкаго изъ Монарховъ и великаго изъ полковод-
цевъ занимали всю окружность адамантоваго столпа
его. Во первыхъ шуть была представлена Коломна,
возносящая до облакъ крестоносныя свои башни; по
широкимъ, облегающимъ ея равнинамъ стоятъ въ строй-
номъ чинѣ храбрыя Русскіе полки изъ разныхъ Кня-

жествъ и предѣловъ Московскаго Царства стекшіеся, дабы совокупными силами защитить страну свою отъ звѣрскаго Мамаева нашествія и свергнуть поносное Ордынское иго. Подобно сиваду соколиному, на высокой холмъ слетѣвшемуся, собрались сюда храбрѣйшіе сыны Сѣвера: сіяющие доблестію Князи, и бояра, спростѣе любители общаго блага, и воеводы, знаніемъ ратоборствія препрославленные. Всѣ они радѣють кровію своею изкупить отечество отъ бѣдъ. Здѣсь и масшная старость и цвѣтущая юность, единымъ чувствомъ Иройства одушевленные, не уступаютъ одна другой и обѣ ревнуютъ спасенію Россіи. Никого изъ нихъ ничто не могло удержашъ въ милыхъ ихъ семействахъ: ни любовь родительская, ни любовь супружная, ни жаркая любовь къ красотѣ, ни сладкое сердцу чадолюбіе. Увидя напастъ общую, они забыли весь родъ и племя свое, и дома и богатство, и какъ бы ширококрылые орлы на брань полетѣли. Тако единоушробные братья, единодушїемъ сопряженные, вступаются за мать свою; и горе мужу бую, естли дерзнетъ онъ оскорбить родительницу, добрымъ чадамъ богатую! Тако многіе источники, одни мало по малу вытекающіе изъ глубины тѣнистыхъ дубравъ, другіе, струяся съ горней оплогости, сіи вѣются между камнями, а тѣ подъ густыми злаками таящіеся; тако соединяющіеся они всѣ въ долину и составляютъ обширной водоемъ; время отъ времени сугубятся воды

ихъ, разливаются, понимаютъ высоты, и наконецъ сильнымъ напоромъ своимъ роютъ землю, подмываютъ высокія горы и темныя лѣса, и ставъ великою рѣкою, съ шумомъ, съ ревомъ, ужасомъ мчатся чрезъ веси, чрезъ Царства въ моря далекія, — и моря дивятся ярости волнъ ихъ. Тако, но и того еще быспрѣ Росскіе полководцы спѣшили подъ Коломну соединиться другъ съ другомъ. А тамъ, что за сонмъ избранныхъ богатырей, какъ городъ стоишь превыше прочихъ ратоборцевъ? Подъ ихъ свѣтлыми шлемами я зрю и пресла- рѣлыхъ и молодыхъ вишазей; посреди ихъ самъ Димитрій, какъ солнце предъ громадою молніеносныхъ обла- ковъ

Ты зришь дружину Князей Бѣлозерскихъ, ошвѣщала мнѣ Слава; сіи отличные Ирои крѣпки и мужесшвенны во брани: они суть твердый оплотъ Государства. Раз- женные патриотическимъ сердоболѣемъ, они безъ при- зыва пришли къ Димитрію съ полками своихъ храб- рыхъ; изъ нихъ Князь Великій урядилъ свой опричный легіонъ. Константинъ сынъ Всеволода, родоначальникъ ихъ: въ нихъ духъ равно во всѣхъ великъ, во всѣхъ единъ, хотя колѣна ихъ различны. Преславную дру- жину сію составляють Князи Андомскіе, Вадбольскіе, Бѣлосельскіе, Шелешпанскіе, Кемскіе, Сугорскіе, Карго- ломскіе и Ухтомскіе. Такъ нарицаются они по вла- стямъ своимъ отъ предка, въ удѣлъ отцамъ ихъ даннымъ.

При семъ словѣ прїятное чувствованіе радости внезапно наполнило мою душу, закипѣла вся кровь во мнѣ, возколебалась грудь моя, сердце рвалось вонъ, и теплыя слезы покашились по ланипамъ моимъ. Сіе милое чувство, сіи сладкія слезы, вашему безсмертію посвящаю, знаменитые Князи Ухтомскіе! примите славныя праотцы матери моей, примите отъ правнука вашего сію чисную жертву благоговѣнія, досточестной памяти вашей принадлежащую! Любезное мнѣ имя ваше да благословится въ роды родовъ! Отечество во вѣки не престанетъ чтить васъ въ числѣ заступниковъ своихъ. Хотя не сооружено вамъ ни монументовъ, ни мавзольей; хотя безвѣстно, гдѣ неоцѣненный прахъ вашъ почіетъ, но купно съ Димитріемъ вы безсмертны. Между шѣмъ какъ опятченныя проклятіемъ и хулою пронесутся до позднѣйшаго попомнѣва постыдныя имена ошпадныхъ чадъ Россіи, нечестивыхъ предашелей Олега и Ангелла, а съ ними вмѣстѣ и еще иныя имена измѣнничьи. Не благословенія, а поруганіе воздася имъ на гробахъ ихъ; и сыны сыновъ ихъ не возрадуются о имени ихъ, не вознесутся ихъ славою, но посрамятся памятью ихъ, возгнушаются ею, отвержнутся отъ сѣмени ихъ, и клятвою вѣчною Исторія ознаменуетъ время постыднаго ихъ бытія.

По томъ, устремля взоръ на другое изображеніе, я созерцалъ ужасное поле брани, распространяющееся

по брегамъ Непрядвы. Какое шутъ множество предме-
шовъ! — Здѣсь станъ злодышущаго Мамаа, его несмѣш-
ная Ордынская сила, какъ шуча пагуботворной са-
ранчи, обширно по лону земли разлеглась; а отсюда
преходитъ Донъ и спускается съ высомъ на равнину
Московской Царь, предводительствуя не столь много-
численное, колико храброе Русское воинство. Его
сторожкіе соглядатаи разсѣялись по окрестности,
припаясь въ кустахъ, то въ густотѣ дикихъ шравъ,
то изъ за чела холма они наблюдаютъ и зрѣніемъ и
слухомъ движенія враговъ. Славнѣйшіе изъ нихъ: мудрый
гадашель Димитрій Волынецъ и созерцашель Небес-
ныхъ явленій Тома Халцибѣевъ; они полны надежды. Но я
невижу на Скиппродержцѣ блистательнаго Великокняже-
скаго доспѣха! Гдѣ его бурной конь? гдѣ его бѣлое зна-
мя? гдѣ его грозная рында? Подобно простому ратнику,
онъ во сонмѣ прочихъ вождей; единое шокмо изряд-
ство мужественнаго вида его и пылкость его взора
свидѣтельствуютъ о немъ. Мудрый Димитрій, вмѣняя
пресвѣтлое Царей убранство безъ славныхъ дѣлъ въ
ничто, совлекъ съ себя маншію, снялъ вѣнцемъ крас-
ный шлемъ и броню; наперсникъ его Брянскій сіяетъ
въ его нарядѣ, какъ младое древо на вершинѣ скалы
зеленѣющее, возносится онъ на хребтѣ коня его, подъ
бѣлымъ его знаменемъ окруженъ великокняжескою стра-
жею. Вотъ и страшное Мамаево побоище, толико зна-

менимое въ преданіяхъ! Тутъ пали люди, какъ права
 подъ косою; кровь ихъ протекла рѣками; тушь изобра-
 жено славное единоборство искуснаго воителя Пере-
 свѣта съ Ташарскимъ Полканомъ и взаимная смерть
 ихъ; тушь представлены всѣ ужасы брани и облако
 дождившее вѣндами. Димитрій посреди самой сѣчи ра-
 зить враговъ. Его отважностію ободренные ратни
 неуспрашимо сражаются. Вишазі Бѣлозерскіе и Суз-
 дальскіе преодолеваютъ упорство шьмочисленныхъ
 Ордъ. Вотъ и побѣда Россовъ и бѣгство Мамаево! Сей
 гордый Агарянинъ смятенъ, погранъ, опчаянъ, едва
 спасая жизнь свою, окруженъ шокмо малымъ числомъ
 своихъ присныхъ, стремится съ роковаго поля, покры-
 таго тысячами и шьмами Ордынцовъ его. Простран-
 ство шестидесяти пяти поприщъ едва досташочно
 вмѣстить испребленное Ташарское ополченіе; земля
 шягошѣшъ, и кажется будто стонетъ подъ буграми
 труповъ ихъ. Побѣда Россовъ! Но гдѣ побѣдитель? гдѣ
 Владыка, защитникъ и отецъ ихъ? гдѣ Димитрій? Я
 не обрѣшаю его здѣсь въ соборѣ военачальниковъ? Онъ
 вдавался во всѣ опасности, онъ первой спѣшилъ шуда,
 гдѣ нуженъ былъ его великой духъ, его разительный
 примѣръ, самый шрудной подвигъ. Ужели, ужели сіе
 свѣшило Росской славы, не озаривъ шрофеевъ своихъ
 сокрылось въ густомъ мракѣ безконечной ночи? — Но
 можешь ли истый Россіянинъ обратишь сюда взглядъ

безъ душевнаго болѣзнованія? Подъ вѣшьями поверженнаго сѣкирою древа Димитрій обрѣшенъ едва дышущимъ, утопающимъ въ крови своей, и грудь и ребра его изъязвлены ранами. Уже онъ готовъ разстаться съ жизнью, но побѣда сія возвращаетъ ему бытіе; великая душа его въ самыхъ врагахъ вѣчности осстановлена радостію видѣть торжество и спасеніе Россіи. Все сіе столь живо представлено, что кажутся всѣ лица дышущими, и мнится, что будто все сіе видишь производящимъ въ явѣ, какъ бы въ нѣкоторомъ отдаленіи. Художникъ не забылъ изъяснить и того, что Димитрій оплакалъ побѣду сію надъ тѣлами многихъ храбрыхъ сподвижниковъ своихъ; кои были и ограда и краса Русскаго царства; въ числѣ ихъ всѣ осмь братьевъ Князей Бѣлозерскихъ, жертвуя собою опеческву, вкусили смерть на полѣ чести. Воспомянуто было и благосердіе его къ предашелю Олегу. Пришествіемъ же въ Москву обожаемаго подданными Димитрія, празднествами и ликованіемъ народа заключалися всѣ оныя вѣчнопамятныя изображенія. На челѣ сполпа горѣли какъ жаръ слова сіи: „Россія! се твой заступникъ и покровитель!“,

ІОАННЪ І ВЕЛИКІЙ.

Близъ Димитрія находились одинъ за другимъ два огромные столпа равной величины, сооруженные каждой изъ драгоценнаго камня, коему человеческой умъ, кромѣ удивленія, никакой иной цѣны опредѣлить не можетъ. Первой столпъ изъ чистаго сафира со златыми реліефами; несравненно, неподражаемо преизящество рѣзныхъ и чеканныхъ изображеній, коими оплсуюду онъ украшенъ. На семъ столпѣ возносился Великій Іоаннъ, единоначальникъ Россіи. Сей, равно мудрому Мономаху, скопилъ разсыпанныя Княжества подъ одну Державу и шѣмъ изшоргъ корень раздора, междоусобія, брашоубійствъ и иныхъ многихъ золъ свирепствовавшихъ въ Государствѣ. До его Царствованія, обширная, но раздробленная Россійская Монархія подобна была разслабленному исполину, которому преспали повиноваться всемошныя его мышцы; изнурены будучи опъ напряженія и непрерывной борьбы съ разными и всегда новыми сопротивниками, онѣ лишились своей крѣпости и удободѣйствія; гнѣздящаяся внутри болѣзнь, паче и паче раздражаемая суешными покушеніями, шщетнымъ себя принужденіемъ въ испытаніи собствєнныхъ силъ своихъ, огрузила все его рослое шѣло и ловкіе члены его содѣлала шяжелыми гирями, орудіями шокмо что его обременяющими. Но Іоаннъ,

яко многовѣдущій врачъ, употребилъ прошиву шаковой жестокой немощи самыя преодолительныя, самыя скорыя, вредъ изгоняющія цѣленія. Онъ возвратилъ исполнѣнію сему здравіе и привелъ непокорныя его члены въ должное, во взаимное согласіе. Рукою Іоанна подымая съ одра нѣсколько сомѣлѣвшей болѣзни Россія, возсала, и славою облеклась; окинула окресъ себя своимъ обширнымъ взглядомъ, — и сопредѣльныя Царства попрысались; сгинула, — побѣды загрѣбли. Оный достопамятный Монархъ, сокрушитель нестерпимаго Башыева ига, облеченъ былъ въ броню и порфирѣ. Цареградская діадима ошцевъ его распочала яркіе лучи съ величавой его главы, густыя кудри изгибались по раменамъ. Въмѣсто скиптра яснилъ въ десницѣ его мечъ, какъ воздушный огонь по черному облаку рдѣющійся; а въ шуицѣ имѣя державу, попиралъ онъ твердою пятою шемной полумѣсяцъ, въ доказательство презорства его къ властолюбивой и буйной ордѣ. По сторону его находился несокрушимый его щитъ, на коемъ сидѣлъ быstroокой орелъ, распростря крылѣ свои, готовый къ полету. Сей Царь пернатыхъ устыдился и наскучивъ служить падшимъ потомкамъ Римскихъ Кесарей, пренесся подоблачнымъ своимъ путемъ чрезъ Востокъ на Сѣверъ, къ добropобѣдному Іоанну, чшобъ сопушествовать Россамъ его ко славѣ. Истерзанныя на части узы и добычи Волскихъ и Лишовскихъ завое-

ваній, лаврами превязанныя лежали у стопъ Владыки. Строгъ и ужасенъ былъ взоръ Самодержца; зѣницы очесъ его, казалось, и здѣсь сверкали въ пылу гнѣва; видъ его былъ бодръ и въ полной силѣ Иройскаго мужества; а промышляющая о благѣ отечественномъ мудрость одушевляла правильныя черты его грознаго лица. Все являло въ немъ надежнаго на себя побѣдителя, дѣятельнаго Монарха, праведнаго судію, неумолимаго карателя зла, рьянаго защитника. Онъ спасъ страну свою отъ нечестиваго Ташарскаго порабоженія, возставилъ на прежнюю высоту славы Престоль, искони громкихъ предковъ своихъ. Его великій духъ низложилъ гордыню, и какъ прахъ разсѣялъ силу Золошой Орды, которая до его приснопамятныхъ дней дерзостно разполагала жребіемъ Владыкъ Россійскаго народа; но при немъ сія кичливая властелинка въ чреду свою покорствовала уже тѣмъ Царямъ, какихъ давалъ ей Іоаннъ по единому изволенію его. Онъ простеръ Державу свою на Пермь, Казань, Лаппонію, Югорію, Вогуличей, на Волскихъ Болгаръ и на страны Завольскія, отъ самаго Востока даже до моря Хвалынскаго. Семьдесятъ градовъ отъ Россіи Липовцами отчужденныхъ, онъ исторгъ изъ хищническихъ рукъ ихъ и пріобщилъ ко владычеству своему. Ему подобаешь шило Великаго Монарха и соединителя отечества.

Негиблемый столпъ его представлялъ взору вѣко-

вѣчныя его дѣла и случаи его замыслами произведенныя. Тутъ, при водахъ Камскихъ, поголовное пораженіе Ташарскаго воинства, которое безчисленно было, подобно класамъ по пучной нивѣ волнующимся; копья онаго, — какъ лѣсъ дремучій; летящія его стрѣлы, — пуча на воздухъ висящая; но оно все пало, какъ осенью падеть листь съ деревей, бурею срываемый и въ вихряхъ крутящійся. Тамъ страшныя въ битвѣ воеводы Іоанновы торжествуютъ успѣхи оружія своего: Полководецъ Симеонъ покарываетъ Россійскому Царю всю Черемискую землю; непреодолимый Ряполовской на брегахъ широкой Волги сокрушаетъ Ордынскую силу, и плѣненныхъ Князей ея везетъ въ Москву; отважный Руно подъ стѣнами самой Казани изымлетъ у Казанцовъ Росскія и Литовскія корысти, ими захваченныя, и обратно приноситъ оныя въ даръ отечеству; храбрые Юрій и Димитрій облегаютъ Казань, и гордаго ея Царя побѣдивъ, изъ милосердія даютъ ему миръ. Здѣсь представлено наглое Крымское Посольство, достойная оному кара, и поруганіе надъ истуканомъ дерзостнаго Ахмета; рѣшительной съ Ташарами бой близъ шумноводной Оки; сязаніе досто-славное, побѣда гремящая въ вѣкахъ, коею Россія совершенно очистила себя отъ Ордынскаго ига! Но здѣсь же я узрѣлъ и твое паденіе, великій, страшный Новградъ, праошецъ градовъ, повелитель обшир-

ныхъ странъ Сѣвера! Ты, коего бышѣ, многія сто-
лѣтїи въ себѣ включающее, просширается до бы-
шїа перьвыхъ монархїй свѣша; швои ошташки мха-
ми увѣнчанные и спаринныя зданїя, видомъ древ-
ности красующїяся, еще поднесь свидѣтельствующь
швое, доселѣ ужасное, иноплеменнымъ могущество, кошо-
рое составляли народы обитавшіе отъ предѣловъ Москов-
скихъ до сѣверныя Двины и до пучинъ Бѣлаго моря; ты, ко-
шорой вмѣщая въ себя пять градовъ, обведенныхъ стѣна-
ми, превосходилъ и прежній и нынѣ существующій Римъ.
Твое многократное возмущенїе, швое непокорное самочин-
ство ополчало Царя яросшїю; онъ устремилъ на тебя свои
жестокїе громы и Республиканская швердосшь швоя со-
крушилась. Твои непреклонныя главы смирились. Умолкъ
швой вѣчевой колоколь, и славную боярыню швою, великую
Марѣу посадницу посшигла злая часть купно съ ча-
дами ея!

Далѣе, изображено злокозненное Князя Лукомскаго
подданство. Сей, наущенный отъ лукаваго Казимира,
пришлецъ лебзаетъ стопы Царевы, посягая на жизнь
его; съ нимъ купно проникло въ чертогъ Царской пагу-
бошворное коварство, вина паденїя многихъ Пресшоловъ.
Сїе гнусное чудовище, сїе ядошочивое адово порожденїе,
имѣло главу, покрышую цвѣшами съ змїями препле-
тающимися; цвѣшочными вязьми обвѣшано гибкое шѣло
его, ежевыми иглами учащенное; болѣзненно и опасно
до него коснушься; взоръ его пронырливъ и привѣшливъ;

оно смотритъ ослабляясь, съ уклоненіемъ главы въ знакъ раболѣпствія; съ ужимкою плечъ возводитъ оно косое око свое на Іоанна, будто дивясь его доблестямъ и могуществу; отверстныя уста его, кажется, произносятъ льстивыя рѣчи; но въ одной рукѣ держитъ оно обоюду острый кинжалъ, а въ другой фїяль, кипящею оправою полный; вокругъ него стелется, какъ туманъ, его заразительное испареніе, которое мрачитъ очи Владыкъ, мушитъ умъ Вельможъ, крушитъ духъ царедворцевъ; и шутъ же искусный художникъ изъяснилъ казнь отъ Владыки сильныхъ на злоумышленника посланную: знаменитые полководцы Московскаго Самодержца Щеняшевъ и Оболенскій, яко грозныя созвѣздія смерти, налетѣли съ огнемъ, съ мечемъ, съ пагубою на Липовскую спрану; помели ее начисшо; полки Казимировы, какъ маковыя зерны, рассыпали по полямъ, и съ несметною добычею возвратились на Русь. Потомъ зримо, како Князь Холмскій, богатырскимъ изрядствомъ полный, разбилъ, рыцарскіе полки, предводительствуемые благоразумнымъ Валшеромъ, и взялъ у него Виліадъ. Сей же самый воишель обложилъ силою своею мятежную Казань, которая отдохнувъ отъ ударовъ ей Іоанномъ нанесенныхъ, паки дерзнула подъявъ буйное чело противъ повелительницы своей Россіи. Но се падутъ ея огромныя башни, смятенныя тысячи жителей ея, преклонивъ колѣно предъ лицомъ побѣдителя, воздѣваятъ къ нему руки

и молять о пощаде; Царь Алегамъ и Царицы его съ сановниками и домочадцами въ плѣны влекутся; Московскія швердины наполняются ихъ стономъ, и звукъ цѣпей ихъ умножитъ ужасъ темничнаго мрака. Іоаннъ же, украшенный тишломъ обладателя Болгарскихъ странъ, съ распросшертыми объятіями срѣщаетъ призывныя имъ въ Россію науки и художества; съ ними вмѣстѣ приходятъ и оныя извѣстные въ бытописаніяхъ мужи: Аристотель Болонскій, который первой показалъ изумленной Москвѣ искусство шворить изъ мѣди огнедышущіе драконы; а другой мужъ, вѣдатель зодчества; по его точному размѣру возносятся до облакъ лѣповидныя Царскія палаты, величественныя храмы и зданія Москву украшающія; а по волѣ того изрыгають жупель, пламя, гибель и разрушеніе смертію зіяющія жерла, въ защиту отъ сопосланныхъ нужныя во брани. Взирая на нихъ цѣпенѣетъ человѣчество; изъ ихъ адской горшани вылетѣвшее ядро касается ли дебелой стѣны, — стѣна рушится, открываетъ нѣдро града и машущійся по спогнамъ народъ; доспигаетъ ли оно стѣсненныхъ воинскихъ рядовъ, — пролагаетъ между ими цѣлую улицу, и съ свистомъ мчится на вылетъ до истощанія своей губительной силы; гдѣ были люди, тамъ шокмо кровавая рѣка течетъ. Спрашное позорище! мнѣ мнишя слышатъ громъ и ревъ ихъ. Увы! что въ цѣсколько лѣтъ опечесство хранило, воспишывало, воз-

ращало сыновъ , что зодчій въ нѣсколько годовъ
созидаль , то все орудій — ваятель истребилъ , ра-
зорилъ въ нѣсколько часовъ О человеки! чего не
изобрѣли вы на свою пагубу? и безъ сихъ злошвор-
ныхъ вымысловъ смерть срѣщается васъ и сопуш-
ествуетъ вамъ повсюду! Послѣ сей каршины
опустошенія и пагубы, предстало взору моему пріятное
зрѣлище: стеченіе многихъ Владѣтельныхъ Князей,
въ вѣчное къ Іоанну подданство. Подобно роямъ
пчель, каждому за царицею своею толпящемуся и отъ
различныхъ странъ слетающимся подъ благовонныя
вѣтви высокой липы, бѣлымъ цвѣтомъ, какъ млеко
облишой, шло за каждымъ Княземъ его семейство
и старѣйшины народа. Такъ же ознаменовано здѣсь
взятіе Пушимля и Князя его Сапѣги; пріобрѣтеніе
многихъ градовъ отъ Липвы опшорженныхъ; obleжаніе
Смоленска; покореніе Вятки и наконецъ сооруженіе на
берегахъ Наровы толико знаменишаго въ побѣдахъ Пе-
тровыхъ Ивана града. Словомъ: здѣсь, вездѣ я зрѣлъ,
что все преуспѣвало Іоанну во благо, и сама даже
Слава изобразила здѣсь себя трубящею о немъ съ небесъ
во всѣ концы земли; Вселенная, приникнувъ, внемлѣшъ
ея звукамъ.

ІОАННЪ II ВЕЛИКІЙ, ГРОЗНЫЙ.

По страну Іоанна возносилъ вѣковѣчную главу свою безсмертный внукъ его Іоаннъ II; сей былъ Монархъ, судья, воитель, законодатель, бодроосмотрительный совокупишель Славеноросскаго достоянїя, обновитель старой и началоположникъ новой славы его, Самодержецъ многихъ народовъ и Царь Царей, ибо братїя его, единокровные съ нимъ Князи, Цари Болгарскіе и иныхъ странъ, служили ему при свѣшозарномъ Дворѣ его, съ его важными Боярами, съ его велемощными Воеводами, коихъ творилъ онъ повелителями Царствъ. Іоаннъ Грозный изображенъ былъ во цвѣтѣ лѣтъ своихъ, въ тѣ самые блистающіе юностїю годы, когда торжествовалъ онъ спасительныя для Россїи побѣды свои надъ пагубоносными потомками Чингисхана, обогрившими кровїю человѣческою большую часть свѣта. Лѣпозрачность его украшена была подобїемъ знаменитаго дѣла его; наследуя тому въ доблести, не щощїю имѣлъ онъ черты его, но еще одаренъ былъ предѣлѣмъ и нѣкимъ превосходствомъ; сугубый огонь души оживлялъ все его тѣло-положеніе. Взоръ Іоанна былъ яръ и прекрасенъ, строгъ и полонъ благочестїя; добродѣльное мужество, дальновидная мудрость, щедрота, словомъ: вообще преизящное совершенство даровъ великаго духа являли въ немъ паче бога, нежели человѣка,

и наводили священный ужасъ. Язычникъ преждебывшихъ временъ почелъ бы его за строителя небесъ, *Одина*, или за громовержца *Перуна*, потому болѣе, что въ десницѣ своей держалъ онъ пуки громовыхъ сверѣлъ, коимъ всегда сопутствовала смерть. Величественъ, торжественъ, препохваленъ, едва не равенъ Пешру, возвышался онъ на бурномъ конѣ во всемъ изрядствѣ своей благородной сановитости, подобно горѣ, отъ земли до небесъ достигающей. Гладкой, чешыря вѣнцами препоясанный шлемъ осѣнялъ его густыя брови, на переносѣ соединяющіяся. Златая колчуга обнимала осанистое плечо его, народосокрушитель мечъ висѣлъ по бедрѣ; священные бармы лежали на персяхъ, и мантія ошцевъ его развѣвалась за раменами. Гошескія знамена, возгнѣтенныя съ добычами Ордынскими, Сибирскими и Оптоманскими, накоплены были близъ него ошую. По верхъ оныхъ находились связанныя лаврами при державы: Сибирская, Казанская и Аспраханская; надъ сими сіяла, какъ полносвѣтлый мѣсяцъ, крестоносная Московская Держава; грозный орелъ при нихъ былъ на стражѣ, сидя на грудѣ книгъ, премудрость Іоаннову и благо общее въ себѣ заключающихъ: то были книги его законовъ. Хоша мракъ тѣхъ временъ и прешилъ Іоанну озарить весь мѣръ лучами своего величія, но онъ былъ между Владыками то же, что Сиріусъ между прочими неподвижными звѣздами;

онъ былъ для сѣвера шже, что солнце для вселенной, когда оно показывается на горизонтѣ, еще туманами ночи окруженное. Славѣ угодно было представить и себя по срану его грядущую. Лавровѣчанная царица вѣковъ изобразишь себя повелѣла трубящею въ громозвучную трубу свою, со многоочитыми на хребтѣ крылами, и носящею Царевъ щипъ, коего выпуклость, изукрашенная алою финифтью, яснѣла, какъ рдяная заря. Таковъ былъ кумиръ премудраго изъ Скиптродержцевъ, котораго должно бы наречь опцемъ отечества, есѣли бы пылкій его нравъ и Новгородское кровопролитіе не омрачили нѣсколькихъ лучей его безсмертія; чему однако же были раздражительную виною крамолы, разврашъ, навѣшы и ковы корысти алкавшихъ вельможъ.

Еще младенцемъ сущій, Іоаннъ уже былъ Царемъ, подѣ надзираніемъ рождающей его и свирѣпыя обуреванія Липовскихъ, Крымскихъ и Казанскихъ тучъ не могли испоргнуть кормила Царства изъ дѣтскихъ его рукъ. Тако молодой кедръ возникаетъ на вершинѣ холма подѣ кровомъ нѣжной маслины; но когда прійдетъ онъ въ силу крѣпости своея; когда неслѣнные корни его глубоко вѣдряшся въ утробу земли; тогда онъ превознесешся до звѣздныхъ круговъ, поддежитъ собою небесные своды, поругаетъся надъ бурями, распространитъ свои великолѣпныя вѣтви надъ полями

и рѣками, будетъ покровителемъ покровительницы
своея, и вопреки ревущимъ окресить него громамъ, во-
преки шипящимъ и кругомъ его извивающимся молніямъ
возмужалое древо холма гордо простоишь цѣлые вѣки,
благошвора стадамъ и пастырямъ тѣнию своею. А
дошолѣ, пока возрастетъ пушистой кедръ, колико
стихійныхъ суровостей претерпитъ земля? Пока не
возмужалъ доблестивенный Ирой сей, коликимъ бѣдамъ
подвержена была Россія? Едва, едва сія великая прама-
теръ народовъ въ вѣчную ночь не погрузилась! Въ ту
злую для нея годину воспрянула злобою дышущая
Орда; ядохочивыя главы сей лютой гидры, доселѣ
вишлязми Россійскими сокрушенныя, уврачевались и
ошпросли; изъ стѣнъ Казанскихъ подъявъ свое мстительное
чело, сія кровожадная змѣя зіяла напасъми на
Москву; разверзя зубастую челюсть свою, пышущую
огнемъ и пламенемъ, она опустошала Московскую Де-
ржаву; повсюду слышны были вопли, повсюду пылали
пожары и багровыя зарева рдѣли надъ градами. Ко-
варная Сумбека, свергнувъ съ себя подданство, обмы-
лась кровію Россіянъ; Казань, сей кошель полный зла,
снова воскипѣлъ войною, измѣною и мщеніемъ. Къ тому
же Донъ, Днѣпръ, Двина и Волга рыдали въ рукахъ
иноплеменничьихъ. Но паче сихъ внѣшнихъ сопоспашовъ
язвили сердце Россіи сопоспашы внутренніе. Тогда
подъ необычайнымъ женскимъ правленіемъ машери

Иоанновой, подъ сѣнью вышней власти, распростра-
 нялъ по всей странѣ гордыню свою и могуще-
 ство сильнѣйшій изъ вельможъ, страшный всѣмъ
 временщикъ, Князь Оболенскій. Сей тяжкій обществу
 сынъ слѣпаго щастія, утѣснялъ добродѣтель, изго-
 нялъ изъ царскаго жилища свящую къ отечеству лю-
 бовь, заключалъ въ шемницахъ истинну, презорство-
 валь достоинствомъ и заслугами, и погублялъ даже
 единокровныхъ Царю. Отъ злочестія вельможи сего
 возникли раздоры, подѣски, домогательства, смуты
 между Боярами и Царедворцами; подобно звѣрямъ
 хищнымъ, раздраженнымъ, стязующимся за добычу,
 они восставали другъ на друга, и братья брата изрывая
 ровъ, тѣлились низверженіемъ одинъ другаго вознести
 свой рогъ. Оболенскій посреди ихъ являлся какъ бѣдо-
 вѣстная комета, кошорая, распусшя далеко по темно-
 му небу огненной хвостъ свой, приводитъ человѣче-
 ство въ оцѣпенѣніе. Воспрепечалъ, взволновался духъ
 гражданъ, отовсюду окруженъ будучи предательствомъ,
 насиліемъ, прещеніемъ и казнями. Оболенскій, ополчен-
 ный довѣренностію Царицы, разилъ, губилъ проши-
 вныхъ ему. Открылись скопища, заговоры, бунты. Без-
 оспрадная Россія, родительница милліоновъ чадъ, куда
 ни взглянешъ, нигдѣ не обрѣтаешь вѣрныхъ сыновъ
 своихъ, признаешь себя сирого, бездѣтною, и видя себя
 разграбленною расперзаною подлыми рабами соб-

снвеннолюбїя, ищущими шокмо своего прибышка, кру-
шилась, сѣтовала и не знала куда преклонить главу:
престоль, какъ многовѣсисное бремя, тягошль ея
лоно; Бояра раздирали ея внутреннюю; все стремилося
къ общей гибели. Се горкіе плоды коварства, само-
чинства, лести и козней злыхъ временщиковъ! Коль
бѣдственна та страна, гдѣ мужъ кровей, гдѣ бичъ гра-
жданъ держишь сердце Царево въ своихъ хитросплетен-
ныхъ сѣтяхъ! сей змѣй, вѣясь по скиптру, погубишь
наконецъ и самаго Владыку. О вы! Повелители иародовъ!
взирая на шоль ужасный примѣръ, ограждайте престолы
ваши вельможами избраннѣйшими, извѣстными въ оше-
чествѣ по ихъ заслугамъ, здравому разсудку, добродѣ-
телямъ, коихъ благородной духъ не страшился бы предъ
взоромъ вашимъ вѣщать правду и удерживать силу
закона; но стрегитесь по прихоши своей возводишь
пигмеевъ на высокія степени, истинному достоинству
принадлежаще. Не самовластїе, а сила закона блюдетъ
царства: добрые вельможи, — твердые столпы его;
честные нравы ихъ, — оплошь общаго блага; примѣръ
ихъ имѣетъ шакое же влїянїе на умы, какое воздухъ
на растѣнїя. Уже мѣра бѣдъ Россїи была полна, все
готово было разрушиться и пасть, какъ Вседержитель
неба и земли, безъ воли Коего и листъ съ деревесъ не па-
детъ, пресѣкъ несчастные дни Царицы, и ввѣрилъ броз-
ды правленїя отроческимъ рукамъ Іоанна. Воскресла,

восстала Россія; благоустроитель Иоаннъ опутрѣсь съ нее бѣды; страхъ и трепетъ проникъ въ косяи враговъ ея; обомлѣли собственные злодѣи. Загремѣли громаы строгата Царскаго правосудія, обнажилися вины пресшупниковъ; заразителная гангрена была отдѣлена отъ здравыхъ частей Государственнаго тѣла. Погасли пожары утихли бунты, замолкли мяшежи, исчезъ разврашъ; патриотизмъ, истинна, добродѣшель въ лицахъ Адашева, Хилкова, Курбскаго, впервые явились при Дворѣ. Превосходящій Царевы лѣша разумъ озарилъ всю его страну; искушенная горестію опышность его изкоренила зло, насадила вездѣ порядокъ и пользу, и положила швердое основаніе единовладычеству его.

Огромный рубиновый столпъ, превосходящій величиною своею всѣ прочіе столпы, служилъ подножіемъ Иоанну; искусство едва достаточно было помѣстить на ономъ безчисленность славныхъ его дѣлъ. Руководящая мною богиня вѣщала мнѣ, что сама она содѣйствовала сонму шѣхъ избранныхъ Геніевъ, которые трудились въ изсѣчені столпа сего. Во первыхъ на немъ зримо было сооруженіе Свѣжска при водахъ, гдѣ Свѣга вливается въ Волгу. Иоаннъ повелѣлъ, — Воеводы его: Князи Бѣльской и Палецкой, мгновенно шо свершили; цѣлый градъ пренесъ на спрутахъ, они воздвигли его Россамъ въ оборону, Казанцамъ

во ужасъ. Симъ градомъ правилъ служащій Московскому Царю Касимовской Царь Шихъ - Алей, и се отъ него первыя приношенія Владыкъ своему: покореніе всей Черемиской страны обще съ страной Башкирскою въ вѣчное подданство; плѣненіе Крымскаго Царевича Уланъ Кочака; вошь и гордая Сумбека, достойно наказанная за ея чародѣйскіе дары. Сія злобная Сафгиреева вдовица, непокорная Казанская повелительница, сокрушена, уничижена, въ цѣпяхъ, съ поникшею главою, съ расшрепанными власами, держа у персей милого сына своего, послѣдуемая полчищемъ женъ и дѣвъ, идешь посреди Россійскихъ ратныхъ строевъ, идешь въ Москву, въ позорной плѣнь. Но сими казнями неукротимая, свирѣпая Ордынцевъ злоба, всегда лукавыми замыслами обильная, навлекала на себя вѣдущіе удары. За симъ представляется взору оная славная въ Исторіи златая палаша, гдѣ Іоаннъ держалъ знаменимый свой совѣтъ въ соборѣ Князей и Вельможъ своихъ, правителей Господствъ и власей Россійскихъ, съ коими совѣщевалъ онъ о рѣшительномъ избавленіи отечества отъ губительствъ Заволжскихъ и Нагайскихъ Ордъ. Безъ особаго чувства благоговѣнія нельзя было смотрѣть на сіе важное соборище: казалось, что сюда стеклись всѣ Цари земли бесѣдовать о благосостояніи рода человѣческаго. Дивной художникъ далъ каждому лицу и жизнь и душу. Смиреномудріе и всѣ высокія

добродѣтели сіяли въ чертахъ соприсутствующихъ
 тушъ Іерарховъ. Строгая истинна, ревнованіе къ обще-
 му благу, неоснодумная опытность, заступница рода
 человѣческаго свяшая вѣра, хранительница Царствъ
 осторожность, благошворительница странъ мудрость,
 непоколебимое мужество, рьяная, но разсудительная
 храбрость, предпріимчивое усердіе, отважная рѣши-
 мость, скромное многовѣдѣніе, словомъ, всѣ добродѣ-
 тели собрались на совѣтъ къ Іоанну, и во образѣ
 Князей, Бояръ и Воеводъ его, въ одеждахъ cadaго сану
 и подвигу приличныхъ, составили они избранную думу.
 Посреди ихъ на пребогатомъ тронѣ возвышался Монархъ,
 величественъ, благолѣпенъ, дивенъ, богоподобенъ; еди-
 ною рукою опираясь на скиптръ, другую имѣя про-
 стершую къ многочисленному сонму какъ рѣка изливался
 онъ въ приснопамятныхъ глаголахъ своихъ. Весь огонь
 пламенной души его, сердоболѣемъ къ отечеству раз-
 женной, пылалъ въ быстрыхъ зѣницахъ его. Тушъ
 изочтены были всѣ злодѣйства Ордынскія, отъ сама-
 го народогубителя Батыеа, до лукавствія хитрой Сумбе-
 ки; тушъ воспоминауы были всѣ бѣдствія Россіи и
 мученическія страданія Владыкъ и сыновъ ея; тушъ
 придумано было всякое средство къ окончательному
 уничтоженію Болгарской силы, къ сокрушенію Капчаш-
 ской власти. Искусство столь было чудесно въ своемъ
 произведеніи, что мнѣ мнилось слышать разительный

Иоанновъ гласъ, восклицанія его горести и негодованія, и сладость его убѣдительныхъ словесъ. Въ доказательство тому, какимъ свѣтомъ разума исполнена была рѣчь Владыки, Иоаннъ представленъ былъ издающъ отъ себя сіяніе, подобно солнцу; равно и тѣ изъ великихъ мужей сословія сего, кои отличались паче прочихъ мудростію и любовію къ опечесшву, изображены были въ лучахъ, какъ благовліяшельныя созвѣздія. Духъ общаго блага въ лицѣ прелестнаго Генія съ лаврами и пальмами въ рукахъ, носился надъ главами шуть присуществующихъ. Дерзновенное воображеніе, симъ зрѣлищемъ распаленное, мечтаетъ, что таковъ былъ онъ спрашнй всему міру часъ, когда Богъ боговъ и Царь царей, объяшй неприсступнымъ свѣтомъ, сѣдай во глубинѣ Своихъ Свяшя Свяшыхъ, посредѣ свѣтозарныхъ Престоловъ, Господствъ и Власшей небесныхъ, судиль духовъ ошнадшихъ и изрекъ имъ безконечное проклятіе, всякой ужасъ превосходящее. Силы горнія содрогнулись отъ гласа грома Его, и пріосѣнясь крылами, пали къ сшопамъ Неизреченнаго; звѣздные круги потряслись, вселенная едва удержалась на своемъ средоточіи, небеса разступились, и мяшежные духи, сринутые мышцею Божіей ярости, погрузились на дно адово. Тако, тако и клятвопреступная Казань испила горькую чашу, постигнута бывъ гнѣвомъ Иоанна. — По шомъ являешся очамъ великая картина паденія

Казани. Какое множество различныхъ предметовъ! какая смѣлая и неподражаемая рука изобразила здѣсь толико лицъ дѣйствующихъ и говорящихъ въ камнѣ! Я созерцаю здѣсь всѣ чудеса и знаменія, бывшія предъ разрушеніемъ Казани. Тутъ Ангелъ въ смиренномъ иноческомъ облаченіи ходитъ по чертогамъ умершаго Сафгирея, по стогнамъ и въ храмахъ Ташарскихъ, проповѣдуя слово Божіе и скорое начало Христіанской вѣры. Тамъ ликъ пресвитеровъ съ пѣніемъ и священными обрядами погружаетъ спасительный Крестъ въ Волжскія воды подъ стѣнами Казани. Симъ видѣніемъ изумленные Ордынцы, вообще пускающъ въ нихъ стрѣлы и смертоносный свинецъ; безплотные духи невредимы; но чалмоносцы опчаянны, смятенны, бѣгутъ во ужасѣ сокрыться въ недрахъ града. Здѣсь изученная волхвованію Сарацинская Кассандра, Царевна *Ковгоршада*, сестра Царя Махметъ Аминя, подобно древней Пифіи, одержимая пророческимъ изступленіемъ, провѣщаетъ пришествіе Іоанново и вѣчное покореніе подъ власть его Ташарскихъ племенъ. Далѣе чудеса паче всѣхъ чудесъ дивныя: предъ очами всего народа безсловесное животное раждаетъ человекообразнаго младенца, который, внезапно премѣняясь въ мужа совершеннолѣшняго, ополченнаго ратнымъ всеоружіемъ, глаголетъ: да покоряшся Ордынцы съ сердцемъ чистымъ Московскому Самодержцу! Здѣсь же извлекающся мрежи изъ пучинъ

Волжскихъ; вмѣсто рыбъ предстаетъ взору изумленнаго многолюдства маслишой старецъ; висящая косями зеленая шина и кобыями низпадающей вязкой или составляющей его одежду. Онъ провѣщаетъ имъ неминуемое событіе: разрушеніе Казани; да припадуть къ стопамъ Московскаго Царя, да умоляютъ его о преступленіяхъ своихъ. Закоснѣвшіе во злѣ Казанцы стремятся яти видѣніе, полагая въ немъ обрѣсти подученнаго Росса; но старецъ подобно чудному сыну Вымысла и Басни, подобно древнему Протею, вытекаетъ какъ вода изъ рукъ ихъ, и паки пріавъ шопъ же видъ, вержется въ свое влажное обиталище. Послѣ сихъ чудесъ изображено шествіе Царя силъ на сопровивныхъ его. По обширнымъ *островскимъ* полямъ разположены въ стройномъ чинѣ конные и пѣшіе его леіоны, цвѣтъ и плодъ Россіи: шутъ самъ вѣнценосный Ирой въ сонмѣ своихъ избранныхъ Воеводъ, какъ огонь небесный блискаетъ среди грозныхъ тучъ. Его предусмотрительный, воительскій духъ распредѣляетъ все воинство на части. Слава повѣдала мнѣ имена храбрыхъ Вожей: то были отпращи старинныхъ Славенорскихъ колѣнъ. Въ большомъ полчищѣ Начальники лелеоновъ суть, Князи: Мстиславской, Микулинской и Оболенской; правой руки Сановники, Князи: Щеняшевъ, Адашевъ и Курбской; въ передовомъ полку Князи: Пронской и Хилковъ; на

лѣвой рукѣ Князи: Шуйской, Бѣльской и Боляринъ Плещеевъ; въ Спорожевомъ полку Князи: Серебряной, Палецкой и Боляринъ Шереметевъ; въ Эршоулѣ Князи: Воробынской, Шемякинъ — Пронской, мудрый и храбрый богатырь Романовъ и Троекуровъ. Сии яркія свѣтила Московской славы, красующіяся своимъ дородствомъ, коего величавость сугубила грозная броня и богатырскіе доспѣхи, являлися подобно неприступнымъ городамъ, подобно скаламъ несокрушимымъ. Дальновидность представляетъ твердыни Коломенскія и вѣющіяся рѣки, по волнамъ коихъ стремятся на всѣхъ вѣтрилахъ суда, гдѣ спяшъ огнедышущіе драконы, и гдѣ молчашъ лютыя напасти, воздремавъ на стѣнобитныхъ и на прочихъ страшныхъ орудіяхъ брани: онѣ токмо дошолѣ зашишли, пока не узрѣли еще гнѣзда Ордынскаго крылатого змѣя, онаго плодовитаго пагубами гнѣзда, въ кошоромъ злая змѣиная исчадія, всегда жаждущія свѣжей человѣческой крови, кишашъ, какъ влага въ сосудѣ раскаленномъ вращашся, кипишъ, клубомъ бьешъ, клокочешъ, не сшерпя жара вержешся вонъ и причиняешъ мучительную язву всякому чувствомъ одаренному тѣлу.

Сіе зрѣлище похода Іоаннова пресѣкалося скорыми побѣдами Воеводъ его надъ Крымскимъ Ханомъ Девлетъ Гиреемъ, который, вспомошествоемъ бывъ Ошманскимъ Деспотомъ, внезапно вшоргнулся въ предѣлы

Россіи, облегоуть вокругъ Тулы, и шѣмъ чаялъ отвлечь Московское ополченіе отъ усстремленія на единоплеменницу его Казань; но благоустроительный Монархъ, коего недремлющая мудрость всегда была на стражѣ опечеснѣва, изрекъ: да сокрушится сопрошивная сила! мгновенно быстрые вихри гнѣва его, его грозные Воеводы помчались на берега Оки, свѣяли, какъ прахъ, полки вражіи, и полная радости Ока съ плескомъ побѣжала возвѣстить о семъ Волгѣ, которая ревомъ спесивыхъ волнъ своихъ тоже повпорила и всей странѣ Болгарской. Предвѣстница новыхъ торжествъ, побѣда сія, увеселила духъ Царевъ и умножила ретивость въ сердцахъ всѣхъ браноносцевъ его. Но вопъ и вождѣленная картина Росской славы, вопъ знаменистое *Арское* поприще, достопамятное Россіанъ поприще, гдѣ ликовалъ Іоаннъ торжество побѣдъ своихъ, гдѣ, подъ сѣнію насажденных имъ неплѣнныхъ лавровъ, воздвигъ онъ себѣ и всей Московской державѣ храмъ безсмертія. Крѣпкій градъ, Батыемъ на пагубу полочныхъ странъ сооруженный, носящій имя *Златаго котла*, подъемлетъ гордыя глаза свои надъ волнами двухъ рѣкъ; основаніемъ ему служитъ гора, коея твердое чело, увѣнчано мечетями и башнями Царскихъ палатъ. Темныя лѣса, обширныя озера: *Кабанъ*, *Паганово*; тишистая *Буланъ* и глубокіе рвы претягъ доступъ ко граду. Но какія преграды удобны воспяшишь мужеству

неутомимыхъ Россiянъ? Подобно облакамъ изъ за горъ, изъ за лѣсовъ въ шучу скопляющимся, полки Іоанновы грядуть вездѣ, устроая себѣ переправы: одни по крутизнамъ горной возходящъ на Арское поле; другіе Царь Шихъ Алей ведетъ на Нагайскія равнины; сила пѣшихъ стрѣльцовъ и конная рать бодрствуетъ по берегамъ рѣки Казани, простираяся отъ высотъ и до подошвы града; Дворянъ Муромскимъ воинство, расположась по лугамъ Черемискимъ, пресѣкло всѣ пути, ведущіе къ Казани; прочая ратная Московская сила разлеглась объ всю страну Волги; самъ же вѣнценосный Вождь съ своею избранною рындою и опричниками спалъ на мѣстѣ погористомъ: вошь и величественное знамя его, освѣщенное нерукотворнымъ обликомъ Спасителя человѣковъ; оно развѣвается надъ его лѣповиднымъ шашромъ. Преизящное искусство, живошворя каждой шутъ предметъ, ясно изобразило весь чинъ, какъ обложено было Христiанскимъ оружіемъ Ордынское гнѣздо. Тутъ же представлено и сооруженіе бѣдоноснаго для Казани раскаша, съ высотъ коего пробудившіеся драконы изрыгали изъ мѣдяныхъ челюстей своихъ огонь и смерть во градъ; а шутъ хитрой *Размыслъ*, углубясь въ утробу земли, сокрывшись не токмо отъ бранныхъ человѣческихъ очей, но отъ пресвѣтлаго взора самихъ небесъ, созидаетъ онъ Казани адъ, полъ ея оградами. Высокомѣрная Болгарка, твердо уповающая на укрѣпленія свои,

не мнишь ни мало, что они обращаются на пагубу ей, и что спесивыя сѣны ея содѣлаются ея собственною гробницею. Всевышній, нечестіями ея раздраженный, изрекъ ея паденіе; а что Онъ изречетъ, то вихри не разнесутъ: словамъ устъ Его громы уступаютъ и внемлютъ бури; время прейдетъ, но они не прейдутъ; не прейдутъ и совершатся въ поученіе людямъ: ужасное позорище сіе свидѣтельствуемъ непреложное опредѣленіе судебъ Вышняго. Здѣсь страшное побоище, нещадная мечами сѣча; какая безчисленность жертвъ! Росскіе Алкиды разятъ непокорныхъ Ордынцовъ, опрыгнувшихъ увѣщаніе и обѣты милосердія Іоаннова. Человѣколюбивый Владыка премѣнился въ грознаго Судію; загремѣлъ громомъ своея ярости, и пламенные вихри объяли Башыевъ градъ. Взорваннымъ подкопомъ растерзанная на части Казань взвилась подъ облака. Въ густомъ, жупельномъ дыму вращаются зубчатые кровы башенъ ея, глыбы ея основанія, цѣлыя зданія, сады, деревья полныя, и сонмы ея сыновъ; развалинами града остановленная Волга обратилась вспяшь. Палаты Царей Болгарскихъ, откуда доселѣ исходили позорныя вѣлнія Ташарскихъ Тирановъ къ Князямъ Московскимъ, уже исполнены Россійскими Ироями. Тамъ, шамъ и самъ Іоаннъ съ наперсникомъ и сподвижникомъ своимъ Аліемъ, свѣшолѣпень какъ полуденное солнце, шамъ являетъ онъ свою щедроту и благость къ побѣжден-

нымъ. Между тѣмъ какъ храбрые его воины соору-
 жаютъ трофеи по Арскому полю, его доблественные
 Полководцы стекаются къ нему и сносятъ добычи
 побѣдъ: *Князь Курбскій* полагаетъ къ стопамъ его дер-
 жавный шаръ и скипетръ Болгарской власти; *Мсти-*
славской приводитъ полкъ сановныхъ плѣнниковъ; *Ро-*
мановъ приноситъ ему Повелишелей Ордынскихъ знамя;
Пронской, сокровищъ горы предъ нимъ насыпаетъ;
Микулинской костры, или паче горы вознестаетъ бран-
 наго Ташарскаго оружія; *Адашевъ* лавровую съ вѣнцемъ
 вѣшавъ ему просшираетъ; *Плещевъ* ему представляетъ
 Россіянъ изъ давняго заточенія освобожденныхъ. До
 глубины сердца проникнувший Монархъ и благодареніемъ
 къ Подателю всѣхъ благъ, и болѣзнованіемъ о постра-
 давшихъ жертвахъ брани, и радостію о побѣдѣ, не
 могъ удержаться отъ слезъ: онѣ видны на ланищахъ
 его. Но кто сей опчаянный несчастливецъ, въ раз-
 дранномъ рубищѣ, имѣя пепломъ посыпанную главу,
 припадъ къ стопамъ Царевымъ, объемлетъ его колѣна?
 кого Побѣдитель съ умиленіемъ и нѣжностію подь-
 метъ отъ праха и прижимаетъ къ персямъ? Уже ли
 во образѣ сего робкаго раба я зрю гордаго Царя Бол-
 гарскаго, высокомернаго Эдигера? Въ лицѣ его является
 и вся съ нимъ купно падшая, до конца попранная,
 низложенная Злая Заволжская Орда; она страшная
 вселенной Болгарская сила, которая мечемъ Башыевымъ,

копѣемъ Мамая, сѣкирою Такшамыша, чаяла покорить себѣ весь свѣтъ. Но днесь, днесь, О! премѣнная судьба! сама она возложила на себя тѣ цѣпи, коими ошягчала другіе народы. Тако сокрушена была сполица Капчатскаго владычества, около прехъ вѣковъ неколебимо стоявшая на змѣглавомъ своемъ основаніи, презорствуя прочими Царствами и попирая сильною пятою своею многія страны. Тако Іоаннъ паки присоединилъ къ Россіи отшоргнутое отъ нея сиропшивыми Болгарами Славянское достояніе, и оный бѣдствовавшій нѣсколько сошъ лѣтъ край, во шмѣ Магомешансшва закоснѣлый, озарилъ утѣшительнымъ свѣтомъ Христіанской вѣры. За симъ преславнымъ Казанцовъ покореніемъ слѣдуетъ покореніе и Царства Асшраханскаго. Всегда бодрствующая премудрость Росскаго Самодержца извѣсила случаи времени будущихъ разсудка на вѣсахъ, и провидѣла ясно, что отшрасшетъ ехиднино жало, естли не будутъ исторгнутъ весь онаго корень: по дабы вовсе не существовало въ лѣтописяхъ вѣковъ грядущихъ Болгарское по Волгѣ имя, Іоаннъ положилъ, не отплатя ни мало, дополнишь мѣру побѣдъ своихъ, довершитъ славу Россіи, возвращеніемъ Тмушараканскаго Княжества, кошорымъ древле благословилъ великій Владиміръ сына своего Мстислава; гдѣ болѣе двухъ сошъ лѣтъ владычествовало Князей Московскихъ племѣ, до Всеволода Долгорукаго, до злосчастныхъ дней

Батыева нашествія. По немъ единоправные потомки,
 въ губительствѣ ему ревнующіе, основали въ семъ
 Княжествѣ особое Ордынское Царство, и сіе мечемъ
 опрѣшенное отъ Россіи чадо вооружали на мшерь его.
 Здѣсь я созерцаю тебя какъ въявь, богатая плодами
 Астрахань; протягаясь по берегу широкой Волги, ты
 роскошествуешь въ сѣни виноградныхъ твоихъ верпо-
 градовъ; кудрявыя древа вѣнчаютъ твои зданія; серди-
 тый Каспій несетъ тебѣ въ даръ драгоценныя избытки
 Персіи и Индостана; но Волга, Волга несетъ къ тебѣ
 законъ и власть Московскаго Монарха, которому Царе-
 вичи твои служишь честию вмѣняли, но коего прогнѣ-
 валъ, раздражилъ вѣроломной властитель твой Эмургей.
 Здѣсь зримо прибытіе Царя Дербыша, съ перуномъ отъ
 Іоанна посланнаго на Астрахань; съ нимъ купно непобѣ-
 димый Вождь полковъ Русскихъ Князь Пронской, а
 за нимъ и тысячи его храбрыхъ; здѣсь изображено и
 бѣгство робкаго Эмургея, и плѣненіе женъ его съ его
 чадами и домочадцами, коихъ ожидала щасливая
 участь въ стѣнахъ Кремлевскихъ. Россійскіе Ирои лику-
 ютъ, зане вся Астраханская страна съ покорностію
 преклоняетъ чело свое подъ Державу Владыки ихъ,
 съ нею же купно и большая часть обитателей Кав-
 каза: Нагайскіе Мурзы, Уланы и всѣ Улусы узкоглазыхъ
 Гунновъ, скошоводствомъ избыточествующихъ. Воище
 напыщенный самонадежностію Оттоманской Деспотъ,

соединя ополченіе свое съ Крымскими и Нагѣйскими Ордами, вошше усиливается онъ преплыть моря и прейти горы, чѣмъ достигнуть до побѣжденной уже Аспрахани и чѣмъ накі оплучить ее отъ Россіи. Тщешны его многокрашныя покушенія. Росскій Князь *Серебряный*, богатырствуя подъ сѣнами новопобѣжденнаго града, разишъ, женешъ и какъ прѣхъ разсѣваетъ шолпы сопоспашовъ; а тамъ остатокъ ихъ гибнешъ по степямъ Кавказскимъ, и дикія Маджарскія пустыни содѣлываются гробомъ ихъ.

Восплещи, Россія! и неумолкными устами прославляй въ роды родовъ твоего Избавителя. Іоаннъ подъялъ тебя изъ бездны золь, возобновилъ, возвеличилъ и на вѣки съялъ съ тебя тяжкія Ордынскія узы: и шако на вѣки исчезло Капчапское царство; изсякъ до послѣдней уже капли оный золошой кошель, губительствами доселѣ полный, откуда то позоръ, то смерть непрестанно вышекали на Сѣверъ. Всѣ оныя, восхищающія духъ сына Россіи, изваянія заключалися изображеніемъ свыше вдохновеннаго Мужа, бряцающаго на лирѣ: неувядаемые лавры осѣняютъ чело его; пренаполненный свѣшодатнымъ Богомъ Пинда, онъ горитъ восторгомъ пѣснопѣнія, и имѣя очи устремленныя горѣ, кажется, почерпаетъ въ небесахъ свои торжественныя пѣсни. Кто, кто въ немъ не познаешъ Тебя, доспохвальный шворецъ Россіяды? *Херасковъ!*

звуки Твоей доброголасной лиры раздадутся въ вѣкахъ позднѣйшаго потомства. Ты воспѣлъ Іоанна, воспѣлъ торжество Ошечества твоего; Ты воспѣлъ съ ними — и твое безсмертіе. — Прими мое почтеніе Виргилій дней нашихъ! — Изображеніемъ Поэма окончалась сія страна сполпа.

По другую страну онаго утѣшало взоръ обрѣтеніе Сибири. Сія пространная земля, родишельница и питательница многихъ народовъ, различныхъ вѣрою, обычаями и языкомъ, изображена была во образѣ величественной Царицы, облеченной въ великолѣпную порфиру, среброосистыми бобрами опушенную. Богатырь Ермакъ, сіяющій иройскимъ своимъ изрядствомъ, представляешь ее Іоанну. Преклонивъ колѣно Сибирь, съемлетъ съ прекрасной главы своей пребогатой *Кутумб-Хановъ* вѣнецъ, и подаетъ оный Московскому Скриптеродержцу. Смиреніе, покорность, упованіе, видны въ благородномъ ея взглядѣ. За нею знаменишыя ея чада: боги и богини шумноводныхъ ея рѣкъ: чешыре услужливые сына ея, осокою увѣнчанные, мужественные старцы: *Амуръ*, *Тоболъ*, *Иртышъ* и *Енисей*; съ ними кунно и двѣ ея пригожія дщери: *Объ* и *Лена*; онѣ представлены въ видѣ сановитыхъ женъ, въ полной красѣ лѣтъ сущихъ, коихъ зрѣлыя прелести обильны здравіемъ; онѣ подобны шѣмъ лѣповзорымъ матерямъ, кошорыя хоша и обогатили дома свои благодатными

залогами супружества, хотя уже и въ плодovitой осе-
ни лѣшъ своихъ, но все еще прекрасны, привлекательны,
и даже пріятно видѣть ихъ носящими бремя любви
подъ сердцемъ; ибо родятъ онѣ сыновъ добросиль-
ныхъ, цвѣшъ и красу рода человѣческаго. Сѣи дород-
ствомъ красивыя чада и дворислужители преизобиль-
ной Сибири, несли за нею Великому Царю въ даръ
на большихъ блюдахъ, и въ кошницахъ злато, серебро,
многоцѣнные камни, дорогіе мѣха дивныхъ звѣрей, и
кости рѣдкихъ рыбъ. Шаманы и Шаманки, въ чудо-
образномъ одѣянїи своемъ, съ бубнами и прочими уш-
варьми ихъ, также Владѣльцы и Спарѣйшины разныхъ
Областей въ одеждахъ обычая своего, послѣдовали
за нею. Огромнымъ шрофеемъ, изъ брони Владыкъ Си-
бирскихъ составленнымъ, при водахъ Обишнаго Байкала
возвышающимся, оканчивалось сѣе неподражаемое изва-
яніе; цѣпь Риеейскихъ горъ, превыше облакъ подь-
емлющихъ льдистые верьхи свои, ограждаетъ горизонтъ.
За симъ слѣдуетъ пораженіе Крымскихъ Татаръ и
всего шьмочисленнаго, вспомогавшаго имъ Селимова
воинства. Тутъ на плодоносныхъ Крымскихъ поляхъ
Вишязи Іоанновы: Шереметевъ, Салтыковъ и Басмановъ,
ликовствують завоеваніе почти всего Крыма; несмѣтны
сшажанныя ими добычи; цѣлыя табуны верблюдовъ и
коней навьючены оными, и Отечество съ изумленіемъ
пріемлетъ ошъ нихъ дары сѣи. А шь, отважный Ви-

шневицкій, ты спавишь трофеи твои подъ самыми Очаковскими башнями и гордой Султанъ препещетъ въ Стамбулъ; страшась твоея мышцы, усталости невѣдущей; онъ не надѣется ни на крѣпость столицы своея, ни на силу своихъ Агарянъ.

Послѣ сихъ знаменитыхъ побѣдъ на востокъ бывшихъ, пренесено торжество Россійскаго оружія въ полночный край. Ужасный мечъ Іоанновъ блещетъ тамъ какъ яркая зарница; клятвенарушители Готы препещутъ онаго, какъ роковой косы, неизбежнаго, всепоражающаго времени.

Здѣсь Московской Громовержецъ сокрушаетъ Скандинавскую рать, подобно пламени, мгновенно погребляющему сухое быліе; бѣдная опчизна Финновъ содѣлывается рабынею Россіи; юноши и дѣвы Финскаго племени за нѣсколько лептъ продаются на сходбищахъ народныхъ. И се надменный Густавъ Ваза, се превознесенный славою Владыка кичливыхъ Свѣвъ, смиренъ будучи перунами Іоанна до уничиженія, съ покорностию проситъ о мирѣ, и едва, едва изкупаетъ его за драгоценные дары на чотыредесять лѣтъ.

Тутъ зримо вступленіе Іоанново въ Лифляндію, гдѣ поплѣнилъ онъ всѣ города и замки, какъ праву въ полѣ скосилъ, и далъ ихъ во владѣніе служивцу своему, Князю Голстиніи. А шамъ, а шамъ Ливонскіе рыцезоважные прісмлютъ достойную кару за лукавство,

непокорность и набѣги свои на Россію. Подвласный грозному Царю Іоанну Касимовской Царь Алей шворитъ волю Повелителя своего, предводителствуя новымъ воинствомъ, изъ Черкесъ и Ордынцовъ составленнымъ, вступаетъ въ предѣлы Ливоніи и Эстоніи; по пространству ихъ собираетъ грады, какъ цвѣты въ долины. Дерптъ, Нарва, Сыренецъ и еще болѣе двадцати другихъ градовъ присоединяетъ мечемъ своимъ къ Іоаннову владѣтельству. Уже повелительница Царствъ Москва веселился, взирая на славнопобѣдное Аліево торжество; ей утѣшно видѣть шествіе отличныхъ плѣнниковъ: Полководецъ Фирштембергъ съ дружиною избранныхъ Рыцарей своихъ идетъ въ уныніи за колесницею побѣдителя; они всѣ обезоружены; имѣя гордое чело долу склоненное, лишь множатъ они велелѣпіе празднества Аліева; Алія! вѣрнаго слуги Іоанна.

По томъ является картина просвѣщенія Россіи и торговли ея. Ко Іоанну, предстоящему подъ сѣнію двухъ древъ, лавроваго и пальмоваго, коихъ соединяющіяся вершины преплетаются вѣтвями, грядутъ держась за руки Науки и Художества, отъ Карла V, по его желанію, къ нему присланныя; шутъ же съ ними приходитъ въ Россію весьма полезное и просвѣщенію людей споспѣшествующее искусство писанія книгъ; оно хранитъ подъ мышцею первую опечатанную въ Москвѣ книгу. Въ противулежащей странѣ видно вол-

нистое лоно Бѣлаго моря и Холмогорской брегъ съ новоустроенною Архангельскою гаванью. Въ сіе щастливое пристанище притекли первые отъ вѣка Британскіе корабли; съ нихъ сшедшіе Эдуардовы Послы несутъ къ Іоанну въ залогъ взаимнаго блага масличную вѣшвь и жезлъ сына Маіи. Послѣдней Посоль идеть къ нему съ дарами отъ преславной въ бытописяхъ мѣра Елизаветы. Посреди сихъ обоихъ сонмовъ печешь цвѣтами вѣчанная добродѣтель, рѣдкимъ Властителямъ свойственная, имя ея: *терпимость вѣрѣ*; она держитъ развернутый свитокъ, на коемъ начертаны сіи слова: *Сый единѣ, нераздѣлимѣ; Вселенная Его Храмѣ, и всѣ языцы, гада Его*. Изобиліе во образѣ полноцѣлой красоты съ Амальеинымъ рогомъ, плодами нагнѣщеннымъ, срѣщаетъ началоположниковъ торговли, а награда въ лицѣ юной дѣвы въ амараншовомъ вѣнцѣ, жумчугами превишымъ, приглашаетъ Науки и Художества приблизиться къ Царю.

За шѣмъ слѣдовало зрѣлище Кремлевской площади и красное крыльцо съ его золошыми перилами. Отсюда грозный Монархъ низводилъ изслѣдовательное око свое на обучающіяся, новосозидаемыя имъ, стройныя войска. Его смѣшливые Воеводы шутъ учреждали полки, вливали въ нихъ знаніе военнопѣйствія. Тутъ подвизались легіоны *олритниковѣ, стрѣльцовѣ и жильцовѣ*. Ихъ броня, ихъ движеніе, ихъ извороты, все доказывало

замысловатый духъ Іоанна и его творческую запыленность; все свидѣтельствовало преобразование Россіи, которую едва вовсе не обезславили грубые Татарскіе нравы, купно съ плѣномъ ея выѣдряшся въ ней наченшіе.

Но я не могъ взиращъ на послѣднее извѣстіе. Въ доказательство тому, что необузданность страстей запмѣваетъ безсмертныя дѣла великихъ мужей, Слава повелѣла изобразить злощастіе Новаграда. Тамъ казни преумножаются казнями; тамъ кровь течетъ на кровь. Неутолимая Іоаннова ярость тамъ истощаетъ муки, нещады ни сана, ни рода. Она превосходитъ вины несчастныхъ преступниковъ, и, если на западѣ была Варфоломѣева ночь, то можно сказать что и на сѣверѣ былъ Іоанновъ день. Но Слава не дозволила мнѣ долго разсматривать сего, закрывъ все это кровопролитіе мантіею своею. Потомство, прости такое преступленіе необыкновенному Монарху, прости сіе благошворителю отечества, неусыпному попечителю общаго и ради тебя угощаемого блага; представъ себѣ случаи тѣхъ временъ, измѣну подданныхъ, и оправдай Іоанна. Вижь слова сіи на челѣ подножія его самою же Славою начертанныя златымъ ея перомъ: *Се Царь, Ирой, славитель отъ бѣдъ и строгой отецъ Россіи! — Потомство! гни его, славословъ и благоговѣй предъ нимъ.*

Подлѣ Іоанна являлась въ скромномъ величьи супру-

та его прекрасная Анастасія, добродѣтельная прабабка Великаго ПЕТРА. Узорчатою сканью украшено было ея подножіе, на коемъ во златѣ горѣли сіи слова: *не скорби Россія! Ею паки прозябнетъ пророческое древо Умилы.*

„Увы! коль болезненно сердцу моему, возкликнула здѣсь со вздохомъ Богиня, — увы! коль тяжко мнѣ „преходишь отъ пюржества Россіи, къ лѣшамъ ея бѣд- „ствія, къ случаямъ ея позора, ко онымъ туманнымъ „ея днямъ, когда покрыва она была черною мглою „общія скорби; когда по ея богатымъ обиталищамъ „вмѣсто сноловъ слали головы, молотили цѣлами „булатными, на токѣ жизнь клали и сѣяли души „изъ тѣлѣ. Тогда цѣлая дружины сыновъ ея приодѣ- „ты были крылами птицъ и звѣри дубравные поли- „зали кровь ихъ. Худо быть тѣлу безъ главы; пагубно „быть народу безъ мудраго Царя (*). Достохвальный „Іоаннъ вознесъ страну свою, сію Царицу Царствъ, „на высоту славы и величія; а нищій духомъ сынъ „его, слабый вѣнцепріемникъ великаго родителя, уро- „нилъ ее въ кровавую бездну кромоль и униженія. „Мягкосердый Θεодоръ, слѣпошествоующій рабъ и род- „ственникъ вельможи своего Годунова, былъ виною всѣхъ

(*) Сіе почерпнуто изъ ироической пѣсни въ древніе времена сложен- ной, на походъ Игоря Святославича, удѣльнаго Князя Новгорода- Сѣверскаго, противъ Половцовъ.

„золъ, какія претерпѣла земля Русская. Ввѣривъ броз-
„ды правленія властолюбивому шурина, онъ попустилъ
„возрасти всѣмъ предстоящимъ напастямъ: спраданію
„вѣрныхъ сыновъ опечеснѣва и удаленію въ Угличъ бра-
„та своего Царевича Димитрія, котораго смерть роди-
„ла самозванцовъ и междуусобіе. Въ бездѣшномъ Θεодо-
„рѣ и кончиною Димитрія пресѣклося боговѣнчанное
„сѣмя Рурика, процвѣтавшее въ непрерывномъ порядкѣ,
„на Славяноросскомъ престолѣ, семь сотъ тридцать
„шесть лѣтъ Но Θεодоръ ни о чемъ нера-
„чилъ. Предавшись праздности, онъ владычествовалъ
„надъ обширнымъ достояніемъ своимъ съ безпечнымъ
„удовольствіемъ; онъ взиралъ на все очами вельможъ
„своихъ и слышалъ все ихъ ухомъ; не радѣлъ о народѣ,
„легковѣрностію своею опьялъ силу у закона и спонъ
„успешаемыхъ сильными не достигалъ до него, или
„заглушаемъ былъ сладкоречіемъ царедворцевъ, которые
„занимали его по соколиною охотою, по набожностію.
„Тягло свое обратилъ онъ себѣ въ укоризну, вѣнецъ
„въ общее бремя. Скиптръ и держава въ рукахъ безза-
„бошнаго и дремлющаго въ малодушіи своемъ Владыки по
„же самое что богатое вѣно, доспавшееся развратной
„женѣ, которая имѣя всѣ способы къ удовольствованію
„прихожей ея, не уважаетъ первенствомъ мужа, не пе-
„чется ни о дѣтяхъ, ни о благоустройствѣ дома, и ча-
„да ея, чада грѣха, спудъ отца, сомнѣніемъ ошъ нихъ

„отжениаемаго ; поступки же ея, — посмѣянїе общее.
 „Тако былъ сирый Θεодоръ на престолѣ. Слабый ду-
 „хомъ и шѣломъ Государь никогда о томъ не мы-
 „слилъ, что ежели Богъ, раздраженный неправдою снѣ-
 „дешъ въ сердца людей и громомъ гласа народнаго
 „вступится за прегорченное челоуѣчество, за погран-
 „ную истинну: тогда вельможи какъ неизцѣлимые чле-
 „ны, отрѣшавшя отъ цѣлаго состава и всю болѣзнь
 „спраждающаго шѣла ощутивъ единая лишь глава, что
 „и свершилось со злороковымъ Царемъ Шуйскимъ. Дока-
 „зательствомъ же безпечности Θεодоровой, служишь
 „его собственное изреченїе, при послѣднемъ дыханїи
 „имъ произнесенное, когда предстояще у одра Сано-
 „вники спросили его: кому оставяешь онъ Царство
 „свое? *что Богъ воленъ въ его Царствѣ.* Но провиде-
 „нїе пощадило сего безомыслнаго виновника грядущихъ
 „на Россїю бѣдъ, а устремило всѣ удары гнѣва своего,
 „на честлюбиваго преемника его, коего былъ онъ ток-
 „мо орудїемъ. И се кумиръ онаго хитро-умнаго Году-
 „нова, кошорый соединялъ въ себѣ немалыя беззаконїя,
 „съ вѣщшими добродѣтелями; кошорый явилъ въ себѣ
 „и нечестиваго злодѣя и великаго мужа; кошорый досто-
 „инъ былъ и наказанїя небесъ и вѣдцовъ безсмертїя.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

Сперва незнамый изъ дворянъ Рында, попомъ зящъ военачальника опричныхъ, любимаго Іоанномъ вельможи, *Малюты Скуратова*, съ симъ купно бояринъ, вскорѣ за тѣмъ шуринъ Царя Θεодора и наконецъ самъ Царь, избранный общимъ гласомъ народа. Озаренный вѣнцемъ Мономаха, съ священными бармами на плечахъ, имѣя искромешный скиптръ въ дѣсницѣ и державу въ лѣвой длани, въ блистательномъ *становомъ кафтанѣ* (*) возсѣдалъ онъ на зашпокованныхъ креслахъ, драгоценнѣйшими, крупными каменьями, какъ цвѣтами усыпанныхъ, которые знаменитый побѣдитель востока, Шахъ Аббасъ, мудрый Повелитель Персіи, прислалъ ему въ даръ. Мужественною лѣпою украшенное лице его было зеркаломъ великаго его духа, широкой прозорливости, глубокомыслія, честолюбія и нѣкоей угрюмой подозрительности, кошорая разливала какую то пасмурность на всѣ его черты и представляла его нѣсколько ужаснымъ; но при всемъ томъ, необыкновенное простолюдину величіе торжествовало во всей его осанкѣ. Нѣчто предвѣряло о немъ, что

(*) Такъ называлось старинное Царское платье, въ которомъ Цари короновались, и кошорое понынѣ находится въ оруженной палатѣ.

онъ Царь, и будто призванъ въ мѣръ сей бытъ имъ. На подножіи кумира его изображена была внутренность Кремля, по среди коей воздымался до небесъ огромный колось, *Иванъ Великій*, во славу Годунову сооруженный. На адамантовомъ челѣ подножія сего высечена таковая надпись: *меня гтилъ Михаилъ и внукъ его, несравненный ПЕТРЪ, ревнуя мнѣ дигился.*

Зря въ Храмъ Славы памятникъ коварнаго Бориса, искусно похитившаго престолъ Монарховъ Русскихъ, я недоумѣвалъ. Мнѣ пришли на память его пронырство, гоненіе рода Романовыхъ, того рода которой самъ Богъ хранилъ въ залогъ щастія Россіи; погубленіе Князей Шуйскихъ, Князей Нагихъ и убійство невиннаго Димитрія. Вообразивъ всѣ его злодѣяніи я зашрепешалъ и готовъ былъ вознегодовать на Славу, какъ Богиня предварила меня своимъ гордымъ, много выразительнымъ взоромъ и съ улыбкою упрека помававъ главою вѣщала мнѣ: „Оставимъ Судьѣ Вышнему, судишь его злодѣяніи; на нихъ лежишь печать тайны; но возхвалимъ въ немъ Царя и многія благи отечесшвуимъ дарованныя.“

„Конечно, конечно его домогательство Царскаго достоинства, его разумъ и властолюбіе дають ему имя Кромвеля, но его правосудіе и щедрота къ народу достойны общаго уваженія и привлекають къ нему шло ошца подданныхъ. Онъ поклялся бытъ

„человѣколюбивымъ и шшился исполнить обѣтъ свой;
„онъ облегчилъ бремя податей. Во дни его не проли-
„валась кровь человѣческая на лобныхъ мѣстахъ; не-
„угрожая сѣкирою онъ умѣлъ поддерживать силу зако-
„на; и гражданинъ Россіи не страшась казни, боялся
„шокмо суда правды. Имѣя свойства Великаго Госу-
„даря, онъ старался ввести въ отечество просвѣ-
„щеніе и посылалъ боярскихъ дѣшей учиться въ чу-
„жія земли, откуда призывалъ къ себѣ въ Москву
„мужей многовѣдущихъ. Онъ пекся о разпростране-
„ніи торговли и утвердилъ Россійскую державу въ Си-
„бири. Онъ изпребилъ цѣлое воинство Русскаго *Кати-*
„*лины*, ужаснаго *Хлопка*, злодѣя опчаяннаго, коимъ
„угрожалъ Московской державѣ вѣчною гибелью. Безъ
„слезъ благодарности нельзя вспомнать какъ Царь
„Борисъ питалъ народъ въ продолженіе двухъ лѣтъ
„свирѣпствовавшего глада, како врачевалъ его въ пла-
„чевные дни моровой язвы, опустошавшей всѣ вѣси. Во
„время сего лютаго, народо-испребительнаго злосча-
„стія, кѣмъ Богъ посѣпиль Московское Царство, онъ
„не жалѣлъ своихъ сокровищъ и полною рукою разпо-
„чалъ ихъ для спасенія людей. Годуновъ безъ крово-
„пролитія подъялъ Славяноросскую страну до такого
„степени уваженія у знаменитѣйшихъ державъ свѣта,
„что заключалъ съ ними выгоднѣйшіе союзы и порфиро-
„родный бранъ Короля Датскаго за честь вмѣнялъ

„быть супругомъ благовоспитанной Ксеніи, дщери
 „Годунова, кошорой возрощаль и сына своего и дщерь
 „такъ, чшобы шотъ могъ быти доблестивнымъ Ца-
 „ремъ Царствъ, а сія, примѣромъ добродѣтели въ до-
 „му Владыкъ, Повелителей народовъ. Монархъ Борисъ
 „былъ покровителемъ Королевичей, строилъ грады,
 „и единымъ лишь хитрымъ умомъ своимъ, безъ оружія,
 „уничтожалъ силу опасныхъ враговъ Россіи, Нагайскихъ
 „Ордъ. Послы Польскіе, Датскіе, Шведскіе, послы
 „Елизаветы Королевы Англинской, славныхъ городовъ
 „Ганзейскихъ, гордаго Папы, Имперскіе и Абасса, Ша-
 „ха Персидскаго, благоговели предъ трономъ дѣятель-
 „наго, прозорливаго Годунова. Кто бы не возплескалъ
 „шоржесшву его, когда явился онъ въ Серпуховѣ предъ
 „лицемъ двухъ сотъ тысячнаго воинства, усердіемъ
 „дворянъ, любовію всего Государства для него собран-
 „наго въ нѣсколько недѣль, и представленнаго ему во
 „всемъ поразительномъ блескѣ тогдашней, пышной
 „воинской роскоши; и когда, посреди сего необъятнаго
 „очами сшана шрепѣшали предъ нимъ Кази-Тиреевы
 „Мурзы, пришехшіе просить ошъ него мира? Годуновъ,
 „доказалъ что можетъ чудесная сила природныхъ даро-
 „ваній; изъ незнашнаго оруженосца открылъ въ себѣ
 „шечесшву мудраго, а всему свѣшу страшнаго Царя.
 „На послѣдокъ сей Великій Годуновъ, сръшивъ ушро
 „владычествованія своего шоль свѣшозарнымъ, кончилъ

„вечеръ онаго во мракѣ лютейшихъ золь и горшей
 „печали. Изъ сего кто не уразумѣешь, что естъ на
 „небесахъ Судія ведущей преступниковъ къ достой-
 „ной имъ казни, пущами, самимъ себѣ угошованными.
 „Онъ возкресилъ имя убійеннаго для пораженія убійцы (*)
 „Самозванецъ, Лжедимишрїй, бичъ Россіи, достигнулъ
 „престола и не токмо обагрилъ его кровію семейства
 „Годунова, но даже обругалъ храмы святой вѣры.
 „Но преидемъ, преидемъ оную страшную годину, ког-
 „да веселіе поникло, а тоска обуяла умы; когда сы-
 „рая земля костями была посѣяна и кровію поли-
 „та; когда по всей Руси возрасла бѣда. Въ тѣ
 „времена завяла трава отъ горя, посохли дѣрева отъ
 „легалъ. (**) Не вспомняемъ о тѣхъ ужасахъ, о коихъ и
 „единая мысль возмущаетъ блаженство моего безсмер-
 „тія. Пусть кто хочетъ зрѣть ихъ въ дѣписяхъ;
 „тамъ въ поученіе боярамъ, въ поученіе всему народу
 „означены они кровію и слезами; пусть тамъ всякъ
 „видишь ошъ чего наспаюшъ времена тяжкія. Преи-
 „демъ злощастное Царствованіе Шуйскаго, спраданія

(*) Повѣствуемое здѣсь *Слзвою* о Годуновѣ почерпнуто изъ 5 й части
 вѣспника Европы. Хвала и благодареніе тому, кто далъ вспомошву-
 толь полное и лучшее свѣденіе о Великомъ мужѣ, котораго почти
 всѣ наши историки описывали лютейшимъ злодѣемъ. Льв.

(**) И сіе также взято изъ пѣсни князю Игорю.

„Филаретовы, разныя явленіи неизшовыхъ самозван-
 „цовъ, бѣдствіе Новгородское подъ игомъ вѣроломнаго
 „де ла Гардіе, коварно возставшаго на Россію, желая
 „ воспользоуваться ея смутнымъ временемъ. Прейдемъ,
 „ раздирающія сердце, напасти Московскія: звѣрство
 „ Поляковъ, козни Желковскаго, насиліе Сигисмундово и
 „ измѣну собственныхъ сыновъ Россіи, ошъ коихъ разли-
 „ лась скорбь по всей Славянской землѣ и возстенала
 „ Москва. Да будущъ они во вѣки прокляшы и сія
 „ вѣчная клятва да ошягошѣетъ на главѣ всякаго шого
 „ изъ ошпадшихъ чадъ швоихъ, о Россія! кошорой возлю-
 „ бить какую либо страну паче тебя; сему врагу шво-
 „ ему, врагу ревностныхъ сыновъ швоихъ да будешъ
 „ чуждо все шю, чшо ни естъ въ тебѣ изящнаго; да не
 „ приобшится онъ никогда ни славы, ни радости шво-
 „ ея; и оный посшыдный ошечеству сынъ, прошивный
 „ обществу бранъ да погибнетъ, яко древо въ иную
 „ землю пресажденное, лишившееся шѣхъ животворныхъ
 „ соковъ, коими питалось оно на мѣстѣ своего прозябе-
 „ нія Прейдемъ всѣ дни плача и спона Россіи,
 „ а обратимся къ спасишелямъ ошечества.,,

Съ симъ словомъ владычица вѣковъ указала мнѣ
 на два памяшника, находящіеся въ чрезвычайномъ промѣ-
 жушкѣ, кошорой ошдѣлялъ Эпоху царствованія Году-
 нова, ошъ щастливой Эпохи царствованія рода Рома-
 новыхъ. Два кумира сіи, дивной художества красоты,

стояли на равной чредѣ съ Царями, хотя не видно было на нихъ никакого убранства вѣнценосцамъ приличнато. *Слава* приближась къ нимъ и въ знакъ почтенія преклонивъ предъ ними Божественную главу свою рекла: „Симъ безсмертнымъ мужамъ подобаешь бысть куп-
„но съ скиптродержцами, занѣ доблестію и подвига-
„ми своими они доспочестнѣе многихъ изъ нихъ. Имъ
„Россіяне обязаны всею славою бышя своего. Се Ми-
„нинъ и Пожарской. Есѣли бы не было ихъ, то не было
„бы Петра, а можешъ бысть лице земли и совсемъ
„не было бы украшено имянемъ Россіи; но они изкупи-
„ли ее жизнію своею. Се истые Славяне; се сущіе
„Ирои, олшарей досшойные.

М И Н И Н Ъ.

Въ первомъ Кумирѣ зримъ былъ знаменимый Козь-
ма-Мининъ, кошорый, пламенѣя любовію къ отечеству,
чтобъ спасши оное отъ угрожающей гибели, не токмо
отдалъ злато и сребро свое на пошребы народа, но
готовъ былъ отдать и послѣднюю каплю крови своей.
Онъ возвышался въ томъ самомъ видѣ, какъ былъ по-
среди сонмовъ Нижегородскихъ гражданъ, когда предла-
галъ имъ собрать все имущество ихъ, чтобы токмо
скопить казну подъема ради войскъ во спасеніе Русска-
го Царства. Зракъ его одушевленъ былъ тою рьяно-

спію, коею подвизалъ онъ духъ народа, изражая бѣды общія. Десная его лежала на персяхъ у сердца, а шуйца простерта была въ пылу глаголанія; шуча скорби висѣла на броняхъ его, изъ подъ копорыхъ блистала яркой оінь великой его души и драгоцѣнныя слезы патріотическаго сердоболія, струясь по ланишамъ, орошали окладистую его брану. Уста его были глаголющи; кажется еще лешатъ изъ нихъ сіи, возпламѣняющіе духъ сыновъ Россіи, слова: *залижимъ женъ и дѣтей и выкулимъ изъ общія бѣды отечество*. Груды сребра и злата, домашнихъ дорогихъ ушварей, жемчуга, мониста и прочихъ богатыхъ женскихъ украшеній, купно съ лепшами вдовицъ, съ вретницею сиротъ и самой нищеты; — груды имущесшвъ, снесенныхъ къ нему Нижегородцами отъ всякаго сосшоянія пола и возраста, накоплены были у стопъ его. Гражданскими вѣнцами и образомъ солища украшено было его подножіе.

ПОЖАРСКОЙ.

Здѣсь возносилъ безсмертное чело свое, стоя на златомъ подножіи, избавишель Москвы, оный доблественный Пожарской коего мужесшвенная десница опрашила губительство Липвы и коварство Шведовъ. Что въ Римѣ были Эмилии, Камиллы, Цинцинаты и Сципіоны, то все въ единомъ зрѣла Россія. Преизящное художе-

ство изобразило сего любомудраго благотворителя отечества въ видѣ Ироя, отражающаго удары. Десница его вооружена была мечемъ, а въ шуйцѣ держалъ щитъ, подъ которымъ Москва, въ лицѣ жены прекрасной, но отчаянной, съ разпущенными власами, съ открытою грудью, еще носящею язвы, Поляками, Шведами, Ордынцами и Запорожцами ей нанесенныя, укрывалась, прижавшись къ колену Защитника своего; имѣя руки сложенныя на персяхъ, она возводила умоляющее на Заступника око.

Хитрый резецъ ваятеля представилъ на негнблемомъ подножїи его вѣчнопамятные его подвиги; шутъ изъяснено, какъ сей Князь сіяющій преизбыточествомъ добродѣтелей своихъ, возлежа на одрѣ подъ тяжкимъ игомъ болѣзни, и врачуясь отъ ранъ, Поляками и Зарайскими мяшежниками ему причиненныхъ, прїемлетъ посольство вѣрныхъ сыновъ Россїи, прїтекшее просить его, да вступится за отечество и вѣру, да грядетъ предводительствовать воинствомъ спасенїя ради Московскаго царства отъ злодѣевъ. Здѣсь зрится, какъ оный въ вѣчности блистающій Князь, презрѣвый болѣзнь и раны, и непрекословно прїявъ возлагаемый на него подвигъ, собираетъ полки, вливаетъ въ нихъ свой Иройскій духъ, и течетъ къ стѣнамъ Москвы, гдѣ уже Поляки разпространяли свое мучительное владычество. Тамъ виденъ славный бой его съ сопоспашами, драгоцѣнная Россамъ побѣда его надъ дерзновеннымъ Хомкеви-

чемъ и освобожденіе ошъ плѣна Польскаго Боярь Московскихъ. Но взоръ и сердце зришеля поражаются здѣсь самымъ изящнымъ и паче всего доброхвальнымъ поступкомъ Князя защипника, заградившаго путь сыну Сигисмундову къ Россійскому Престолу! Въ мешаллѣ изъяснено то, какъ въ явѣ, когда спасенное ошъ бѣдъ ошечество поднесло *Пожарскому* вѣнецъ и державу, и предало ему на произволь собственныхъ ненавистниковъ его, посягавшихъ на преславную его жизнь. Я созерцаю здѣсь, какъ благочестивый Мужъ сей милосердо простилъ враговъ своихъ, смиренномудро отпрекся ошъ прешола и избралъ на царство добродѣтельнѣйшаго Романова, священную отрасль сѣмени Рюрика: и за тебя, дивный изъ Царей Царь, Великій ПЕТРЪ, Россія *Пожарскому* обязана! О безсмертный Славянинъ, ко-ему въ дѣписяхъ нѣтъ равнаго! ты превзошелъ примѣромъ своимъ все то, что ни есть на земли превозносимого. Къ сугубому изумленію всѣхъ вѣковъ, ты отпрекся Царскаго величія, почестей, славы, богатства; ты сокрылся въ мирную сѣнь крошката жилища своего; ты уклонился въ безмолвное уединеніе твое, чтобы тамъ успокоиться ошъ побѣдоносныхъ трудовъ своихъ; вмѣсто прона оставилъ ты себѣ простое ложе; вмѣсто веле-лѣннаго дворослуженія и сіянія порфиры взялъ себѣ въ удѣлъ горькіе плоды брани: раны и болѣзни; но ты пребудешь въ роды родовъ кумиромъ сердець! до конца мѣра благодарить и славословить тебѣ не престанушь

сыны своего опечесства. Удивленное шобою попомство во всѣ времена приносишь будетъ памяти швоей въ даръ свѣжіе лавры. Хопя и закашилось ты, свѣшило славы Московской, чшобъ уступить мѣсто свѣшиламъ новымъ; но яркая заря бышїя швоего до днесъ пламенѣеть, да и дошолѣ пламенѣть будетъ немерцаемымъ свѣшомъ, пока настанетъ заря превѣчнаго утра.

Л Ъ В О В Ъ *Потелской.*

По ту страну гдѣ возвышались кумиры Минина и Пожарскаго была прекрасная, мозаическая картина, превосходствомъ художества и важностию изображенїя влекущая къ себѣ любовданїе съ изумленїемъ. На картинѣ шой представленъ мужъ, въ совершенствѣ лѣшъ, но онъ кажется изнемогшимъ и едва дышущимъ. Русые власы его, кровїю обогренныя, присохли къ израненной главѣ. Раздранное врище прикрываетъ наготу его; сквозь разпадающееся рубище сїе видны язвы на персяхъ Ироя, и естли тако можно изъяснишься, то, лучше сказашъ, что запекшаяся и спрующаяся по шѣлу кровь его составляетъ его одежду, къ шому же, еще онъ отягченъ оковами; предъ нимъ кусокъ позеленелаго хлѣба и полусокрушенный скудель съ водою; ужасы темничнаго мрака окружають его. Какъ ни былъ удрученъ страдалецъ сей ранами, болѣзнію и оковами, но какое то колебимое духа благородство одушевляло правильныя черты его почтеннаго зрака; огонь добле-

сти блисталъ во взорахъ его ; важна была его осанка. Въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи насыпаны были груды сокровищъ, покрытыхъ парчевыми одеждами со златыми тривнами; шуть же поставленъ былъ и длинной столъ, избраннѣйшими снѣдми и пишемъ преизобилюющей : искусство живо изобразило носящейся надъ чашами и блюдами приманчивой паръ, шакъ, чшо мнил-ся оный бытъ обоняемъ и возбуждалъ вкусъ. Тучное довольство, облаченное въ богатыя ризы, во образѣ напыщеннаго Сармаша приглашало къ себѣ, по всему видно, шомящагося голодомъ и жаждою Вышняго сего; указуя ему шрапезу, оно ослаблялося изчисляя лакомыя яшвы. Но Ирой съ презорствомъ шшвращалъ строгое лице свое отъ соблазнительнаго сластолюбія и отъ всѣхъ, разсыпанныхъ предъ нимъ благъ мїра сего; имѣя устремленныя горѣ очи, кажешся, созерцавалъ онъ сокровища небесныя, чилалъ жребій свой въ царствѣ Бога свѣта и весь былъ полонъ упованіемъ на Господа силъ, подашеля истинныхъ благъ душевныхъ. Благодать Вышняго въ видѣ пресвѣтлаго Ангела осѣняла мужа сего мироносными крылами Своими, какъ между шѣмъ истинна сѣдя близъ него писала на большой скрыжали таковое о немъ повѣствованіе; златыя буквы стекали съ ея нешлѣннаго пера.

„Сей, понесѣ многія, ради отечества, службы.
„Онѣ памятуя Бога, будучи при Царѣ Васильѣ на
„Москвѣ въ осадѣ, въ нужное и прискорбное время

„стоялъ крѣлко за вѣру христїанскую и за святыя
 „Божїя церкви и за Царской домъ и за всю Русскую
 „землю; онъ крѣлко стоялъ противъ враговъ России:
 „Польскихъ и Литовскихъ людей и Русскихъ татей,
 „которые до конца хотѣли раззорить Государство
 „Московское и вѣру христїанскую попрасть; а онъ
 „былъ мужественъ и многое дородство, храбрость и
 „прлитіе крови своея въ службѣ показалъ; голодъ,
 „наготу, во всемъ оскүденіе и всякую осадную нужду
 „терпѣлъ долгое время, а на злодейскую прелестъ и
 „смуту ни на которую не покусилъ, стоялъ крѣлко
 „и не поколебимо, безо всякія шатости и отъ той его
 „великия, осадныя службы и терпѣнія, Польскіе и Ли-
 „товскіе люди и Русскіе тати отъ Москвы отошли (*).„

„Сей предокъ швой, — рѣкла мнѣ Слава, — се
 „достоючестный Почепецъ Василій Львовъ, которой
 „отвергъ богатство купно съ почестїями, ему отъ По-
 „лякъ предложенные и рѣшился лучше изпить горкую
 „чашу скорбей, болѣзни, нежели нарушить присягу,
 „долгъ честнаго Гражданина; превозмогая въ себѣ челове-
 „ческую природу, онъ боролся съ голодомъ и жаждою,
 „токмо чтобъ спасти отечество; ему легче было
 „умереть, нежели измѣнить. Все являетъ въ немъ вели-

(*) Все сіе извлечено точными словами изъ грамошы, пожалованной Ца-
 ремъ Михайломъ Ѳеодоровичемъ въ 7134 году, Іюня въ 4 день, (т.
 е. 1626 года) на помѣстья въ роды, Василью Прокофьевичу Львову
 Почепскому.

„чѣе его духа и богатырское изрядство. Тако Царь
 „пернатыхъ ширяется подъ черными слоями тучъ,
 „когда буря свирѣпствуетъ; онъ не спрашится ревуща-
 „го окрестъ него грома, плавно рѣшетъ посреди вѣю-
 „щихся молній и гордымъ окомъ взираетъ на громовую
 „стрѣлу, мимо его летящую. — Виждь подвигъ пред-
 „ка и научайся. — Примѣръ великаго мужа живѣе дѣй-
 „ствуетъ на сердца, нежели сила самыхъ строгихъ
 „уставовъ.„ Писаніе истинны и глаголь Славы проникли
 до глубины сердца моего, меня объять нѣкій ужасъ,
 подобной тому, кошорой испытujemy мы приступая
 къ какому либо боговидному предмѣту. Всѣ мышцы
 во мнѣ задрепетали; устремля неподвижныя очи на
 священный для меня образъ праотца, я мѣлъ въ во-
 сторгѣ и не чувствовалъ какъ слезы капились по лицу
 моему; душа моя со всѣми ея ощущеніями стреми-
 лась къ сему драгоценнѣйшему изображенію; вся кровь
 взволновалась во мнѣ и только что не брызнула изъ
 жиль, чтобъ пролиться предъ нимъ. Неизъяснимая си-
 ла непреодолимаго влеченія прилягала меня къ чудес-
 ной картинѣ! Ноги мои сами собою подогнулись, я
 упалъ на колѣни и въ радости лбызалъ прародитель-
 скія руки. — Да благословится во вѣки память твоя, вели-
 кій мужъ! щипъ отечества, честь и слава рода своего!...
 Озаряй лучами доблести все твое потомство, возпламе-
 ный духъ его подражать тебѣ, веди внуковъ твоихъ къ дѣ-
 ламъ безсмертнымъ; да будутъ они тебѣ подобны.

Возрадуйся и восплеши Россія мужеству сыновъ твоихъ! Исполинское богатырство ихъ покорило тебѣ цѣлыя царства и моря. Ликуй Великая Матерь добробѣдныхъ чадъ! будучи воспитаны славою, подъ лаврами ошцовъ своихъ, въ сстрогихъ правилахъ благочестія, во всѣ времена и вѣки они достойны вѣнцовъ безсмертія; ибо изрядствомъ сердца и богатыми дарами великаго даха превосходятъ всѣ прочіе народы подсолнечной. — Вселенная! — *Славянороссы подъ звукомъ трубъ ловиты, на щитахъ возмелѣны, подъ шлемами взращены, концемъ колья вскормлены.* — Какая сила прошиву сподятъ можешь ихъ храброси? Самые лучіе трофеи, какіе шокмо справедливостъ и патриотизмъ сооружали въ честь истинному Иройству ошъ начала мѣра и до днесъ, большею часшю, Россамъ принадлежатъ.

ПАМЯТНИКИ
РОССИЙСКИХЪ
ИРОВЪ,

Осмагонадесять вѣка.

Изъ Второй книги Храма Славы.

Сог. Пав. Лавова.

КНЯЗЬ Я. Ѳ. ДОЛГОРУКОЙ.

КНЯЗЬ ИТАЛІЙСКОЙ, ГРАФЪ СУВОРОВЪ, РЫМНИКСКОЙ.

ГРАФЪ РУМЯНЦОВЪ, ЗАДУНАЙСКОЙ.

КНЯЗЬ ПОТЕМКИНЪ, ТАВРИЧЕСКОЙ.

ЛОМОНОСОВЪ.

Памятники Князя Долгорукаго и Графа Суворова напечатаны были, вмѣстѣ съ памятникомъ Князя Пожарскаго въ XI части *Иллокренъ* (Московскаго изданія), въ 1801 году, а прочіе въ *Новостяхъ Русской Литературы* (Московскаго же изданія), въ III части, 1802 году.

ДОЛГОРУКОЙ.

Здѣсь въ Кумирѣ только что не дышалъ Россійской Кашонъ, тотъ непоколебимый ревнитель истинны, которой не усмрашилъ отъ ПЕТРА (сыновнею смертію прегогорченнаго) пошребовать Царя. То былъ истый Бояринъ, о благѣ общемъ болѣвшій (*); то былъ древле-родный Славяноросскій Князь, и доднесъ сіяющій пресвѣтлыми добродѣтелями своими; то былъ оный искусный Вишязъ приобрѣтатель градовъ, достойный подражанія *Доргоукой*, котораго великую душу, любовію къ отечеству богатую, никакая прелестъ міра сего плѣнить не могла. Бывъ строгимъ владыкою самого себя, онъ шокмо стремилъ шуда, куда призывали его долгъ и правда. Онъ весь принадлежалъ Царю, истиннѣ и отечеству. Его польза была — польза общая; его забавы — дѣла Государственныя; его радость — шастіе соотчичей своихъ. Сей неоснодумный Вельможа и гражданинъ непрешкновенный возвышалъ съ твердосшію Аристиды, храня грозный видъ, и держа въ единой рукѣ мечъ обоюду острый, символъ никогда нелживыхъ усшенъ его; а въ другой — раздранную харшію. Въ шаковой-шо важной сановишости зрѣлъ его Петропольскій Сенатъ посреди

(*) Или истинными заслугами болѣй извѣсхъ своихъ соотечественниковъ.

сонма своего, когда давалъ онъ мудрый отвѣсъ Великому изъ Монарховъ. Неустрашимость, правда и сила патріотическаго духа ясно зримы были на величавомъ челѣ его, и въ очахъ, какъ въ чистомъ зеркалѣ. Главу его осѣнялъ лавровѣнченый шлемъ. Важная Славянская одежда покрывала его осанистое тѣло; онъ предстоялъ облокошась на полу-столпъ, украшенный вѣсами Оеимиды, купно съ дубовыми, лавровыми и градскими вѣнцами, и плющемъ съ оливными вѣшьями увишый.

СУВОРОВЪ.

А сей Кумиръ, красоты неизреченной, былъ лишь только сооруженъ, и издавалъ яркое сіяніе драгоценнаго мешалла. Жесткая длань времени еще не успѣла къ нему коснуться, и чудный художникъ, мнишся, что лишь только ошъялъ ошъ него ваяло свое. Подножіемъ Кумиру сему служила огромная гора, на коей блистали вѣчноясныя слова сіи: *Ему принадлежатъ вѣки*. По сей торжественной надписи кто не познаетъ онаго дивнаго Побѣдителя царствъ, онаго бессмертнаго *Суворова*, коему возревновалъ бы самъ Кесарь, ешъли бы жилъ во дни его, и коего образомъ Римъ украсилъ бы свою Капишолію, предпочтя его Фарсальскому Побѣдителю? Сей Росскій Иракль возвышался, какъ сынъ Алькмены, ошвсюду окруженъ будучи Ирой-

скими величїемъ. Сама предводительствующая мною богиня молвы и всѣхъ чрезвычайныхъ произшествїй въ мірѣ, сама она не могла взирать на него безъ удивленїя. Сей приснопамятный Ирой, достигшій на высоту всѣхъ чesшей свѣта, казался еще повелѣвающею полками храбрыхъ Россїянъ, имѣя военачальнической жезлъ въ десницѣ. Двуглавый орелъ, грозный спутникъ его побѣдъ, представленный на шлемѣ его гошовымъ къ паренїю, осѣнялъ распростертыми крылами многодумную и глубокомысленную его главу. Геній опшества, въ видѣ лучезарнаго юноши, подносилъ *Суворову* перуны купно съ лавровыми вѣнцами. Хоша тягоша многихъ лѣтъ и возлежала на раменахъ его, но величая его осанка означала неутомимость и непрерывное бодрствїе доблественнаго духа его; взоръ его пылалъ огнемъ нестарѣющей въ немъ храброси; бывъ неиспощимъ въ едва имовѣрныхъ богатырскихъ своихъ дѣйствїяхъ, онъ являлся еще могущею поддержать не токмо славу Россїи, но и величїе Небесъ. Опшоманскїе бунчуги, части раздробленнаго герба Варшавы и знамена Галловъ лежали небрежно повержены у стопъ его. Сокрушенный шаръ, держава Польши и преломленный скипетръ сея гордыя Сармашки, находились по справу огромнаго щита, служащаго опорой шуйцѣ его, на коемъ изображена была избавленная имъ Италїя; по ободу же щита поражаю очи сіе начертанїе: *Пришелъ,*

узрѣлъ, побѣдилъ. Негиблемое, вѣковѣчное чело Сентъ-Гюшарда было его подножіемъ; отовсюду оно изукрашено было золотыми плитами, гдѣ чеканное искусство изразило многочисленные его подвиги. Но во первыхъ зримы были два изображенія: въ единомъ изъ нихъ представлено, что Истинна связуетъ крыль Времени, а Слава исторгаетъ пагубную косу изъ рукъ всесокрушающаго старца сего, и указываетъ на *Суворова*, который попирая опроверженные имъ столпы Алкидовы, быспрошечетъ въ отверстый ему храмъ безсмертія. Надъ симъ-то многозначущимъ изображеніемъ сіяла она торжественная надпись: *Ему принадлежатъ вѣки.* — Въ другомъ являлся взору: Кесарь возлагающій лавровый вѣнецъ на главу *Суворова*, Аннибаль опоясующій на него мечъ свой, Евгеній вручающій ему свой пернатый шлемъ; за ними же вдали возносящіяся до небесъ вершины Альпъ, надъ коими горѣло во злашѣ сіе достопамятное столпосложеніе:

*Отнынѣ горы въ вѣкѣ Альпійски
Пребудутъ Россовъ обелиски (*).*

По семъ изъяснены были побѣды его надъ Агарянами: здѣсь торжествуетъ онъ на брегахъ Рымника; тамъ сокрушаетъ крѣпкія стѣны Измаила; шутъ уни-

(*) *Державина.*

чтожаетъ Польшу, древнюю разорительницу отечества
своего. Подъ ударами его гибнуть сопротивныя силы
строптивыхъ Сарматовъ; пламенѣютъ грады ихъ; огнен-
ные вихри преобразуютъ въ прахъ сію давно пре-
стольную Варшаву, въ швердыняхъ коей звенѣли нѣ-
когда узы Филарета и раздавались стоны Шуйскаго.

Что началъ во благо Россіи дослославный По-
жарской, то съ лихвою довершилъ *Суворовъ*! Гдѣ до-
селѣ почилъ прахъ Царя Московскаго, въ позоръ на
распушіи Поляками погребеннаго, тамъ нынѣ съ честію
произносятся, и шако будетъ во вѣки произносимо
великое имя *Суворова*, тамъ съ благоговѣніемъ чшутъ
и чшишь не прешанутъ въ роды родовъ богоподобную
ЕКАТЕРИНУ.

Далѣе представлены: дивный переходъ Ироя чрезъ
Альпійскія страшныя переправы, чрезъ Демонской
мостъ, чрезъ водопадныя Рѣки, чрезъ неизмѣримыя
пропасши, едва вѣроятное преодоленіе чудовищнаго
исчадія Природы, колосса вселенной, страшнаго Гошар-
да; сраженіе съ Массеною во мракъ подземныхъ про-
пасшей; рѣшимый бой съ отважнымъ Жуберомъ, и безчи-
сленность многихъ иныхъ побѣдъ, надъ различными
народами одержанныхъ, кои были забавы для *Суворова*,
но трудъ, но подвигъ чрезвычайный для всякаго бы-
иного Полководца.

Ликуй, гордись Россія, мать Ироевъ! ты произвела

на свѣшъ Благотворителя Царей и Князя славы осмаго-
надесять вѣка. Твой сынъ *Суворовъ*, хвала племенъ шво-
ихъ, честъ всѣхъ родовъ Славянскихъ! Само Провидѣ-
нiе ввѣряло ему судьбу мiра: онъ былъ Владыка бишвъ,
отъ коего зависѣлъ жребій вселенной; онъ былъ десница
великой, премудрой, несравненной ЕКАТЕРИНЫ; онъ
былъ краеугольный камень швердаго Ея Престола; онъ
управлялъ щастiемъ и превозмогалъ непреодолимыя
силы естества; онъ былъ мечъ и щипъ не токмо стра-
ны рожденiя своего, но и всей Европы. Вѣнценосцы,
на югозападѣ повелѣвавшiе, не взирая на то, что былъ
онъ чадо хладнаго сѣвера, но ради его пламеннаго ду-
ха въ свое родство его включали. Баснословная Дре-
вность нарекла бы его сыномъ Зевса, естли бы онъ
существовалъ во дни Троянской брани... Но что до
того? Прiидущъ годы шѣ, настанущъ времена позднѣй-
шаго потомства, въ копорыя являся на позорищѣ
мiра новые Александры; они пришекутъ съ трепетомъ
ко гробу великаго *Суворова*, и чтя въ немъ другаго
Ахилла возревнуютъ его славѣ... Ликуй, Россiя! швой
сынъ наполнилъ громкимъ именемъ своимъ все необъ-
ятное пространство вѣковъ. Онъ раздавалъ скиптры
Царямъ, низводилъ и возводилъ ихъ на престолы; онъ
и сугубилъ и пошемнялъ цвѣтъ ихъ багряницы; онъ
живъ пребудешь во всѣ времена и вѣки. — — —

ЗАДУНАЙСКОЙ.

Посреди достопамятныхъ Героевъ, подобно много-вѣчному кедру горъ Ливанскихъ, возносящему поднебесную вершину свою, превыше прочихъ деревьевъ, возвышался великій Задунайской. Онъ облеченъ былъ въ броню Минервы, и шлемомъ ея охраняема была безсмертная его глава. Онъ имѣлъ ея осанку, огнемъ очей ея блистали его зеницы; ея важность, ея предусмотрительность, ея глубокомысліе, рѣшимость и крѣпкая сила доблестивеннаго духа, зримы были въ каждой чертѣ его мужественнаго лица; словомъ, во всемъ его шло-положеніи казалось что онъ и въ металлѣ еще занявъ благородными думами, и только что не вымолвишь своихъ повелительныхъ рѣчей, которыми съ шепетомъ горделивая Порта внимала. Въ десницѣ своей держалъ онъ перунъ, неплѣнною оливою увитый, а въ шуйцѣ огромный эгидъ дщери Зевесовой, который покрывъ бывъ змѣевласою главою Горгоны, поражалъ сопротивныхъ оцепѣненіемъ. Подъ кровомъ щита сего сидѣлъ на знаменахъ Опшоманскихъ въ видѣ прекраснаго, полношлаго, сильнаго опрока, Геній Россіи, и съ торжествующею улыбкою соплешалъ лавровой вѣнецъ Побѣдишело покорисшелей Востока. На златомъ, негиблемомъ подножіи сего непобѣдимаго Полководца блистали вѣчноясныя слова: *Великому изъ Героевъ, мудрому въ совѣтахъ,*

и дивному во бранѣхъ, безсмертному сыну Россіи, Румянцову Задунайскому, распространившему предѣлы своего отечества и потрясшему основаніе страшной Оттоманской Имперіи. Подъ сею во всѣ времена достопамятною надписью, въ вѣнцѣ изъ масличныхъ лозъ сплешенномъ, изображено было: *Миръ при Кайнарджи 1774 года*. Внизу сего вѣнца клубилъ быстрыя волны свои царь рѣкъ, ярый Дунай, поглотившей тридесять тысячъ Сарацинъ сверженныхъ въ пучины его сильною мышцею Румянцова; надъ нимъ начертано было: *Теку возвѣститъ вѣкамъ грядущимъ славу и нени его*. Искусство столь чудесно изобразило рѣку сію, что мнился слышимъ бытъ ревъ и плескъ волнъ ея, и казалось, будто брызги лешѣли съ пѣнныхъ хребтовъ ихъ. Кичливый сокрушитель Дарія! что твоя Арбельская побѣда? — Задунайской торжествуетъ подъ Кагуломъ.

Величественный образъ сего побѣдоноснаго Вождя Россовъ вселялъ благоговѣніе въ сердце каждаго, кто бы ни возрѣлъ на него; и самый отважнѣйшій духъ смирился бы, пораженъ бывъ его повелительнымъ взоромъ, когда владычица Героевъ всего мѣра, когда сама Слава, показуя мнѣ Румянцова, вдругъ объява была нѣкою робостію, покорсшво ея предъ нимъ знаменующую. Она вѣщала мнѣ: „Я обрекла себѣ принадлежать ему во все пространство вѣковъ; народы древнихъ лѣтъ,

есѣлибѣ онѣ жилѣ во дни ихѣ, чтили бѣ его полубо-
гомѣ; но сыны сыновѣ позднѣйшаго потомства воздви-
гнуть ему памяшники; прехвальное имя его пройдетѣ
въ роды родовѣ, возгремитѣ въ пѣсняхѣ торжества,
возбудитѣ новыхѣ героевѣ ко славѣ, и прежде многово-
дный Дунай изсякнетѣ въ своихѣ несмѣтныхѣ источни-
кахѣ, нежели имя Задунайскаго, движущее сердцаши
богатырей, въ неизмѣримости времени зашихнетѣ, ско-
рѣе всѣ рѣки вспашѣ пошекушѣ, нежели прешану я
твердитѣ о немѣ въ концахѣ земли.,,

КНЯЗЬ ТАВРИДЫ.

Близѣ Румянцова-Задунайскаго возносилѣ гордели-
вое чело свое чудный сынѣ щасѣя и роскоши, велико-
мощный Пошемкинѣ-Таврической. Въ доказательство
тому, что былѣ онѣ готовѣ къ побѣдамѣ даже и тогда,
когда покоился на лонѣ раболѣпствующей ему нѣги,
глава его покрыта была пернашымѣ шлемомѣ, а десни-
цею опирался на обнаженный мечѣ, но не было на немѣ
брони, а осанистое тѣло его покрывала свободная
Славянская одежда, дорогими каменьями и жемчугомѣ
унизанная, и узорчатый поясѣ, дѣло рукѣ народовѣ
Восточныхѣ, сіялѣ по чресламѣ его. Онѣ нерадиво
споялѣ облокошясѣ шуйцею на мшистой, огромный
камень, виноградными гроздіями, различными плодами

и цвѣтами Юга обвѣшенный, между коими видны были сѣи свѣшлыя слова: *Крымъ. Безкровный даръ отечеству.* Пригожій взоръ сего мужа Славы были зеркаломъ замысловатаго ума, обширныхъ намѣреній, пылкаго воображенія, рьянаго славолубія и твердой надежності на неушомимыя силы прихотливой души своей. Обладавый богатствомъ, почестями, величіемъ, свойственными чрезвычайному сану его, какъ являлъ онъ себя во дни бытія своего неуважающимъ ничѣмъ, такъ и здѣсь, въ кумурѣ, художникъ изобразилъ на спесивомъ лицѣ его улыбку, полную презорства. Щитъ Порты Оттоманской, полукружіемъ Луны украшенный, попираемъ былъ сильною его пятою. На подножіи его блистала надпись: *Одушевленъ бывъ великимъ духомъ ЕКАТЕРИНЫ, достигъ безсмертія.* А подъ оною предсавлено было сокрушеніе твердынь Очаковскихъ, пламенными вихрями обвишыхъ; вдали же, по небосклону, Россійскіе флаги, надъ черными водами Евксина развѣвающиеся. Таковъ то кумиръ онато затѣйливаго Князя Тавриды, кошорый соединялъ въ себѣ Помпеево великодушіе съ Лукулловымъ сасполобіемъ, и кошорый шодико былъ пресыщенъ благами времени своего, что ему и желать уже ничего не оставалось.

Л О М О Н О С О В Ъ.

Подъ сводомъ, драгоцѣнными каменьями усѣянномъ, которые сливая разноцвѣтные лучи свои производили сїянїе подобное радугѣ, возсѣдалъ онъй достославный мудрецъ, коего обширное многовѣданїе едва не превышало человѣчеству; онъ изслѣдовалъ небесныя явленїя, и во всей лѣпотѣ сѣвернаго сїянїя, предъ солнцемъ сгязуясь съ Невтономъ, доказалъ причину дневнаго свѣта: ему Эйлеры завидовали и подражали, да и сами Галлилеи ему уступали бы вѣнцы славы. Его быстрый умъ, какъ бы снабженный крылами свѣтоноснаго Серафима, лепалъ по всѣмъ царствамъ природы; скромная мать существъ открыла ему всѣ тайнства свои и показала чудесную силу внутреннихъ ея дѣйствїй. Въ лицѣ сего дивнаго Генїя, которому Россїя обязана красотою слова своего, я познаю тебя и съ благоговенїемъ преклоняю чело мое предъ тобою безсмертный Ломоносовъ! Сей Царь Росскаго стихосложенїя озаренъ былъ лучами Феба и всегда свѣжїе лавры увивались вокругъ главы его. Четыре лебѣдя съ протяженными выями, имѣя разпростертыя крылѣ къ полету запряжены были въ сребряную колесницу его. Важная кротость Маншванскаго пѣвца, оживленная огнемъ Пиндарической музы и прївлекательность Цицероновой мужественной красоты одушевляли его величавый взоръ. Пренапол-

ненный возшоргомъ изящнаго пѣснопѣнія своего онъ не брезжно сидѣлъ на колесницѣ и быстрыми перстами своими водилъ по громкозвучнымъ струнамъ златой лиры, украшенной именемъ Дщери Великаго ПЕТРА. На столпѣ его изъ рдянаго рубина изсѣченномъ и украшенномъ мозаическими изображеніями, — что неплѣнная рука его произвела въ честь искусству падшему въ ученой Греціи, а на сѣверѣ имъ возобновленному, — сіяло небеснымъ огнемъ сіе стопосложеніе:

Коль нынѣ радостна Россія!
Она коснувшись облаковъ,
Конца не зрѣтъ своей державы;
Гремящей насыщена Славы
Покойтся среди луговъ.

* • *

Въ поляхъ исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
Своими частыми струями
Шумя, спадая навдвѣсь сонъ,
Сѣдитъ и ноги простираетъ
На сѣнь, гдѣ Хину отдѣляетъ
Пространная стѣна отъ насъ;
Веселый взоръ свой обращаетъ,
И вокругъ довольства изчисляетъ,
Возлегши лакшемъ на Кавказъ.

ПОГРѢШНОСТИ.

страница.	строка.	напечатано.	читай.
II	15	мѣтанія:	мечтанія:
IV	1	стоющіе	стоящія
	2	лучшее	лучшее
	18	принадлежащее	принадлежащее
VII	12	севѣра	сѣвера
	18	колѣно	колѣно
	21	если	если
	13	не пленишся	не плѣнишся
	21	оставляешѣ	оставляешѣ
X	2	севѣрѣ	сѣверѣ
	12	лѣжала	лежала
	18 и 19	лучшими	лучшими
		произрастеніями	произрастѣніями
XIII	10	парали	парили
XV	1	новые чудеса;	новыя чудеса;
XVI	4	мѣтаніяхъ	мечтаніяхъ,
	13	лучше	лучше
	11	предстоятъ	предстоятъ
XX	1	зрелище	зрѣлище
	15	нелѣпыя	нелѣпыя
	18	произрастеніи	произрастѣнія
	22	велеречивымъ	велерѣчивымъ
XXI	15	лишь	лишь
	24	но преодоленіе	преодоленіе
XXII	21	исполнила	исполнила
XXIII	18	лучше	лучше
XXIV	2	злоречія	злорѣчія
	16	содѣлаешься	содѣлаешься
XXV	11	неизпивою	неиспивою
	13	по среди	посреди
	18	бѣлелись	бѣлѣлись
	23	Легионы	Легіоны
XXVI	7	принадлежавшія	принадлежавшія
	15	нмочисленныхъ	нѣмочисленныхъ
	17	великолѣпныя	великолѣпныя
XXVII	11	пламенели	пламенѣли.
	12	любезныя	любезныя

ПОГРѢШНОСТИ.

стран. строк. напечатано.

читай.

	22	небѣсной	небесной
	23	прозвенели	прозвенѣли
	6	вѣщи расположенные	вещи расположенныя
XXX	12	основавшей	основавшей
	13	уготовавшей	уготовавшей
	14	спрашные	спрашныя
	22	лучіе	лучіе
	10	лѣшорослѣ	лѣшораслѣ
	23	колыхнухся	колыхнухся
XXXIII	26	возхопѣлѣ	восхопѣлѣ
XXXV	15	изрещи доблести	изрещи хвалу доблести
		ПЕТРОВЫ	ПЕТРОВОЙ
XXXVII	1	первыхъ	первыхъ
	15	почтеніе сему	почтеніе неустра-
		неустрашиму	шиму
	18	разразившей	разразившей
XXXVIII	9	персяхъ	персяхъ
	11	надмѣнною	надменною
		перваго	перваго
	24	лишившейся	лишившейся
	5	знамѣнитыхъ	знаменитыхъ
	25	любовѣдѣніе	любовѣденіе

ГОСТОМЫСЛѢ

1	1	Во первыхъ	Во первыхъ
		РЮРИКЪ	
3	9	верхи	верьхи
		ОЛЬГА	
6	2	пѣмаи	пѣмаи
		ВЛАДИМИРЪ	
9	16	Переславля	Переяславля
		ВЛАДИМИРЪ МОНОМАХЪ	
14	7	сѣдѣлѣ	сидѣлѣ
		ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ	
19	23	занеѣщастіе	занеѣ щастіе, или
			ибо щастіе
23	18	Аггелла	Ягелла
	19	не благословенія	неблагословеніе
26	7	остановлена радостію	остановлена была.
			радостію

ПОГРѢШНОСТИ.

стр. строк. напечатано

читай

ІОАННЪ І ВЕЛИКІЙ

27	12	свирѣпствовавшихъ	свирѣпствовавшихъ
28	5	во взаимное согласіе	взаимное согласіе
	22	наскучивъ	наскуча
	29	Хвалынскаго	Хвалыскаго
	3	первыхъ	первыхъ
32	3	доблестямъ	доблести
	17	съ несмѣшною	съ несмѣшною
33	16	сопоспашовъ	супоспашовъ

ІОАННЪ ІІ ВЕЛИКІЙ, ГРОЗНЫЙ.

44	15	своихъ свящя свящыхъ	своя свящя свящыхъ
45	15	въ недрахъ	въ нѣдрахъ
46	4	вязкой или	вязкой иль
	23	легионовъ	легионовъ
47	13	и на прочихъ	и прочихъ
48	25	шинистая Булакъ	шинистая рѣка Булакъ
50	22	къ Князямъ	къ Князьямъ
	24	горъ	горъ
56	15	при водахъ обширнаго Байкала	при водахъ обширнаго Байкала
57	2	Султанъ трепещетъ	Султанъ печаленъ
	26	рыцаревожатые	рыцаревожатые
58	21	отъ Карла V по его желанію къ нему присланныя	отъ Карла V по желанію Іоанна присланныя
59	15	нагнѣшеннымъ	нагнѣшеннымъ
61	6	болезненно	болѣзненно

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ

64	1	сперва	сперва
65	4	колосъ	колосъ
	9	искусно	искусно
67	12	благоговели	благоговѣли
	3	строк. прилѣчанія (*)	
68		лучшее	лучшее

МИНИНЪ

70	5	послѣднею	послѣднюю
----	---	-----------	-----------

ПОЖАРСКОЙ

72	20	презрѣвый	презрѣвъ
----	----	-----------	----------

ЛВОВЪ Почепской

76	10	а на злодейскую	а на злодѣйскую
	15	Сей предокъ	Се предокъ
	18	лучше	лучше
		изпишъ	испишъ

ПОТРѢШНОСТИ.

стр. строк. напечатано

читай

77 II испытуемъ
78 12 самые лучшѣе

испытуемъ
самые лучшѣе

Памятники Россійскихъ Ироевъ осмагонадесять вѣка.

долгорукой

I II самого

самого

суворовъ

7 17 Рѣки
25 иного

рѣки
инаго

КАРТИНА
СЛАВЯНСКОЙ
ДРЕВНОСТИ

Сочиненіе Павла Львова

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Изстари заведенное сельское празднество, по окончаніи жатвы отправляемое во всей Бѣлозерской сторонѣ и извѣстное подъ именемъ *отжина*, было виною сего сочиненія, которое названо *Картиною Славянской Древности* во первыхъ по тому, что Сочинитель изображаетъ въ немъ картину тѣхъ временъ, когда еще Славяне поклонялись своимъ кумирамъ, имѣли на островѣ Ругенѣ, — что близъ Помераніи, — великолѣпный храмъ *Свѣтовиды*, и когда они дѣйствительно отправляли въ честь сего бога и *Триглавы* празднество по окончаніи жатвы съ великими жертвоприношеніями. Заключая по именамъ *Леля*, *Дидо*, *Лада*, кои были имена боговъ Славянскихъ, и упоминалися въ пѣсняхъ, пѣшыхъ жнецами, полагаю должно, что праздникъ *отжина* происходитъ отъ того древняго празднества, которое отправляемо было въ Руге-

нѣ. Во вторыхъ , сочиненіе сіе названо *Картиною Славянской Древности* и пошому, что оно основано на самыхъ старинныхъ обрядахъ языческаго поклоненія за долго до Христіанской вѣры существовавшего, и на Историческихъ истинныхъ пѣхъ вѣковъ, когда еще жили на сѣверѣ Славяне - Руссы , соединившіеся съ Варягами, Рурикомъ приведенными, и поклонявшіеся такъже *Одину*, какъ и древнимъ богамъ своимъ. Неизвѣстный, но почтенный за ревность его ко славѣ Россіи, писатель Историческаго представленія изъ жизни Рурика, увѣряетъ согласно съ Исторією, — см. стр. 52, а въ Рос. Ис. Тап. Ч. 1 гл. 2. стр. 16 и 17, — что Славяне - Руссы и Варяги чтили *Одина* и во многомъ придерживались Скандинавскаго баснословія; а достойный вѣроятія Г. Болшинъ, искуснѣйшій вѣдатель Россійской Исторіи, въ примѣчаніи своемъ на оное представленіе, изъ жизни Рурика, подтверждаетъ всѣ обряды поклоненія *Одину*, съ чѣмъ согласуясь Сочинитель сей Картины, расположилъ празднество *отжина* по соединеннымъ обрядамъ поклоненія двухъ народовъ, Славянскаго и Варяжскаго. А что *Одинъ* былъ обожаемъ Славяноруссами и Варягами, въ томъ нѣтъ сомнѣнія; и естли вѣрить Исторіи , которая представляетъ Россію первымъ театромъ геройскихъ его подвиговъ, —

когда явился онъ отъ сѣверозападной стороны понта Евксинскаго (Чернаго моря), и шель въ Скандинавію чрезъ Голштинію и Юшландію: — по слава имени *Одинова* и рыцарскихъ временъ его принадлежишь болѣе Россамъ, нежели Шведамъ и Дашчанамъ. Но здѣсь не нужно входить въ шоль подробное изъясненіе объ *Одинѣ*; ибо къ оправданію мнѣнія *Славянъ* о жизни будущей и всего того, что изображено въ сей *Картинѣ Славянской Древности* относительно до баснословія Скандинавскаго и Славянскаго, довольно показано въ Историческихъ примѣчаніяхъ. Наконецъ, дабы картина сія была достойна *Славянъ*, то Сочинитель не терялъ изъ вида Римскую древнюю пѣснь спольстія: *Carmen Seculare*, которую приказалъ Августъ Горацію сложить въ честь Аполлона и Діаны. Сообразуясь съ начертаніемъ оной прекрасной Гораціевой пѣсни, въ коей знаменитый Пѣвецъ сей обращается къ Августу и воспѣваетъ славу времени его вѣка, Сочинитель и *Картины Древности Славянской*, при исчисленіи древнихъ побѣдъ въ цѣломъ мірѣ Славянами пожатыхъ, говоритъ иносказательно о побѣдоносномъ вѣкѣ ПАВЛА I, нареченнаго *Спасителемъ народовъ* и дерзаетъ словословить Сына Его, Ошца Россіянъ, АЛЕКСАНДРА I, котораго, милосердіе содѣлываетъ богоподобнымъ. . . .

Словомъ, одна лишь ревностная любовь къ Отечеству
составляетъ всю цѣну сего сочиненія. — Не токмо
старина, но и *дымъ отечества* пріятеиъ.

КАРТИНА СЛАВЯНСКОЙ ДРЕВНОСТИ

ИЛИ

ПРАЗДНЕСТВО СЛАВЯНОРОССОВЪ,

по окончаніи жашвы (1) отправляемое въ честь Свѣшовиду
и Триглавѣ (2).

Дѣйствіе въ Бѣлозерскомъ Княжествѣ (3).

Представляется пространныя равнина, усѣянная народомъ;
посреди оной возвышается значный холмъ (4); на немъ со-
оруженъ олшарь, вокругъ коего — въ довольноомъ отъ него
разстояніи — насажены по ошлогоси холма дубы и пихша
(5). Съ одной стороны огромные курганы (6) подъемлютъ

песчанья вершины свои выше лѣсовъ вдали синѣющихъ, а съ другой величественное Бѣлоозеро соединяетъ съ небесами обширное лоно шумныхъ волнъ своихъ. Множество шельцовъ и двенадцать коней (7), бѣлыхъ какъ снѣгъ, угошовано для жершвы. Главный Жрецъ, въ богатой одеждѣ съ двенадцатью Жрецами (8), ему подвластными, восходитъ къ олшарю. За ними идутъ двѣ прекрасныя дѣвы въ одеждѣ алаго цвѣта, цвѣта веселія и юности; у персей ихъ, златыя поясы; на челѣ, драгоцѣнныя повязи; на выяхъ, ожерелья крупнаго жемчугу сливаютьъ млечную бѣлизну свою съ лебединою бѣлизною ихъ шѣла. Онѣ дщери мужей славныхъ, и избраны для священнослуженія при жершвенныхъ обрядахъ. Одна изъ нихъ представляетъ богиню *Марцану* (9), и несетъ на главѣ снопъ; а другая богиню *Сѣву* (10), и шествуетъ съ кошницею, плодами и мустомъ наполненною (11). Въ слѣдъ за ними пригожій юноша, представляющій бога *Услава* (12), несетъ для освященія сосуды пивомъ и медомъ полные (13). Народъ раздѣленъ на многіе сонмы; на сонмъ юношей, дѣвъ, женъ, старцевъ и сонмъ мужей, но сонмъ престарѣлыхъ воиновъ преимущественнѣе прочихъ. Герои сіи, проведеншіе жизнь въ побѣдахъ, стоявъ ближе всѣхъ къ олшарю, опершись на копія, острѣемъ къ землѣ обращенныя. Собравъ испощенныя во браняхъ силы свои, они пришекли во всемъ убранствѣ рашнаго снаряда: тяжелая колчуга покрываетъ согбенное шѣло ихъ; сѣдые власы ихъ висятъ изъ подъ стальныхъ шлемовъ, орлиными перьями осѣненныхъ, и мѣдныя щиты на шуйцахъ ихъ рдѣютъ, какъ полная луна сквозь тонкое облако, ошъ громоносной тучи опдѣлившееся. — Всѣ безмолшествуютъ; шокмо шумъ волнъ озера и ржаніе

крушащихся коней, которые рвутся какъ бы обогнать и самые вихри, нарушаютъ всеобщую тишину. Верховный Жрецъ становится предъ олтаремъ на колѣна и читаетъ тайныя молитвы. Начинающееся утро, чистое небо, благоговѣнїе народа, Жрецъ стоящій на колѣняхъ съ воздѣтыми къ востоку руками, и куреніе благовонныхъ лозъ, придаютъ сему позорищу разительную важность, приводящую cadaго въ священный ужасъ. По окончаніи тайныхъ молитвъ Жрецъ возсѣдаетъ, обращается къ народу, и окинувъ его величавымъ взоромъ своимъ вѣщаетъ:

Ж р е ц ъ

Свершился благовѣстный знакъ дыма (14); ликуйте земледѣльцы. — Воспойте хвалебную пѣснь свѣтиламъ небеснымъ ущедрившимъ жалвы. Уже не спрутся по нивамъ разсыпная поверхность златыхъ класовъ; они пали подъ остроизубымъ серпомъ жателей, и съверный вѣтръ свиспирь, пробѣгая въ поляхъ частые ряды сноповъ, клонящихъ долу зернистые верхи свои. Довольная *Марцана* и долговласая *Сѣва* уже несутъ плоды въ даръ подателю благъ *тетыреобразному Свѣтовиду* (15), созерцающему предвидящимъ взглядомъ всепроникающихъ очей своихъ, чешыре конца вселенныя, и коему самъ родитель радости *Усладѣ* посвящаетъ златыя фѣалы свои, полныя искромешнаго меда и пѣнистаго пива, напишками, веселящими сердце браноносныхъ племенъ *Нордомъ* чшимаго *Одина* (16).

Свѣтовидъ охраняетъ Славянъ; онъ милуетъ роды ихъ. Въ сей день священный *Ахронейскій храмъ* (17) гремитъ ему торжественнымъ пѣніемъ, коему отвѣпствуетъ веселоозывное эхо рошъ и горъ всея Ругены. Воспоемъ же и мы древнюю пѣснь праотцевъ нашихъ озаряющему дни *Свѣтовиду*, и осребряющей ночи *Триглавъ*.

Стекайшесь пресстарѣлые и молодые Славянороссы, достохвальныя потомки славныхъ предковъ! Грядише блорумяныя Россіянки, сестры, супруги, дщери, невѣсты богатырей (18), украшеніе страны нашей и честь черноокихъ матерей своихъ; стекайшесь громогласные юноши, и вы, честію вѣнчанные воины! возгремите пѣснь давнюю покровительствующему насъ *Свѣтовиду*. Онъ даруетъ изобиліе плодовъ и сшоль же ярко освѣщаетъ нынѣ побѣды наши на Западѣ, сколь пламенно осіявалъ ихъ доселѣ на Востокѣ и Полунощи (19). А вы, голосистыя жены и милоликія дѣвы, воспойте *Триглаву*. Васъ, дѣвы, пышный цвѣтъ добродѣтели, любовь и радость душъ геройскихъ, васъ научаетъ она образомъ своимъ крошкѣму цѣломудрію, вдыхаетъ въ васъ тихій нравъ и въ дѣвическихъ, уединенныхъ шеремахъ вашихъ, въ сихъ сокровенныхъ ошъ спрасшей хранилищахъ невинности, кои спрегомы богинями *Носою* и *Линою* (20), располагаетъ она не видимою рукою ваши очаровательныя прелести. А къ вамъ, жены,

владычицы великихъ сердець, приводитъ *Триглава* воз-
торги и щастіе въ благословенную сѣнь супружеской
вѣрности; блюдетъ непорочное, кедровое ложе ваше и
благопоспѣшествуетъ рожденію непреоборимыхъ ратно-
борцевъ нашихъ! Всѣ же купно будемъ молишь свѣто-
носныхъ боговъ сихъ, да пронесутъ они вмѣстѣ съ лу-
чами своими славу опечесшва нашего въ грядущіе вѣки.

Обращаясь къ небесамъ.

Призываю васъ, бессмертные чада *Повелителя*
вѣковъ (21), сладкоглаголивый *Бальдеръ* (22) и *Браге*
(23), и тебя, прекрасная *Идуна* (24), хранящая ябло-
ки, обновляющія юность боговъ. Вы даруете сладость
литію *Одина* (25); да будутъ пѣсни наши толико же
торжественны, какъ древле пѣніе свыше вдохновенныхъ
Скальдовъ (26), внушителей и питателей славы; или
толико доброгласны и восхитительны, какъ звуки
Барда (27) временъ нашихъ, славящаго знаменитые
подвиги вѣнценосныхъ потомковъ *Рурика*, *Князей* и
Воеводъ Славяно-Россійскихъ.

Съ восторгомъ и въ пророческомъ
изступленіи восклицаетъ:

Се слышанъ шумъ ярыхъ волнъ играющаго озера;
онѣ плещутъ у мшистыхъ камней, свидѣтельствую-

щихъ бытность столицы *Синава*. Сей дробный шумъ возвѣщалъ намъ недавныя побѣды, новыя торжества на Западѣ великаго и быспроумнаго Воеводы нашего *Всеслава* (28), коему самъ первоначальный *Перунъ* (29), сильный богъ, чествуемый въ Великомъ Новѣ-градѣ и громкомъ Кіевѣ вручалъ на поражение сопосланныхъ молніеносный шаръ свой изъ огненныхъ рубиновъ и пламенныхъ карбункулей слѣянный. Начнемъ, Славяне, начнемъ моленіе *Свѣтовиду* и *Триглаву*, искони знаменующимъ славу нашихъ Царей и нашихъ опцевъ. Уже лучезарное чело *Свѣтовиды* явилось на горахъ; — златыя кудри его развѣваются по облакамъ Востока; зажигайше дубы и благовонную пихту. — Начинайше Славянороссы!

По сихъ словахъ мгновенно зажигаютъ двенадцать дубовъ и двенадцать пихтъ. Начинается жертвоприношеніе. Тельцы упадаютъ подъ священною сѣкирою. Полагаются на олшарь плоды земли, и вливается на нихъ медъ и пиво. Между тѣмъ сонмы народа начинаютъ пѣть попеременно.

(Пѣсни ихъ таковаго содержанія:)

Ликъ старцевъ, мужей и юношей.

Прославимъ и воспоемъ одушевляющаго всю шварь *Свѣтовиды*, снраны и грады наши охраняющаго (30).

Ликъ женъ и дѣвъ.

Воспоемъ кроткую *Триглаву*, пишиною и покоемъ жилища наши ограждающую.

Воины водружаютъ копья свои въ землю.

Ликъ общій.

Благодаримъ васъ, свѣшила животворящія Природу! за всѣ низпосланныя къ намъ щедроты въ нынѣшнее лѣтообращеніе. — Будьте всегда къ мольбамъ нашимъ преклонны.

Молимъ васъ: внимайте гласу сердецъ нашихъ; даруйте намъ всевозделѣнныя блага, украсьте величіемъ и славою вѣнецъ нашего бѣлаго Царя.

Ошверните отъ отечества нашего всякое зло; да погрузится оно въ подземныя пропасти страшнаго Нія (31).

Юноши и Дѣвы.

О веселовзорый *Свѣтовидъ!* Царь дней златокудрявый, всегда молодой (32), всегда пригожій! И ты, прелестная *Триглава*, царица лѣсовъ, любящая глядѣться въ зеркалѣ водъ, краса и честь небесъ! внимайте мольбамъ нашимъ.

Ушучни, благоносный *Свѣтовидъ!* въ послѣдующіе годы нивы наши плодorasпительною ланацею (33). каплющею со свѣслыхъ власовъ твоихъ.

А ты, благовліяшельная *Триглава!* отжени серебряными стрѣлами твоими отъ стадъ и полей нашихъ звѣрей хищныхъ и всякое плешворное повѣтріе.

Л и к ъ о б щ і й.

О лучезарное солнце! ты, котораго свѣшодашель-
ныя очи обыкли зрѣть величїе Нова - града и славу
Кїева, молимъ тебя: укрась паче спрану рожденїя
нашего.

Молимъ тебя: укрась ее шако, дабы во всемъ без-
мѣрномъ пуши швоемъ чрезъ пространныя поприща
вселенной ни единая спрана прекраснѣе и славнѣе
Россїи тебѣ не встрѣчалась, и дабы народы свѣша,
прельщенные блаженствомъ дней нашихъ, стекались
ошвсюду подъ державу Монарха Россійскаго, какъ въ
велелѣпный храмъ Бога благошворящаго.

Мужи, старцы и воины.

Свѣтовидѣ! богъ рашоборцевъ! доселѣ содѣйство-
валъ ты Рурику въ спремительномъ побїенїи Галловъ
(34), покоряй и нынѣ Славяноросскому Владыкѣ градъ
и царства.

Твоими лучами блиставшій мечъ Игоревъ приводилъ
тѣмъ сопротивныхъ въ шрепешъ; храбрый Святославъ,
покрышый швоею адамантовою бронею, ужасы и споны
ошмешающею на сильныхъ Грековъ, дивно превозмогъ
несмѣшное ихъ ополченїе (35).

Сколько было вѣковъ богатырскихъ! Скандинавскїе
Королевичи къ намъ приходили научаться рашобор-

спвію (36). О солнце! вездѣ ты сопутствовало всегда торжественнымъ орламъ Россіи.

Но, пусть текутъ вѣки невозвратно — сыны славы живы. Они ликуютъ въ свѣтозарной *Валкѣ*.

Просимъ тебя, *Свѣтовидѣ*! да не постигнутъ насъ неминуемая *Норниры* (37) въ праздности; но даруй намъ жребій опцевъ нашихъ.

Да встрѣтятъ насъ священныя *Валки* (38) посреди побѣдъ, или трудовъ гражданскихъ, отечеству полезныхъ, и съ честію да проводятъ чрезъ *мостъ боговъ* (39) въ превѣчный чертогъ *Одиновъ*.

Тамъ, вмѣстѣ съ прародишелями нашими пьющими пиво, веселіемъ безконечнымъ духъ ободряющее, да будемъ и мы причастны непрерывно радостному пи-рованію ихъ.

Ю н о ш и.

Вѣчно - молодой *Свѣтовидѣ*, богъ сіянія и войны! даруй намъ храбросць и преодоленіе во брани; даруй намъ силу сотерши дланію нашею съ лица земли всякое зло, прошивное богамъ и вредное человечеству.

Да возблистають наши *щиты ожиданія* (40) достопамятными изображеніями, и отечество да удостоитъ внести наши имена въ преславныя свои *лѣтописи* (41).

Ж е н ы.

Цѣломудренная *Триглава*! ты, которую чтятъ въ странахъ дальнихъ подъ именемъ *Иллиѳи* и могущественной *Луцины*, но которую мы величаемъ наименованіемъ *Дидили* (42), благопоспѣшествующей чадорожденію, взываемъ къ тебѣ!

Даруй, чтобы поколѣніями Россіянъ наполнилось все имѣющее быти пространство вѣковъ.

Благословляй всегда дражайшія намъ узы *Полеля* (43).

Обогащи дома наши сынами мужественными, сугубящими славу отечества; дщерями прелестными, плѣняющими любовію сердца Царей иноплеменныхъ (44).

Даруй, разящая звѣрей богиня! да каждая Россіянка приноситъ на свѣшъ или богатыря, заступника челоуѣковъ; или красосу, цвѣтъ добродѣтели.

Д ѣ в ы.

Просимъ тебя, непорочная богиня тишины и уединенія! исполни дни наши миромъ, щастіемъ и любовію родительскою.

Укрась нашу юность цѣломудріемъ, кротостію и благонравіемъ, сокровищами, возвышающими прелести нашего пола, превосходящими самую очаровательную красосу.

Но когда всеильный сынъ *Лады* (45) устремить на насъ свои пламенные стрѣлы, то благоволи, богиня! милующая невинность, или навсегда отврати ихъ отъ дѣвической груди нашей; или чтобы сердца наши обладали рыцари, достойные славы.

Сохрани въ насъ во всю жизнь нашу почтенный образъ матерей нашихъ!

Муж и Старица.

Скромная богиня питающая глубокомыслие! Великій Гостомысль и несравненная въ женахъ *Прекраса* (46). уединясь въ тайнственники свои, среди ночного безмолвья, бесѣдовали съ тобою о народномъ благосостоянїи.

Примѣромъ своимъ они изстребили зло, чтили истинну и мудрость, устроили щастїе подданныхъ и на благѣ общемъ основали славу.

Скипшродержцы и Князи изъ краевъ далекихъ пришекали дивиться имъ и научаться отъ нихъ.

Сбылось, богиня! чудесное сновидѣнїе, *Гостомыслу* тобою явленное о дочери его *Умилѣ* (47).

Уже пресвѣтлая багряница Славяноросскаго Царя покрыла полсвѣта, подобно тому пророческому древу, которое возникнувъ изъ нѣдръ *Умилы* до облакъ, осѣнило богатополитвенными вѣтвями своими градъ великій, и отъ плода его насыщаются люди земли.

Свершай, богиня, благость твою, свѣти Россу-

Славянину въ достохвальныхъ его подвигахъ, да вознесешся онъ превыше всѣхъ земнородныхъ.

Ликъ общій.

Свѣшила, прославляющія превыспреннюю швердь! исполняя не исповѣдимо дивное круговращеніе ваше въ безпредѣльномъ царствѣ небесъ, повелише днямъ и часамъ за вами послѣдующимъ, да къ намъ грядущъ они сопровождаемы пѣснями радости, плесками шоржества, празднествами побѣдъ.

При наступленіи годовъ новыхъ, пошлише къ намъ заблаговременно веселую *Зимцерлу* (48), покрывающую холмы душистыми злаками, дабы косненіемъ своимъ не воспрепятствовала она бѣлокурой *Сѣвѣ* (49) обогатить драгоцѣнною жашвою нивы, заботами упишанныя.

Тебя же, богъ пастырей, скошопитатель *Велесъ* (50), просимъ размножь и умучни среброрунныя стада наши.

Сильные боги! къ намъ обратите цѣлебныя воды отовсюду; да струятся онѣ по долинамъ нашимъ, и здравоноснымъ сокомъ упишайте всѣ прозябенія.

А ты, великая *Триглава*, царица созвѣздій, покровительствующая мореплавателей! услышь гласы наши, къ тебѣ единой возсылаемые: управляй Славяно-Росскими конями волнъ (51); проводи ихъ безбѣдно

чрезъ глубокопучинные океаны, олясующіе землю (52);
да соединяшъ они съ нами *новый свѣтъ* (53).

Наши *кони* да сокрушають на *полѣ разбойниковъ*
коней сопротивныхъ, и обремененные чужеземными до-
бычами, да возвращаясь они въ необуреваемые отече-
ства присланища.

Юноши и дѣвы.

Боги, хранители прародителей нашихъ! не раз-
лучайте съ нами никогда прещасливаго и всевожелѣн-
наго *Коляда* (54). Подъ мирнымъ его кровомъ да
успокоятся отцы наши и братья, со славою возвратившіе-
ся съ полей ратныхъ.

Старцы и мужи.

О солнце и луна! украшеніе велелѣпнаго зданія
міра! молимъ васъ: внѣдрите навсегда въ сѣранахъ и
сердцахъ нашихъ добродѣтели нашихъ предковъ; благого-
вѣйное повиновеніе законамъ и любовь общую; ибо *тело-
вѣкъ теловѣку дѣлаетъ радость* (55).

Любовь общая, сокровище дражайшее самыхъ *слезъ*
Фреи (56); броня швердѣйшая адаманша; ею процвѣтаетъ
слава и щастіе отечества; ею хранятся и распро-
страняются царства; она блюдетъ порядокъ, тишину
и свяшость гражданскихъ добродѣтелей (57).

Когда же должно ратоборствовать, то пусть

лучше устелется костями сыновъ нашихъ поле брани, нежели придуть они къ намъ со стыдомъ; намъ оспрадиѣ видѣть ихъ мертвыми, нежели томящимися во плѣнѣ; униженіе и позоръ ужаснѣе самой смерти (58).

Лучше жить хорошо, нежели долго. Когда телѣкъ раскладываетъ огонь, смерть къ нему придетъ прежде, нежели онъ потухнетъ; но слава остается по смерти и не угасаетъ; она переживаетъ и самое время (59).

Ликъ воиновъ.

Они поютъ, ударяя сулицами въ щиты, въ знакъ торжества и радости.

Одинъ — любить роды наши, Свѣтовидъ охраняетъ наши воинства, Перунъ предшесвуешь имъ, и Россамъ побѣдителямъ чуждъ позоръ плѣна: они отважно бьются мечами въ кровавой банѣ (60).

Цѣлыя царства, доселѣ страшныя, повинуются днесъ законамъ Царя нашего, обладателя полсвѣша. Боги и вселенная свидѣтели въ томъ, сколь преславны подвиги предковъ нашихъ, коихъ священный прахъ честно почіетъ въ нѣдрахъ отечества. Славны дѣла предковъ и племень ихъ!

Вѣщаетъ то сама древность, како праотцы наши прославились побѣдивъ на Оракійскихъ поляхъ Императора Гордіана и како владычествовали они въ Галліи и Иверіи. *

Подобно древу ошъ ударовъ сѣкиры возколебавшемуся, со всѣми его пространными вѣшвѣями, пошрясся Царьградъ, со всѣми градами Эллады ошъ мышцы мудраго Олега (61).

Не тако шрепещеть слабый опрокъ, увидя крушащагося предъ ними коня, роющаго копытами землю и наполняющаго всю окрестность грознымъ своимъ ржаніемъ, какъ усшрашился оружія Славянъ гордой Римлянинъ; *страхъ вселенныя* (62) ими былъ сокрушенъ.

Ошцы наши вспомошесшвовали громкому Македонянину въ завоеваніи мѣра (63). Они опверзли ему враша храма вѣчныя славы.

Когда громоносная буря воспекаетъ на сводъ небесный, сыплеть опаляющія молніи свои въ мрачныя дебри, искореняетъ древа и наполняетъ все ужасомъ: тогда звѣри хищные жмушся въ глубокихъ своихъ вершепахъ, и самыя страшныя чудовища дрожатъ: тако торжественныя знамена Славянороссовъ привели въ шрахъ *Персовъ* (64).

Какъ румяная заря ясными лучами своими истребляетъ мракъ, уничтожаетъ густыя туманы и гонитъ ночныхъ птицъ укрышся въ дремучій боръ; насшаетъ красный день, и человѣки веселяшся: тако прогналы мы *Чингиз-Хановы* орды скишатъся по степямъ, и свергнувъ злодѣйское иго кровопійца *Батыя* (65), ликуемъ нынѣ въ красотѣ нашего благоденшвья.

Подобно смущенному путнику, зрящему себя подъ чернымъ кровомъ осѣнной облачной ночи, содрогающемуся, внемля свистъ вѣтровъ и рыканіе лѣсныхъ виташелей, воздыхающему, и невѣдающему куда направить стопы свои: подобно ему смятенъ былъ неустрашимый рыцарь Тевтоновъ (66), когда спѣснила его десница Россовъ.

Гдѣ та кремнистая скала, кошорая доселѣ возносила къ небесамъ гордое чело свое надъ пучинами Понша? Она дерзала заспрашивать сіяніе восходящаго солнца; гдѣ же она днесъ? Всесильный богъ грома, Перунъ сокрушилъ ее, и шокмо что ревъ волнъ ее поглотившихъ, раздается по ошдаленности: тако сбылось со сшроптивымъ Готш-еомъ (67), когда Славяноросскій богоподобный Витязь и Законодашель, олшарей достойный, низложилъ его кичливосшь.

Подобно злобнымъ коршунамъ, терзающимъ робкихъ врановъ, но мяшущимся и цѣпенѣющимъ, увидя орла окресшъ солнца парящаго, несмѣшныя ополченія Агарянъ, обладашелей многихъ народовъ, мяшущся и бѣгутъ опъ сонма побѣдоносныхъ рашеборцевъ нашихъ (68).

А пагубоносная Литва гдѣ? гдѣ сія древняя злокозненная грабишельница Россіи? . . . Россы свѣяли ее, какъ прахъ, съ лица земли (69).

Но шщешно мы шщимся ишчесшь великія дѣла нашихъ опцевъ и согражданъ; ештли бы мы умножили тысячью и шмами побѣды ихъ, шо и шогда не всю,

не всю бы еще измѣрили ихъ славу (70). Кто перечесть лучи солнечные, юнѣ припомнишь и всѣ знаменитыя подвиги племянъ Славянскихъ.

Да и въ семъ новомъ вѣкѣ намъ же, Славянамъ, свыше опредѣлено было спасать Царей на западѣ, и рѣшить судьбу престолавъ; никому, кромѣ Росса, боги не ввѣрили столь многочестнаго подвига.

Между тѣмъ какъ отъ востока до запада пламенила вселенная огнемъ брани, у насъ процвѣтало спокойствіе.

За предѣлами Россіи, сего царства мира, всеобъято было ужасами войны кровавой, и младенцы шепсали на рукахъ матерей своихъ; — а мы вкушаемъ плоды благоденствія.

Между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ спучишь плугъ рашая о черепы согражданъ его, и земледѣлецъ собираетъ хлѣбъ съ нивы кровію сродниковъ его ушутенной, мы торжествуемъ побѣды наши и въ покоѣ внемлемъ произшествіямъ міра.

Сугубо благодаримъ васъ, Властители судебъ! и молимъ: дополните, дополните вождѣнное число щедрошъ вашихъ! просимъ васъ: дабы сродное къ великимъ дѣламъ юношество наше процвѣтало всегда въ доблести; а подъ шлемомъ посѣдѣвшая старость да насладится честію внуковъ своихъ!

Ю н о ш и.

Ошжените, боги, ошъ сшраны нашей дерзновенныя
ополченія иноплеменныхъ на сушѣ и на моряхъ, по-
вергните подъ неколебимую пѣту ошцевъ нашихъ ужа-
сныхъ *Волотовъ* (71) и чудообразныхъ *Полкановъ* (72),
страшилищъ оскорбляющихъ Природу.

С т а р ц ы и м у ж и.

А ты, грозное божество! люшый *Черно-богъ* (73)!
обрати бѣдствіе, гибель и всѣ напасши на главу тѣхъ
злѣкозненныхъ враговъ, кошорые тайно покушѣся на
насъ.

Да покроешь пеплъ грады ихъ; да порасшутъ
мхомъ ихъ жилища; сшада бышронѣгихъ ланей да
ошдыхаютъ не робко шамъ, гдѣ свершались шумныя
ихъ пированія; ушроба звѣрей дубравныхъ да будетъ
гробницею лишеннымъ *тризны* (74) косшямъ ихъ;
всепожирающій жупель огненными языками своими да
полижешъ ихъ землю, и мимоидущій сшранникъ да
не познаешъ мѣста обшалища ихъ.

Л и к ъ о б щ і й.

Но да украсѣтся обиліемъ веси наши; да возни-
кнутъ до звѣздъ злашоглавые грады Россовъ; славно-
престольныя столицы Царей нашихъ да превзойдутъ

лѣпошою своею дивный Вавилонъ, стоврашы Оивы (75), страшный свѣшу Римъ, и всѣ возлѣшые грады Ахейскіе. Благоденствіе да водворится у насъ во вѣки.

Воины, старцы, мужи и юноши.

Чудесныя свѣшила, знаменующія величіе неба! благодаримъ васъ за подвиги побѣдоноснаго *Всеслава*, громкаго Князя и Воеводы силъ превосходной части свѣша. Онъ былъ честію ошечества и дивомъ всего міра.

Вешхая лѣпопись вселенной вѣщаетъ, что шако древле нѣкій знаменишый во Грекахъ, Ашридъ, вель Царей къ стѣнамъ Иллїона; во дни же наши боги избрали *Всеслава*, избрали Росса предводителствовать *Порфирородными Витязями*.

Ему поручили они раздавать скиптры Царямъ; ему ввѣрили судьбу міра, и великому духу его не было препонъ.

Страшныя горы, чудовищныя чада Гельвеціи, преклоняли предъ нимъ главы свои, громадами вѣчныхъ льдовъ увѣчанныя и превыше облаковъ блистающія.

Онъ премѣнялъ ужасныя стремнины въ удобо-проходимые доли; солѣствующіе свѣшу водопады, цѣлыя скалы изторгающіе, уступали ему путь; онъ

превозмогалъ непреодолимую Природу.

Вамъ токмо единымъ, сильные боги! вамъ токмо не трудно шворишь шоль разительныя чудеса, какія шворилъ *Всеславъ*, приводившей въ недоумѣнїе весь родъ слабыхъ смертныхъ.

Нашъ Россъ, нашъ Князь славы возвышался какъ вѣковѣчный кедръ хребтовъ Гиперборейскихъ и вознесъ купно съ собою опечество свое на самый вышній степенъ безсмертія; Цари, на югозападѣ рожденные, къ нему въ родство вступали, къ нему, посреди мразовъ сѣвера съ огненною душою родившемуся.

Доколѣ швердъ существуетъ, дошолѣ страна рожденія его почтется первою шраною во всей подсолнечной.

Но когда наступяшъ новыя вѣки, вѣки праправнуковъ нашихъ и дни еще шого дальнѣйшіе, шо и шогда, и шогда храбрыя рыцари во сонмахъ своихъ будущъ разглагольствовать о великихъ дѣлахъ *Всеслава*.

Мудрыя Полководцы, тошовась къ приступамъ и боямъ уклоняшя въ безмолвное уединеніе, на холмъ пустынный, и тамъ при дрожащемъ свѣшѣ луны погрузяшя о немъ въ размышленіи; или, при мерцаніи полночной лампы, въ шатрѣ безшумномъ, мечшашъ будущъ о его побѣдахъ, и въ его безсмертномъ военнодѣйствіи почерпнушъ примѣры достохвальныхъ побѣдъ своего времени.

Наши правнуки, дѣды новыхъ потомковъ, не престанутъ швердить въ пѣсняхъ торжества его громкаго имени.

Ошъ нетиблющихъ памяшниковъ его посыплются лучи славы въ сердца ихъ позднѣйшихъ потомковъ, и возродятъ въ нихъ подобныхъ ему богатырей.

Иноплеменникъ съ благотовѣнїемъ скажетъ о немъ сыну своему: *се богъ войны во образѣ Росса!*

Подъ освященною сѣдиною, коею лѣта и подвиги украшали неоцѣненную главу его, скрывалась неутомимая быспроша къ побѣдамъ; она была стремительнѣе полета орла младаго.

Яко швердое чело *Рисфя* (76) неколебимо посреди всесокрушающихъ бурь, шако да будетъ онъ славенъ во всѣхъ вѣкахъ.

Ю н о ш и и д ѣ в ы.

Склоните слухъ вашъ, божества предковъ, къ самымъ пламеннымъ мольбамъ нашимъ. Свершите, свершите усердное наше желанїе: дайте всѣ блага дражайшему намъ Царю; мы посвящаемъ ему всю жизнь свою.

Воины, старцы, мужи и жены.

Повергаемся предъ шобою, о правящей временами *Свѣтосидѣ!* сіяй во всемъ велелѣпїи лучей швоихъ по-

среди яхонтоваго свода небесъ! услышь гласы наши и сверши наше всеобщее желаніе.

Утѣшай всегда сердце Царево; мы прилѣплены къ Нему всею душою; и веселіе Его — наше щастіе.

Въ сіе время приносятся кони на жертву, яко даръ лучшій и угоднѣйшій Свѣтовицу; начинаются разныя гаданія, и главный Жрецъ созерцаваетъ внутренняя жертвѣ.

Д и к ъ о б щ і й.

О вседѣйствующій *Свѣтовидъ*, и побѣждающая мракъ ночей *Триглава*! боги, чтимые подъ различными именами у всѣхъ народовъ, и ты повелитель стихій, *Перунъ*! и вы мочныя Силы, движущія громаду мѣра, и всѣ Духи добрые, населяющіе горній чертогъ *Одиновъ*! внимлите гласы сердецъ нашихъ.

Призываемъ и васъ, благоносныя созвѣздія, призываемъ днесь всѣхъ житейней неба, и молимъ низпослать преизящнѣйшіе дары ваши неизрѣченно возлюбленному *Вѣндеславу* (77), Великому Царю Славянороссовъ.

Прѣисполняйте всегда домъ его блаженствомъ и славою.

Тебѣ, *Свѣтовидъ*, онъ подобенъ въ лѣпотѣ; онъ вождельнное солнце дней нашихъ; его сестры *Прекрасы* да ошастливаютъ безсмертіе самаго *Одина* (78). Его милые братья да украсятъ доблестію всю нашу стра-

ну; его благолюбивая маперь, да покровительствуетъ всегда человѣчеству; его нѣжную участницу жизни, въ лицѣ коея мы зримъ всѣ добродѣтели, чтишь не преспаемъ нашею маперью.

Украшайте, Боги, украшайте престоль его правосудіемъ, милосердіемъ и любовію.

Да лѣпится изъ очей его радость въ души его подданныхъ, и гласъ его да будетъ всегда гласомъ щастія человѣковъ.

Могущественная десница его да обладаетъ *поясомъ земли и кораблемъ плавающимъ на вѣкахъ* (79).

Онъ сынъ Слассителя народовъ (80); ему да покорятся всѣ племена земныя. Сильные боги! распространише предѣлы царства его отъ востока и до запада, отъ сѣвера и до юга.

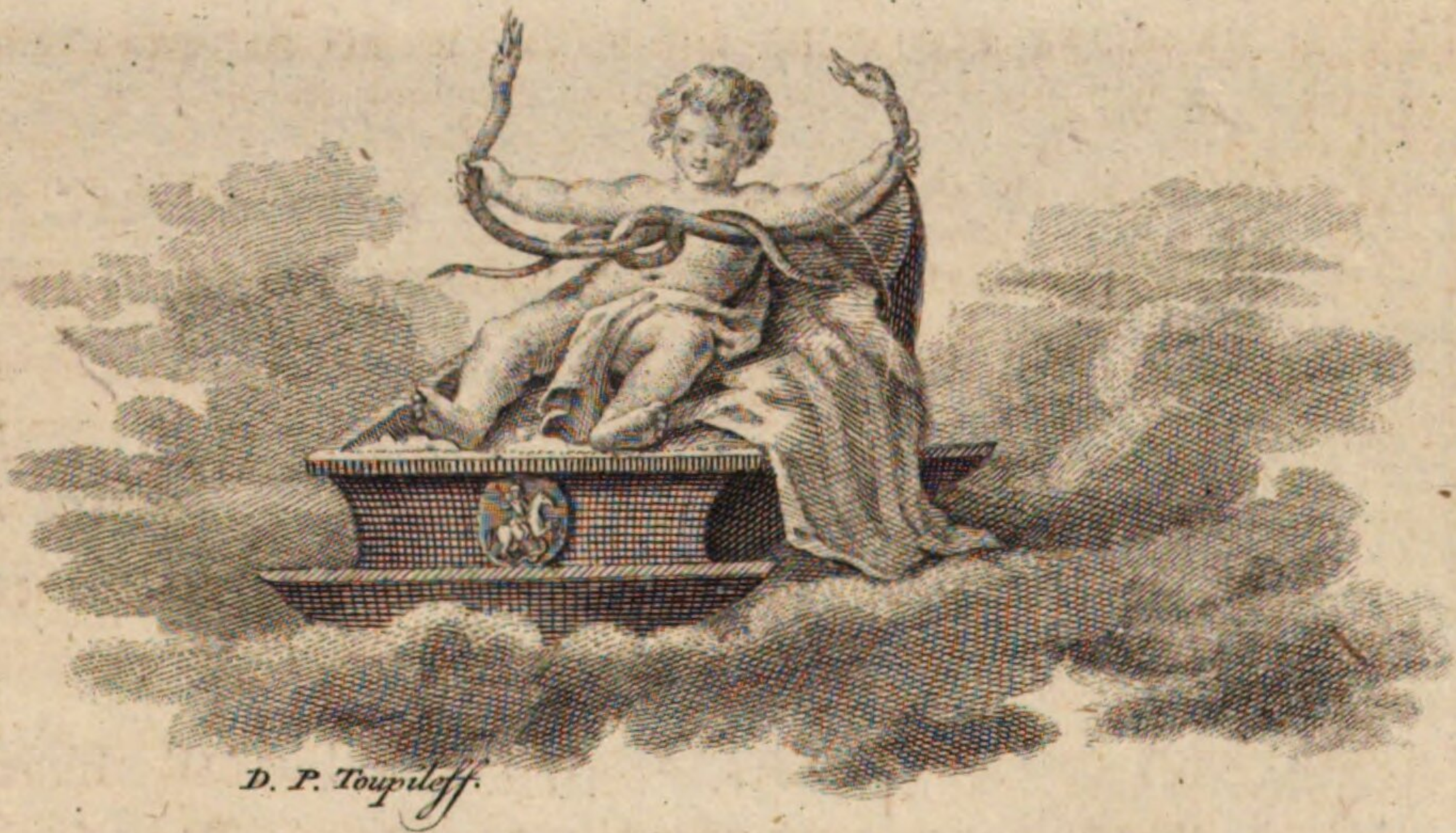
Да будетъ Держава его Держава всего свѣта, ибо единому Царю Россовъ, по добродѣтелямъ его, достоитъ быти Царемъ всей подсолнечной.

Главный Жрецъ.

Въ восторгѣ обращается къ народу; слезы радости кающа по ланишамъ его; онъ возклищаетъ:

Ликуйте сыны славы, възграйте Россы! Небеса обѣщаютъ намъ явить сугубыя щедроты. Все благовѣствуетъ событіе нашихъ желаній; великій Вѣнцеславъ

будетъ обладателемъ вселенныя. Се вѣютъ *Догоды* (81);
древа помаваютъ вершинами; рѣки плещутъ во брега;
не вой звѣрей, но пѣніе пернатыхъ раздается по ро-
щамъ; пщицы рѣютъ, играя въ воздухъ; огонь *Знига*
(82) ярко пылаетъ; пламенѣютъ дубы (83), и густой дымъ
ихъ клубомъ вьется подъ облака; *провѣщательные круги*
(84) пали бѣлымъ лицомъ въ верхъ. Понесемъ же сіе радост-
ное упованіе въ дома наши; да исполнится вся спра-
на веселіемъ, и да взыграютъ младенцы на персяхъ
машерей своихъ! . . . Слава Россіи пребудетъ во вѣки!

П Р И М Ъ Ч А Н І Е.

- (1) По окончаніи жашвы собирався весь народъ Руганскаго острова предъ капище *Свѣтовидѣ* для великаго празднества, и приносилось богу сему множество скоша въ жершву, яко богу подашелю плодовъ.
- (2) *Свѣтовидѣ*, или *Святovidѣ*, богъ сіянія и войны, верховное божество Славянъ, Вандаловъ, Богемцовъ и Пафлагонянъ. Имя его означало *Святый свѣтъ*, всевидящій, смѣтр. Ис. Росс. Там. Ч. 1. гл. 2. стр: 14 и 15 и Опис. Древн. Славянс. Баснословія. стр. 32. — *Триглава*, Славянская *Діана*, получившая свое имя отъ приглаваго испукана своего. Она была чшима Болгарами и Вандалами, а въ Кіевѣ имѣла капище на поляхъ, какъ *Звѣроловица* (*Діана*); Славяне почитали ее и подъ именемъ *Зеваны*, коей молилися о щасливомъ звѣроловствѣ. — Опис. Баснослов. стр. 16 и 44. Исп. Росс. Там. въ той же главѣ и на той же стр. — Изъ сего явствуетъ, что Славяне подъ сими именами обожали солнце и луну, какъ Греки обожали сіи свѣтила небесъ подъ именемъ *Феба* и *Діаны*, или *Кинѣи*.
- (3) Бѣлозерское Княжество въ старину было славно; оно составляло лучшую область Новаграда и извѣстно было въ древности подъ именемъ *Веси*. Въ немъ жили сѣверные Славяне. А когда Синавъ основалъ на озерѣ свою столицу, коей остатки и поднесъ видны, тогда поселились шумъ Варяги и составили съ Славянами одинъ народъ, введя въ обычай ихъ поклоненіе *Одину*. Потомъ на Бѣлозерѣ княжилъ Великій Князь Константинъ Всеволодовичъ, и былъ родоначальникъ Князей Бѣлозерскихъ, коихъ знаменитое ополченіе противъ *Мамая* способствовало Димитрію Іоанновичу Донскому низложитъ сего злодѣя Россіи. — Сіе Княженіе претерпѣло великія бѣды отъ Литвы и Шведовъ; стѣны Кириловскаго монастыря свидѣтельствуютъ, что оный монастырь доселѣ былъ швердая крѣпость въ защищеніе отъ враговъ Россіянами построенная. — Преданіе, согласное съ лѣтописями Кириловскаго монастыря. — Знаменитый лѣтописатель Несторъ родился на берегахъ Бѣла озера.
- (4) Г. Болшинъ въ примѣчаніи своемъ на Историческое представленіе изъ жизни Рурика говоритъ, что у язычниковъ Руссовъ не было богамъ храмовъ, но обыкновенно жершвы ихъ приносилися на горахъ и холмахъ. — Какой величественной образъ поклоненія! Исторія говоритъ, что Игорь при заключенія съ Греками мирнаго тракта, клался предъ Перуномъ на Холмѣ.

- (5) У всѣхъ язычниковъ Сѣвера, а паче у Скандинавовъ и Славянъ, при торжествахъ и жертвоприношеніяхъ зажигались дубы въ честь *Одину* и прочимъ богамъ, вмѣсто факеловъ и свѣчъ. У Варяговъ и Руссовъ зажигалась и благовонная *лихта*, дерево, имѣющее пріятнѣйшій кипариса запахъ и подобное кедру; только иглы его весьма мягки и душисты, оно растетъ въ сѣверной Россіи, около Олонца, Каргополя, Устюга и Архангельска. Сими деревьями нарочно обсаживаемы были священные и жертвенныя мѣста на время празднествъ, и думать должно, что дубы доставались изъ южныхъ сторонъ; ибо сѣе дерево не растетъ на сѣверѣ.
- (6) Варяговъ хоронили доселѣ съ воинскими доспѣхами, и на шѣла ихъ насыпали высокіе бугры, курганами зовомые, что также было у Шведовъ и у всѣхъ Готтовъ, — Исп. Росс. Там. Ч. 2 — Примѣч. н. 95. стр. 378 и 379. Жизнь Ольги — Ядро Росс. Исп. стр. 41. — О Славянахъ же говоритъ Несторъ (въ той же Исп. Ч. 2 стр. 8. — о народахъ), что ихъ шѣла сожигали, и собравъ косы въ судъ, поставляли на шпиль при пущахъ; но первой обычай погребенія сдѣлался общимъ во всей Славянороссіи.
- (7) По числу 12 главныхъ боговъ.
- (8) У Древнихъ соблюдаемо было вездѣ (равно у Римлянъ и Грековъ) число двенадцать, въ честь числу боговъ; ибо и въ книгѣ Эдды, въ баснѣ VIII написано: „Боги числомъ двенадцать собирались каждой день подъ огромнымъ вязомъ, называемымъ *Идразилъ*, раздая правосудіе смертнымъ. „И по сему числу избиралось и число священнослужителей, для приношенія жертвъ, и число судей въ судилищахъ, каковы были въ Даніи, Швеціи и Норвегіи подъ названіемъ *Сенапа*.”
- (9) *Марцана*, Славянская богиня жатвы. Во время празднества избирались двѣ прекрасныя дѣвы, изъ коихъ одна представляла *Марцану*, а другая *Сѣву*.
- (10) *Сѣва* или *Сиба* богиня Славянъ Варяговъ; ее изображали съ длинными ниже колѣнъ волосами: она держала въ правой рукѣ яблоко, а въ лѣвой гроздь и почиталась какъ *Помона*, или *Церера*, богиню садовъ и хлѣбородія.
- (11) *Мустомъ* назывались пироги, изъ меду и муки сдѣланные, кои приносились въ жертву *Свѣтовиду* вмѣстѣ съ плодами.
- (12) *Уладъ* Кіевскій богъ пиршествъ и веселія. При торжествахъ избирался всегда лучший юноша и представлялъ бога веселія.
- (13) Еще и понынѣ ведется обыкновение у Бѣлозерцовъ приносить сопы и пиво для освященія. Славяне и Варяги долго не знали никакихъ другихъ напитковъ, кромѣ пива и меду.
- (14) *Знакъ дыма*, было гаданіе по дыму. Руссы и Варяги по обычаю Скандинавовъ вознѣтали костры изъ шѣлъ жертвенныхъ, зберегае-

мыхъ въ священномъ *Одиновомъ* лѣсѣ для сожженія въ честь претъ-
му богу *Тору*; и есѣли высоко поднимался дымъ, то было добрымъ
знакомъ. О дымѣ, см. Mallet, introduction de l'histoire de Danemarck.
О богахъ; Ис. Росс. Там. Ч. I. гл. 2. стр. 17. — У Славянъ гаданіе
дымомъ производилоя еще и по *Зничу*, такъ называемому священ-
ному огню, которому сооружены были у нихъ храмы и приносили-
ся жертвы, также какъ у Римлянъ огню *Весты*. Къ сему *Зничу*
прибѣгали съ мольбами въ случаѣ болѣзней и вопрошался оракулъ.

(15) *Четыреобразный Свѣтовидъ*. Кумиръ его былъ преогромной величи-
ны, изъ крѣпкаго дерева, о чепырехъ лицахъ, обращенныхъ къ че-
пыремъ сторонамъ мѣра, востоку, западу, сѣверу и югу, и каждое
лицо означало одно изъ чепырехъ временъ года. *Свѣтовидъ* былъ
изображаемъ безъ бороды, съ завишыми кудрями, въ короткой одеж-
дѣ, по обычаю Славянъ Ругенскихъ; въ лѣвой рукѣ имѣлъ лукъ,
а въ правой рогъ изъ мешалла; на бедрѣ висѣлъ у него превеликой
мечъ въ серебряныхъ ножнахъ; въ сторонѣ висѣло сѣдло и узда
коня его, и были величины преогромной. Истуканъ сей нахо-
дился въ славномъ Ахронейскомъ храмѣ и завѣшиваемъ былъ крас-
ными превеликолѣпными покрывалами.

(16) *Одинъ*, великое божество всего сѣвера (Мальетъ въ введеніи въ
Данскую Историю описываетъ о немъ подробно). Сей богъ почи-
тался ужаснымъ, грознымъ, сокрушителемъ и побѣдоносцемъ, прави-
телемъ вѣковъ, повелителемъ неба и земли, строителемъ небесъ, сѣ-
та, и создателемъ человека, долженствующаго жить вѣчно. Онъ
существовалъ съ *Волотами*, или великанами своими еще прежде
мѣра. — Вотъ какъ разумѣли о *Одинѣ* все жители Норда. Въ знакъ
набожности своей сѣверные народы посвятили ему чепвертый день
недѣли, и называли оной *odens dag*, или день *Одина* да и нынѣ еще,
во свидѣтельство поклоненія ему, хранимся у насъ оставшееся
отъ Славянъ Варягоруссовъ начальное слово счисленія *единъ* или
одинъ. Сочинитель Историческаго предсавленія изъ жизни Рурика
говоритъ устами Добрынина предсавляя Рурику о судьбѣ преспу-
гнаго *Вадима*, точно сими словами: „рикази его судить по за-
„кону прародителя своего *Одина*, сей пришедъ съ Дона проходилъ
„часъ Руси; его законъ есѣ законъ Славянъ., и проч. — и Г.
Болтинъ сего не опровергаетъ.

(17) *Ахронейскій храмъ* былъ храмъ *Свѣтoviда*, воздвигнутый въ горо-
дѣ Ахронѣ на островѣ Ругенѣ, близъ Помераніи. Храмъ сей былъ
дивнаго велелѣпія, и наполненъ богатыми приношеніями. Онъ
столь же былъ знаменитъ на сѣверѣ какъ храмъ Ефесской на во-
стокѣ но *Вадмаръ*, Данской Король, взявъ Ахронъ, разорилъ всѣ
храмы, и сей съ прочими.

(18) У древнихъ Россовъ и Славянъ шиломъ богатыря величали Ге-
роевъ, побѣдителей, рыцарей. Надлежитъ полагать, что это было

- шшло храбраго мужа; какъ нынѣ у насъ шшло Кавалера; ибо Влади-
миръ, сынъ Святослава, наименовалъ *Яна* Переяславца богатыремъ,
а отца его ближнимъ своимъ Бояриномъ за побѣду одержанную
надъ Печенегамъ, и въ честь первому построилъ на рѣкѣ Трубежѣ
городъ Переяславль.
- (19) Вселенной извѣстны вѣчнопамятныя побѣды Россіянъ надъ Турка-
ми и Шведами, въ теченіе осмагонадесяти столѣтій одержан-
ныя; побѣды, родившія новыхъ Героевъ превзошедшихъ многихъ сла-
вою своею прежнихъ Героевъ Европы.
- (20) *Носса*, дочь бога *Одера* и богини *Фреи*, столь была прекрасна,
что называли ее именемъ все то, что ни было лучшаго и драгоцѣн-
наго. *Лина* вторагонадесяти богиня: подъ ея присмотромъ были
все тѣ, коихъ богиня *Фригга* миловала и охраняла отъ злополучія.
- (21) Такъ назывался *Одинъ* у всѣхъ народовъ Сѣвера.
- (22) *Сладкоглазый Бальдеръ* былъ сынъ *Одина*, мудрой, краснорѣчи-
вый и сіяющей очами богъ Сѣвера.
- (23) *Браге*, также богъ Сѣвера; онъ былъ покровитель краснорѣчія и
Стихотворства; тоже что у Грековъ *Аполлонъ*.
- (24) *Идуна* жена *Браса* богиня хранящая яблоки, которыхъ естли
вкушаютъ боги, когда почувствуютъ они себя престарѣвающимися, то
опять воспріимутъ прежнюю молодость и бодрость свою.
- (25) Скандинавскіе пѣвцы *Скальды*, называли стихотворство *литіемъ*
Одина. см: Датскую Испорію.
- (26) Скальды были Скандинавскіе Стихотворцы и Пѣвцы, тоже что
Барды у Каледонянъ. Датскіе и Шведскіе Короли никогда не высту-
пали на войну безъ *Скальдовъ*. *Геральдъ* давалъ имъ на пирахъ первыя
мѣста. Они не знали льсти, строго разсматривали дѣла Героевъ и
предавали въ потомство шокмо достойныя хвалы подвиги. *Одинъ*
Норвежской Король поставилъ многихъ изъ нихъ около себя въ день
сраженія, и сказалъ имъ: вы не повѣстуйте, что услышите, но что
сами увидите собственными вашими глазами.,.
- (27) *Барды временъ нашихъ*. Подъ симъ шиломъ Пѣвца вдохновеннаго
кто не узнаетъ Гавріила Романовича Державина, коего громкая лира
раздаваться будетъ и въ самыхъ отдаленнѣйшихъ вѣкахъ? — *Барды*
на Цельшскомъ языкѣ значить *пѣвцы*. Барды воспѣвали славныя дѣла
Героевъ. Они столь почтены были отъ народа, что ставъ на средину
двухъ войскъ, могли остановить сраженіе, хотя бы оно и начато было.
Барды почитались выше вдохновенными и были судіями поведенія
гражданъ своихъ. — *Тренморъ*, прадѣдъ славнаго *Оссіана*, Правитель
Каледонянъ, низложилъ *Друидовъ*, умножилъ преимущества *Бардовъ*.
Барды были тоже, что Скальды у Датчанъ и у всѣхъ Скандинав-
скихъ народовъ. Одно названіе ихъ шокмо различно.
- (28) Славяне производили имена свои отъ свойствъ духа и отъ славы.
Всеславъ значить имя мужа, одареннаго всеми совершенствами,

- составляющими великаго Героя, и обладающаго всею славою своего времени. Сіе торжественное, многоизъяснительное и во вѣки швердое имя по всѣмъ правамъ принадлежишь великому Побѣдоносцу, несравненному Князю Ипалійскому, Графу Александру Васильевичу Суворову Рымникскому, грозному Воеводѣ силъ Царя Русскаго.
- (29) *Перунъ*, Славенскій первоначальный богъ. Богъ грома и всѣхъ воздушныхъ дѣйствій. Онъ имѣлъ великолѣпное капище въ Кіевѣ и Новѣ - градѣ на высокихъ холмахъ. Голова у него была серебряная, уши и усы золотые, ноги желѣзные; въ рукахъ держалъ онъ молніеносный шаръ, рубинами и лаломъ (карбункулемъ) украшенный, и священный огонь горѣлъ предъ нимъ неугасимо.
- (30) *Свѣтовидъ*, страны и грады охраняющій. Сему богу посвященъ былъ бѣлый конь. Народъ вѣрилъ, что богъ ѣздитъ на немъ побѣждать сопосланныхъ, и обѣщаетъ грады и страны Славянскія, отгоняя отъ нихъ всякое зло и вредъ.
- (31) *Страшный Нѣй*, подземный богъ Славянъ, тоже что у Грековъ былъ *Плутонъ*.
- (32) *Свѣтовидъ* всегда молодой — какъ выше сказано въ примѣч. 15 — представляемъ былъ безъ бороды и почитался молодымъ и пригожимъ. Никто такъ хорошо не описалъ *Свѣтовид*а, какъ *Каллимахъ*, древній Греческой пѣвецъ описалъ его въ гимнѣ своемъ *Аполлону* — и безъ намѣренія. Стараюсь токмо изобразить Греческаго *Зеба*, онъ изобразилъ Славянскаго *Свѣтовид*а во всѣхъ его чертахъ; разница только въ томъ, что Греческой богъ обѣ однимъ, а Славянской о четырехъ лицахъ. — Доказательство, что великіе умы встрѣчаются въ изображеніяхъ истинны, и обитая въ разныхъ концахъ міра описываютъ ее одинаково какъ бы согласясь.
- (33) *Панацея*, благовонное миро, которое кпало на землю съ золотыхъ волосъ *Аполлона*. Сіе взято изъ *Каллимаха* по поводу сходства свойствъ *Аполлона* съ *Свѣтовидомъ*. *Панацея* на Еллинскомъ языкѣ, естли сказать слово въ слово, значитъ *всему лекарство*; но Греческой пѣвецъ говоритъ о ней: „Блаженна та нива, которую ты утучнишь; на ней прозябнутъ рясніи, плодами богатыя..“
- (34) Сочинитель Исторіи представ. изъ жизни Рурика говоритъ, что Рурикъ былъ подъ самою столицею Галловъ, (Французовъ), завоевалъ многіе ихъ города.
- (35) Великій Князь Святославъ, воюя съ Греками, увидѣлъ чрезвычайное силъ ихъ превосходство, и рѣшился лучше умереть, нежели постыдно отступить; но съ малымъ числомъ храбрыхъ Россіянъ онъ преодолѣлъ многочисленную силу и былъ невредимъ; что древніе отнесли къ чудесному защищенію *Свѣтовид*а.
- (36) Исторія увѣряетъ, что Датскіе и Шведскіе Королевицы служили у Руссовъ и Славянъ въ воинствѣ. Смол. Исп. Рос. Там. главу о торговлѣ Руссовъ и Славянъ.
- (37) *Норниры*; у Сѣверныхъ народовъ были тоже, что Парки у Грековъ

Онѣ назывались *Урда*, *Верданда* и *Скулда*. Имена ихъ значащѣ прошедшее, настоящее и будущее. Ихъ почитали пребывающими съ людьми неразлучно.

- (38) *Валки*, дѣвы служащія *Одину*. Онѣ препровождали Героевъ на войнѣ убитыхъ въ *Валкалу*, рай храбрыхъ, иначе называемый пресвѣтлый чертогъ *Одиновъ*, гдѣ Герои вѣчно пируютъ, и пьютъ медъ и пиво изъ череповъ непріятельскихъ. — Что баснословіе Сѣверныхъ народовъ было баснословіе Руссовъ, и что понятіе о будущей жизни было точно такое, какъ здѣсь изъяснено, то доказательство сему можно видѣть въ примѣчаніи Г. Болшина на Историч. представ. изъ жизни Рурика.
- (39) Скалды называютъ радугу *мостомъ боговъ*, *путемъ неба*, по коему Боги и Герои возходящѣ отъ земли въ чертогъ *Одиновъ*, или рай храбрыхъ.
- (40) *Щитъ ожиданія* былъ у *Данчанъ*, *Шведовъ*, а пошому и у *Варяговъ* (ибо обычаи и *Варяговъ* были одинаковы съ сими народами.) Молодой человекъ, вступя въ службу, на первой разѣ получалъ щитъ гладкой, называемой: *Щитъ ожиданія*, носилъ его такъ, до тѣхъ поръ, пока славными дѣлами своими не приобрѣталъ позволенія начертать на немъ знаменитые знаки своей храбрости. Никто не смѣлъ имѣть щита украшеннаго знаками геройства, кромѣ воиновъ оплечившихся заслугами.
- (41) У *Славянъ - Руссовъ* и *Варягъ* каждой юноша почитался воиномъ, имѣлъ щитъ, мечъ, конь и всегда готовъ былъ къ войнѣ. См. примѣчаніе Г. Болшина на Историч. представл. изъ жизни Рурика.
- (42) *Дидилія* тоже, что у *Еллиновъ Иллиоія*, а у *Римлянъ Луцина*. У нѣкоторыхъ *Славянъ* подъ именемъ *Дидиліи* почиталась *Триглава*, и симъ именемъ называли ее женщины молившіяся о благополучномъ чадорожденіи, а бездѣшныя просили о дѣтяхъ.
- (43) *Полея*, *Славянскій Гименей*, богъ браковъ, слѣдующій за *Лелемъ*, сыномъ *Лады*, богомъ любви.
- (44) Одинъ *Норвежской Король* весьма изумился, что не смотря на его восемь воинскихъ подвиговъ презрѣла имъ *Россійская дѣвица*, въ которую онъ былъ влюбленъ и хотѣлъ взять за себя. — Исторія говоритъ, что *Россійянки* были Героини; что единый блескъ оружія прельщалъ прекрасныя очи Сѣверныхъ красавицъ; что единая слава оружія довольствовало ихъ собственную любовь; что единая любовь оружія могла соединиться съ истинною горячностью. — *Черниговская Княжна Церна*, въ которую былъ влюбленъ *Батый*, отвергла скипетръ и царство, отъ него ей предложенныя, и рѣшилась лучше умертвить себя, нежели вступить въ бракъ со врагомъ ея отечества.
- (45) *Сынъ Лады*, какъ выше сказано, *Славянской Кулидонъ*, а *Лада*, *Славянская Венера*.
- (46) Прекрасною сперва именовалась мудрая *Ольга*. Сія Великая Героиня

и Царица удивляла всѣхъ современныхъ ей Владыкъ благоразумнымъ своимъ народоправленіемъ и великими дѣлами. О *Гостомыслѣ* же говоритъ Исторія, что онъ бѣ мужъ храбръ и мудръ, и что многіе Князи отъ дальнихъ странъ приходили моремъ и землею послушати его мудрости, видѣти его судъ и просити его совѣтовъ. Все сѣ можетъ равномерно относиться къ ПЕТРУ I и ЕКАТЕРИНѢ II.

- (47) *Умила*, средняя дочь *Гостомысла* и мать *Рурика*. Отецъ ея видѣлъ во снѣ, что изъ чрева ея выросло древо велико, плодовишо, и покрыло градъ велій, отъ плодовъ же его насыщались люди вся земли. — *Іоакимъ Новгородскій*.
- (48) *Зилцерла*, Кіевская богиня весны. — *Флора*.
- (49) *Сѣва*. См. примѣч. 10.
- (50) *Велесъ*, Славянскій богъ скотоводства; его почитали во второмъ степени по *Перунѣ*. Онъ имѣлъ божницу въ *Кіевѣ*.
- (51) *Конемъ волю* назывался у *Скалдовъ* корабль.
- (52) *Поясомъ земли и полемъ разбойниковъ* называлось у нихъ море.
- (53) *Новый свѣтъ*. Кому не извѣстны достойныя вѣчной хвалы путешествія *Шелехова*? Онъ соединилъ Россію съ Сѣвѣрною Америкою, многія тысячы дикихъ образовалъ и покорилъ Державъ Россійскихъ Государей. — *Новой Колумбъ!* бессмертный человекъ!
- (54) *Коляда*, Кіевской богъ мира; празднество ему совершалось съ великимъ веселіемъ и играми 24 Декабря.
- (55) Точное изреченіе самаго *Одина*. Даш. Исп.
- (56) *Слезали Фрей* Скалды называли золошо. Богиня *Фрея* разставшись съ супругомъ своимъ *Одеромъ*, которой пошелъ странствовать въ дальные края, плакала о немъ неутишно и слезы ея претворялись въ чистое золошо.
- (57) Кто изъ Россовъ не знаетъ о томъ, что здѣлали бессмертные и памятниковъ достойные мужи, *Пожарскій* и *Мининъ*, будучи подвигнуты любовію общюю и ревностію къ спасенію отечества?
- (58) Это истинная черта великаго духа Славянороссовъ, черта ихъ природы, доказанная несмѣтными побѣдами и завоеваніями. См. примѣчаніе Г. Болшина на Исп. предсав. изъ жиз. *Рурика* и Росс. Исп. Тамъ жизнь *Святослава* перваго.
- (59) Подлинныя слова *Одина*. Дашс. Исп.
- (60) *Кровавою банею* Скалды называли войну.
- * Въ 242 году Славяне извѣстные въ то время подъ именемъ *Аланъ* побѣдили при *Филиполисѣ* во Фракіи на открытой битвѣ Императора *Гордіана* воевавшего противу Персовъ. Въ пятомъ же вѣкѣ *Алане* вмѣстѣ съ единоплеменниками своими *Вандалами* вошли въ *Галлію* (Францію) и *Иверію* (Испанію), гдѣ волю царя ихъ *Атакса* все покорствовало. — См. книгу о народахъ издревле въ Россіи обитавшихъ.

- (61) Олегъ побѣдилъ Грековъ и въ знакъ побѣды своей повѣсилъ щитъ свой на вратахъ Константинополя. Ист. Росс. Там. Ч. 2, — лист. 20.
- (62) Августъ писалъ къ полководцу Лукуллу, чтобы онъ оппюдь не заводилъ войны съ непреодолимыми Сармашами — Подъ симъ названіемъ разумѣли Римляне всѣхъ Славянъ. — Аппилу, которой писался *страхъ вселенныя* Славянороссы, Сармашами именуемые, побили на голову на поляхъ Кашалонискихъ. — Ядро Росс. Ист. стр. 19.
- (63) Славяне помогали Александру Великому въ завоеваніи міра, и похвальную грамоту отъ него получили, которая находится въ архивѣ Султана Турецкаго.
- (64) Сколько разъ Дербентъ и Бака были залогамъ Россійскаго торжества надъ Персами! Въ семъ древнемъ царствѣ Дарія во вѣки памятны будущъ не однократныя побѣды Россійскаго воинства, и славный прапрапрадедъ ПЕТРОМЪ I съ Персіею заключенный. (См. Дѣян. ПЕТРА Великаго Част. 8 стр. 388 и 389. Да и во дни ЕКАТЕРИНЫ Премудрой, вождь силъ ея, Гр. Зубовъ великодушіемъ своимъ и храбросію воинства подтвердилъ Персамъ всегда постоянную славу Россовъ.
- (65) Царства Казанское, Астраханское и Великая Пермія, были доселѣ подъ державою губителя Россіи, *Батые*, потомка *Чингизханова*, завоеваващаго почти всю Азію. съ оныхъ царства и еще многія страны Востока составляли одно обширное Ордынское Государство, котораго столицею былъ городъ, такъ называемый *Шири Сарай*, т. е. *золотой дворецъ*, гдѣ жилъ *Батый*, и отъ чего имя Золотой Орды произошло. Развалины сего города и понынѣ видны на берегу рѣки *Ахтубы* въ 35 верстахъ отъ Царицына, — См. Казанскую Исторію о *Чингизханѣ* и *Батые*.
- (66) *Рыцарь Тевтоновъ*, безсмертный Фридрихъ, Король Пруссій. потомокъ Кавалеровъ Тевтоническаго Ордена. До 1525 года Пруссія принадлежала симъ Кавалерамъ, и предокъ его *Албрехтъ*, младшій сынъ Бранденбургскаго Дому, былъ Великимъ Магистромъ того Ордена и проч. — Спашья изъ Географіи Аббата да ла Круа — И Фридрихъ испыталъ, сколь тяжка десница разгнѣваннаго Росса.
- (67) Гошѣи предки Шведовъ. — Достопамятное бытіе Карла XII свидѣтельствовало, будетъ во всѣхъ вѣкахъ величіе богоподобнаго ПЕТРА I, творца Россіи и сокрушителя Швеціи.
- (68) Вселенная икогда не забудетъ побѣды безсмертнымъ *Задунайскимъ* при Кагулѣ надъ Турками одержанной.
- (69) Гдѣ Польша, древняя губительница Россіи? . . . а слава Великой ЕКАТЕРИНЫ, пребудетъ долготѣнѣе самыхъ царствъ; съ нею пойдетъ въ вѣки и Гр. Суворовъ.
- (70) Дѣйствительно побѣды Россіянъ не смѣжны. Исторія соблюла

много доказательствъ, весьма достаточныхъ на ураженіе зависпниковъ и лжехулищелей Россіи, что не токмо въ ПЕТРОВЪ и ПАВЛОВЪ вѣкъ, для нее столько славный, но и во время еще опдаленнѣйшей древности Славянороссы были побѣдищели царствъ, и лучшій народъ во всей подсолнечной, самый приверженнѣйшій ко благу отечества своего. Великіе мужи, Князь Пожарской Князь Долгоруковъ! и ты великій Мининъ, благошворители всего попомства, примѣръ Героевъ и Судей! Священныя имена ваши разпалютъ сердца потомковъ сугубымъ жаромъ любви къ отечеству. — Вы являетесь какъ солнца, при каждомъ помышленіи о славѣ отечества.

- (71) *Волоты* были у Славянъ тоже, что у Грековъ *Тиганты*, или великаны.
- (72) *Палканы*, Славянскіе *Кентавры*.
- (73) *Черно - Богъ*, или черной богъ, у Славянъ былъ богъ зла, какъ у Персовъ *Ариманъ*.
- (74) *Тризна*, торжественное поминовеніе по усопшихъ, отправляемое съ жертвоприношеніями. Князьямъ и Вельможамъ приносили на признахъ плѣнниковъ въ жертву. — См. Истор. Росс. — Жизнь *Ольги* и той же Исп. примѣч. — Ч 2 стр 395.
- (75) Слава *Өивъ* и дивное ихъ великолѣпіе описаны подробно *Діодоромъ Сиц.* въ кн. 1 опдѣл 2 стр 75
- (76) *Рифей*, или *Рифейскія горы*, названы по имени *Рифата*, внука *Мосохова*, нынѣ называющагося горами *Уральскими*, а съ ними вмѣстѣ подъ однимъ названіемъ и горы *Гиперборейскія*. Сей поясъ горъ весьма славенъ въ Исторіяхъ *Иродота*, *Діодора* и прочихъ древнихъ бышій Писателей, гдѣ помѣщено много басней о народахъ, обитавшихъ за сими высокими горами, куда ни одинъ изъ древнихъ путешествователей не осмѣливался пускаться, конечно по причинѣ степей и снужи. Полагаютъ, будто на горахъ *Гиперборейскихъ* былъ храмъ *Аполлона*. *Діодоръ* говоритъ, будто *Гиперборейцы* присылали въ *Делосъ* богатыя приношенія *Аполлону*, и что Греки почитаютъ сего бога пришедшимъ отъ *Гипербореевъ*.
- (77) *Вѣнцеславъ*. Симъ изящнымъ и безсмертнымъ именемъ назывались у Славянъ Владыки мудрые, побѣдоносные. Въ наши времена сіе превосходное и много выразищельное наименованіе совершенно принадлежитъ Государю обожаемому Россією: **АЛЕКСАНДРУ I.**
- (78) Въ книгѣ *Эдды* упоминается, что *Одинъ*, бывъ въ Россіи, полюбилъ *Ринду*, Царевну Русскую, и сочѣтавшись съ нею имѣлъ отъ нея сына *Вали*, опмстившаго смерть *Бальдеру*.
- (79) Поясъ земли, какъ выше сказано, есть море; а кораблемъ, плавающимъ на еѣкахъ, Скальды называютъ землю.
- (80) Священнымъ шитломъ Спасителя народовъ возвеличили Царя Славянъ народы спасенные Его рукою отъ жестокощии Франгузовъ. Доколѣ

сіянь будетъ солнце, до полъ вселенная не престанетъ чшпть въ
 ПАВЛЪ I Защитника Царей.

(81) *Догода*. Славянской богъ прїятнаго вѣтра и ясной погоды, поже
 чшо и *Зефиръ*.

(82) *Зничъ* См. примѣч. 14; знакъ дыма.

(83) У сѣверныхъ язычниковъ во все время жертвоприношенїя горѣли
 дубы. См. примѣч. 5, о дубахъ и пихнѣ.

(84) *Провѣщательные круги*. У Славянъ было множество гаданїй въ
 употребленїи. Они гадали по дыму, по крику животныхъ, по полету
 птицъ, по струямъ и пѣнѣ рѣкъ, по движенїю и яркости огня
 и проч. но гаданїе кругами было самое главное. Круги сїи имѣли
 одну сторону бѣлую, а другую черную; когда круги, бывъ брошены
 упадали бѣлою стороною вверхъ, тогда народъ радовался: ибо то
 былъ щасливой знакъ. — Сверхъ того еще было особое гаданїе по
 поступи между копьями коня *Свѣтовидова*. — Гаданїя производимы
 были во время жертвоприношенїя. — См. Описанїе Славянс. Басно
 словїя, стр. 38. —

Опечатки въ книгѣ: *Картина Славянской древности*

страниц.	стр.	напечат.	читай.
10	18	вливается	возливается
12	15	градъ	грады
29	1	Примѣчанїе	Историческія примѣчанїи.
—	—	Руганскаго	Руганскаго
32	8	превзошедшихъ мно- гихъ славою своею прежнихъ	превзошедшихъ славою своею многихъ прежнихъ
—	19	<i>Идуна</i> жена <i>Браса</i>	<i>Идуна</i> жена <i>Брага</i> .

СЛАВЯНСКІЯ ПѢСНИ.

СВАДЪНЧІКЪ ПЪСНМ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Славянскія пѣсни суть слабое подражаніе прекраснымъ пѣснямъ Амазонокъ, Нѣмецкаго Автора *Вейсе*. — Сей Геній Германіи вдохнулъ мнѣ мысль обратишь-ся къ досхопамятнымъ вѣкамъ нашихъ предковъ, къ вѣкамъ богатырскимъ; я увидѣлъ, что въ пѣсняхъ Амазонокъ сіялъ, какъ солнце, духъ Славянъ; тотъ великій духъ, который древле водилъ полками ихъ и перомъ *Бояна*. И такъ придерживаясь единственно онаго, вездѣ торжествовавшаго въ геройскія времена, духа сыновъ славы, я представляю потомкамъ побѣдоноснаго народа вмѣсто Амазонскихъ пѣсней пѣсни Славянскія, яко пѣсни опечесственныя. — Въ Картинѣ Славянской Древности, въ 37 примѣчаніи сказано мною, что Славянки, или Россіянки, были героини, — какъ то свидѣтельствуешь и сама Исторія; — что единый блескъ оружія прельщаль прелестныя очи сѣверныхъ красавицъ; что единая слава оружія довольствовала ихъ собственную любовь; что единая любовь оружія могла соединиться съ истинною горячностью. Слѣдовательно Амазонскія пѣсни, пѣсни Славянъ. Въ доказательство

тому, что народы сѣверные имѣли обычай сопрягать любовь съ храбростію воинскою, служивъ достигшая до нашихъ дней пѣснь Геральда храбраго, Норвержскаго Князя, кошорой бывъ влюбленъ въ дочь Ярослава І го, въ прекрасную Елизавешу не иначе получилъ ея руку, какъ по свершеніи многихъ славнѣйшихъ подвиговъ и вошъ какъ Ирой жалуется въ пѣсни своей на суровость благородной красавицы.

Павелъ Лвовъ.

П Ъ С Н Ъ

Геральда Храбраго.

Корабли мои какъ обѣхали,
Какъ обѣхали всю Сицилію;
Возблиспали мы честью, славою.
Темной мой корабль съ вои храбрыми
Быстро волны сѣкъ по моей волѣ.
Любовался я сей охотою,
Сей охотою мореходною —
А всѣо не милѣ я Руской дѣвицѣ!..

* * *

Я сраженъ вѣлъ въ моей юности
Со народами со Дронштеймскими;
Войска были ихъ многолюднѣе:

Тутъ была битва, битва страшная;
 Чшо ни страшная, кроволишная!
 Я Царя повергъ на сыру землю —
А всею не милъ я Руской дѣвицѣ!..

* * *

Во ладѣ было насъ шестнадцать душъ:
 Вбушевалася буря грозная,
 Подняло валы море синее,
 И нахлынуло ладью полную;
 Мы потчасъ воду всею вылили,
 И я чаялъ ужъ получить успѣхъ —
А всею не милъ я Руской дѣвицѣ!..

* * *

Шести подвиговъ мнѣ не снать учишь;
 Я сражаюсь храбро, рыцарски:
 На борзомъ конѣ быстро бѣгаю;
 Мастерски плавать — то мое дѣло;
 На конькахъ лешѣшь, мнѣ какъ пыль смешать;
 Копѣ бросаешь — кто проворнѣе?
 Во гребцахъ греси — ни мапросу такъ! —
А всею не милъ я Руской дѣвицѣ!..

* * *

Ты скажи, скажи, прелюбезная,
 Молодая ты, красна дѣвица!
 Въ день шотъ, какъ въ странѣ во полуденной

Я сраженіе далѣ кровавое ;
Я не храбро ли нападаѣ въ бою,
Не оставилъ ли славныхъ признаковъ
Моихъ подвиговъ и моихъ побѣдъ? —
А всею не милъ я Руской дѣвицѣ!..

* * *

Я съ младенчества въ первой свѣтѣ узрѣлъ
Во высокой ли во Норвегій.
Ея жителей нѣтъ искуснѣе
Напрягать легко луки крѣпкіе
И бросать изъ нихъ стрѣлы меткія.
Но я лучше счелъ управлять суда,
Страхъ и ужасъ сей для людей простыхъ,
Управлять суда между скалъ морскихъ,
Гдѣ слѣдовъ нѣту человѣческихъ,
Гдѣ полетъ птицъ не былъ въ воздухѣ;
Кораблями я тамъ моря переплылъ —
А всею не милъ я Руской дѣвицѣ!..

СЛАВЯНСКІЯ ПѢСНИ.

I

Сбыславъ и Владислава.

Пѣснь лѣтая о разбитіи Аттилы на поляхъ Каталонитскихъ ().*

Владислава.

А! вошь онъ, вошь мой богатырь, покрытый прахомъ поля ратнаго, обогранный кровію полковъ *Аттилинныхъ*; съ лица его кашится пошь градомъ! Никогда *Сбыславъ* не являлся мнѣ столь прекрасенъ! никогда очи его не сіяли столь живымъ, столь яркимъ огнемъ!

Бѣги ко мнѣ! . . . я шрепещу отъ радости! Подай мнѣ орлеперый шлемъ швой; подай мнѣ швой мечъ; съ него еще спруишся кровь! обними меня, переведи духъ, и въ моихъ обѣщаніяхъ отдохни отъ ужасовъ брани.

(*) Исторія увѣряетъ, что Славяне, подъ именемъ Сарматовъ и Роксоланъ болѣе въ древности извѣстные, побили на голову *Аттилу* на поляхъ Каталонитскихъ.

Успокойся на персяхъ моихъ! я опру потъ съ чела твоего, я смою кровь съ ланитъ твоихъ!... Какъ румяна щека твоя!... *Сбыславъ!* ахъ! *Сбыславъ!* твоя *Владислава* никогда еще не пылала къ тебѣ столько пламенною любовію!

Ни даже тогда, когда ты, ополченный всею отважносцію юношескихъ лѣтъ твоихъ, пришелъ ко мнѣ подъ сѣнь многолѣсныхъ дубовъ, и заключивъ меня въ сильныя твои объятія, унесъ далеко отъ родины моей! тогда еще я усматривала въ очахъ твоихъ твое безсмертіе; а нынѣ, нынѣ познаю совершенно, что оно твое богатое достояніе.

Вы же, пѣвцы временъ богатырскихъ, Скальды! возгремите на доброгласныхъ арфахъ вашихъ, въ священныхъ рощахъ молніедержавнаго *Перуна* (*), возгремите пѣснь побѣды, и возвѣстите міру, что *Сбыславъ* безсмертнѣе *Аттилы*.

С б ы с л а в ъ.

Почто ты завиваешь въ кудри власы мои? Или ты не зришь досточтимаго *Метеслава*, престарѣлаго опца моего, плавающего въ крови? онъ уснулъ навѣки,

(*) *Перунъ*. Богъ грома, темныхъ облаковъ и всѣхъ воздушныхъ дѣйствій; первый богъ Славянъ.

распростершись по долинам ратной. О! если бы не спасся бѣгствомъ *Аттила*, сей бить боговъ, млатъ вселенныя (*), коего шрепещуть звѣзды, дрожитъ земля я размешалъ бы члены его по всему побоищу. Страшные *Гунны*, *Скиѣи*, *Аварь*, *Аланы* и цѣлыя народы, составляющіе ужасные міру полки его, (***) не заградили бы *Аттилу* отъ руки моей.

В л а д и с л а в а.

Дозволь мнѣ, *Сбыславъ*, дозволь завить кольцами твои курчавые власы; подъ эшимъ свѣжимъ вѣнкомъ они будутъ мнѣ милѣе! *Метеславъ* ликуешь въ черпогѣ *Одина* (***) лучше за нимъ послѣдовашъ, нежели крушишься о немъ.

II

*Прощаніе Славянки съ любезнымъ ея,
при началѣ войны.*

Полно, юный воинъ! полно наслаждаться любовію и покоемъ. Доселѣ ты щилъ шокмо нравишься мнѣ,

(*) Тако самъ о себѣ выдавалъ *Аттила*.

(**) Всѣ сїи народы составляли угрожающую всему свѣту опустошеніемъ силу *Аттилы*, когда пришелъ онъ изъ *Скиѣи* въ *Галлію*. — Въ книгѣ, *Картина Древности*, част. I глав. 2. стр. 34.

(***) Черпогъ *Одина*, пресвѣшлый рай сѣверныхъ героевъ.

и увѣрять меня, что любовь твоя безмѣрна.

Доселѣ по отъ хорошаго вина, по отъ пламенныхъ устъ моихъ разгорячалось твое рьяное сердце; ты засыпалъ подъ нѣжнымъ звукомъ цѣвницъ, ты почи-валъ въ моихъ объятіяхъ.

Днесъ ты пробуждаешься отъ грознаго звука бубновъ и трубъ воинскихъ; преизящныя пѣсни брани зовутъ тебя къ богатырскимъ подвигамъ.

Гордое знамя уже распустилося и вѣется надъ главами воинства. Уже раздаются грома *Радегаста* (*); онъ подымлетъ страшное копье свое и вызываетъ тебя сражаться.

Твой бодрый конь уже обсѣдланъ: онъ роемъ копытомъ землю, крушитъ бурною головою своей, алчешъ бою; изъ ушей его валишь дымъ, изъ ноздрей его пышетъ огонь.

Онъ опѣняетъ позлащенные брозды блестящей узды и потрясаетъ волнистою гривой; серебряныя удила хрустятъ въ челюстяхъ его: уже ли ты не

(*) *Радегастъ*, идолъ Варяжской. Онъ держалъ на груди щитъ съ изображенною воловьею головою, въ лѣвой рукѣ копье, на шлемѣ имѣлъ пѣтуха съ распроспертыми крылами. Сей богъ почитался защитникомъ градовъ, и былъ *Марсъ* Варяговъ; ему приносились въ жертву плѣнники. По окончаніи жертвоприношенія начинался жертвенный пиръ съ музыкою и плясаніемъ. *Радегастъ* былъ храбрый Князь Вандаловъ, и Аланъ, и братъ того славнаго *Аларика* Князя Норманскаго, который взялъ Римъ.

слышишь, какъ порывисто ржеть онъ и призываетъ симъ тебя?

А тамъ ратникъ, склонясь на щипъ свой, горитъ нестерпимъ. Супруга мать подноситъ къ нему сына, чтобъ еще разъ облобызала онъ его; она рыдаетъ, не можетъ вымолвить ни слова. Онъ беретъ младенца, прижимаетъ его къ отеческой груди своей, и по шомъ хладнокровно опсылаетъ ихъ обоихъ.

Что медлишь ты? . . . Опоясуй мечъ твой: онъ жаждетъ крови враговъ. Ахъ! когда извлеченъ будетъ онъ изъ влагалища своего, то да нанесутся имъ вѣрные удары, да не падетъ онъ изъ руки твоей, доколѣ она будетъ имъ дѣйствовать! Отчество да почитаетъ его, и да речетъ о немъ нѣкогда: *Симъ метемъ владѣль Витязь.*

На полѣ брани да трепещетъ сердце твое отъ возжеланія славы, точно такъ, какъ мое бьется отъ любви; это вѣрное тебѣ сердце!

Лобзаніями твоими ты осушаешь источники слезъ, текущія по огненнымъ щекамъ моимъ. Ахъ! если бы я могла на побоищѣ осушить лобзаніями моими кровь и потъ, коими чело твое будетъ орошено!

Слава ожидаетъ тебя на сраженіи; она требуетъ тебя отъ любви моей; о юный воинъ! слава моя со-
вѣстница; къ ней токмо единой я тебя ревную.

Сступай, гряди! ознаменуй твое мужество и не

сворачайся съ ной снѣзи, которая ведетъ Витязей къ
вѣчной славѣ.

III.

Радостная Пѣснь Славянки

При возвращеніи любезнаго ея по окончаніи войны.

Онъ идетъ!... внимай прилѣжно, ухо мое! молодой
богатырь мой идетъ. Восходитъ солнце, и освѣщаетъ
поле брани кровію увлажненное.

Уже раздаются тимпаны и трубы у вратъ башенъ
нашихъ: внемля симъ звукамъ, сердце мое замираетъ
отъ радости; моя грудь трепещетъ.

Лѣсъ блистающихъ копей приближается въ огро-
мномъ строѣ, и знамя, пронзенное стрѣлами, тор-
жественно вѣетъ надъ полками.

Уже я вижу длинные ряды всадниковъ приближаю-
щимися. Чей конь играетъ посреди ихъ? Не тотъ ли
это конь, на которомъ полетѣлъ мой любезный по
дорогѣ, лежащей къ славѣ?

Но вотъ и самъ онъ! вотъ мой любезный!
онъ шочно. Пламя взоровъ его проникаетъ сквозь обла-
ко пыли; зеленая вѣшвь украшаетъ шлемъ его, и потомъ
окроплено его лице.

Сокрой сіяющий мечъ твой во влгалище, мечъ

только бѣдоносный сопрошивнымъ! спрыгни съ бурнаго
коня твоего, спрыгни прямо въ мои объятія!

О радости! о наслажденіе! . . . Прижми меня смѣ-
лѣе къ груди твоей: отъ восхищительныхъ лобзаній
нашихъ да перельется душа моя въ твою душу.

Сколь прелестенъ мужественный, загорѣлый отъ
солнца зракъ твой! ты не столь былъ пригожъ то-
гда, какъ нѣжился въ прохладной тѣни рощъ.

Небрежно размешанные волосы твои издають за-
пахъ военныхъ огней; волосы твои стократъ прекра-
снѣе теперь, нежели были они завиты къ кудри и
умажены благовонными мазями.

Ты опоясуешь меня златою леншою! откуда эта
ленша? О всевождебное щастіе! . . . Ею украшено бы-
ло знамя сопрошивныхъ, тобою у нихъ опьяшное.

Опоясуя меня сею леншою, ты связуешь во мнѣ
славу съ любовію. Какъ злато ея свѣшится отъ солн-
ца. . . . такъ душа моя горитъ тобою!

Твоя грудь раскрылась посмотришь . . .
много ли на ней ранъ? . . . Ахъ! дай мнѣ видѣть ихъ,
исчислишь, и покрывъ несмѣнными лобзаніями.

Ахъ! почто я не могла видѣть твою алую кровь,
какъ текла она изъ ранъ? почто не могла я удержавъ
ее, между тѣмъ какъ ты бы успокоился на груди
моей?

Любовь глубоко запечатлѣваетъ въ сердце моемъ

сїи знаки славы; они въ немъ останутся незаглади-
мы до самаго гроба.

IV.

Пѣснь Славянки

Во время шума сраженія, еда ли происходящаго.

Да, ужасная брань начинается . . . основаніе земли колеблется; зарево рдѣетъ на небѣ; громъ гремитъ и ошдается во глубинахъ преисподней.

Рыдающія жены и шерзающіяся матери объяты страхомъ и ошчаяніемъ: онѣ трепещутъ, едва дышатъ.

При каждомъ звукѣ, исходящемъ изъ пылающаго огнемъ жерла смерти и достигающемъ на крылахъ вѣтра до слуха ихъ, онѣ выпускаютъ вопли скорби.

Прочь отъ меня, чувствованіе несмысленной толпы! прочь, постыдныя воздыханія! Здѣсь мужество сражается; за нимъ слѣдуетъ торжество; поздравляю тебя, молодой воинъ мой!

Но что я испытую? . . . что за трепетъ объемлетъ всѣ мои члены? Я воспаряю; вихрь подьмлетъ меня превыше облаковъ!

Подъ стопами моими проспираются мраки ночи, той ночи, которая въ пылу битвы и явную смерть содѣлываетъ невидимою . . .

Но я вижу два воинства, предстоящія одно другому въ спрашномъ чинѣ: они измѣряють шагами своими обширную гробницу свою; обогранные кровію вѣнды будутъ добычею побѣды.

Разширь крылѣ твои, Слава! разсѣй туманы, да узрю подвиги младаго вишязя моего, да узрю его ратоборствующа.

Гдѣ онъ? . . . А! я усматриваю его шамъ въ первомъ ряду воиновъ. Они всѣ подобно ему рвущся преодолѣть смерть и доспичь побѣды.

Они составляютъ ужасную тучу, готовую родить бурю! Тако зрящся облака, перунами преисполненные, когда просягаются они по вершинамъ горъ и ниспускаются въ долины.

О юноша, воспламененный славою! буди непобѣдимъ. Ты сражаешься за отечество, на тебя устрелены мои очи!

Я вижу его одушевленна доблестивеннымъ жаромъ мужества, и шoliko швердымъ, какъ нешремѣнна судьба. Смерть уже въ десницѣ его: горе тому, кто дерзнетъ ему противустати!

Кипящее неперпѣнїемъ сердце его негодуешь, что не съ него началось сраженїе, между шѣмъ какъ по другую его страну текутъ уже рѣки крови.

Свирѣпѣющій подѣ нимъ конь багрилъ брозды

кровавою пѣною: хочешь пускаться, рвешься и пер-
заешь ногами землю.

Десять крашъ юный вишнякъ мой надвигалъ на че-
ло шлемъ свой съ видомъ гнѣвнымъ и грознымъ; онъ
втайнѣ ропщетъ на Воеводу своего, почему не велишь
ему ударить на врага.

Онъ обращаетъ къ нему взоры свои . . . Постой!
какіе пріятные раздались звуки! возбудишельная шру-
да загремѣла; объявляющая битву дробь бубновъ уже
разсыпалась по воздуху.

Вражда и смерть бѣгутъ на крикъ брани: онъ
вооружены окровавленными свѣшочьми и обьяшы гу-
стыми парами смрадного жупела.

Онъ сообщаютъ ярость свою душѣ cadaго. Сердца
бьются подъ лапами, и ратоборцы алчутъ шокмо
смерти.

Въ шѣни нахмуренныхъ бровей сверкаютъ раска-
ленные ихъ очи; закусивъ отъ гнѣва трепещущія уста,
они являютъ люшость свою въ каждой чертѣ лица.

Наконецъ юный богатырь мой оправилъ шлемъ на
величавой главѣ своей; взволновались на немъ перья,
сталь блеснула, и храбрые сподвижники его повинуютъ-
ся единому его манію.

Ряды смыкаются, кони зближаются, производя
зыкъ отъ брони. Свершилось! . . . онъ повелѣлъ, осла-
билъ броды, и самъ первой пустился какъ молнія.

Подобно богу войны, онъ предъидетъ, послѣдуемъ будучи своими храбрыми. Врагъ прошивится ему; но внезапно мечъ витязя моего пролагаетъ широкую дорогу.

Тако многоводный пошокъ, проливнымъ дождемъ усугубленный, спремится съ высоты горней, увлекая волнами своими спада, древа и самые камни.

Горы, до небесъ возносящіяся, не сильны остано- вить быстроты его; онъ мчитъ на влажномъ хребтѣ своемъ знаки великихъ опустошеній.

Какіе крики! какой шумъ!... левъ спязуется съ шитромъ. А! теперь по вину отцевъ воспоминаемы въ сердцахъ сыновъ ихъ.

Страшной гулъ грохочетъ по лѣсамъ, эхо воеетъ въ пещерахъ кремнистыхъ скалъ; звѣненіе ратныхъ доспѣховъ и стукъ мечей наполняютъ воздухъ; мертвые и умирающіе покрываютъ землю.

Но что я зрю! цѣлые легіоны возстали на моего витязя, окружили его, какъ будто онъ одинъ опаснѣе всѣхъ противоборцевъ... Ахъ! уже конь его обогренъ кровію.

Онъ бѣжитъ, бѣжитъ... Несчастная! что мнѣ представилось?... Прочь позорное и ужасное видѣніе! я отверщаю отъ себя взоры мои, и болѣе не познаю тебя, витязь мой!

Увы! что естли онъ бѣжалъ!... Ему бѣжать? бѣжать моему любезному съ поля славы? бѣжать ему, копорый

всегда искалъ побѣды, или смерти? . . . : Нѣтъ . . .
скорѣе умру, нежели увижу его бѣгущимъ.

V.

*Пѣснь Славянки**При любви непріятеля.*

Раздался звукъ могущественной трубы! Побѣда
наша! слава гремитъ; душа моя воспрянула! Гдѣ сопро-
тивные? . . . Они бѣгутъ.

Тщешно врагъ сокрываетъ блѣдное и опечаленное
лице свое во облакъ пыли; устрашенный голубь не
избѣгнетъ быстрыхъ орлихъ зѣницъ.

Супостать бѣжитъ! — но онъ гибнетъ, разимый
десницею богатыря моего, который, попирая умираю-
щихъ, устилаетъ землю трупами.

Непріятель бѣжитъ! — Тако бѣгутъ тучи отъ
сильнаго дуновенія разъяреннаго *Похвиста* (*); онъ раз-
сѣяны: ихъ нѣтъ ужъ болѣе, и солнце являетъ пре-
свѣтлый зракъ свой во всей лѣпотѣ лучей его.

(*) *Похвистъ*. Славянской Золъ, котораго признавали богомъ непогодъ;
у Кіевлянъ почитался онъ богомъ воздуха, вѣдра и ненастья.
Онъ имѣлъ храмъ въ Кіевѣ и по другимъ Славянскимъ городамъ.

Младый вишязь мой то подьсмлется, то преклоняется на конѣ своемъ, безпрестанно поражая врага; мечь его тяжко погружается на черепъ сопротивныхъ . . . Ахъ! спасайтесь, несчастные, отъ неупомимой мышцы его.

Зрите — онъ сокрушаетъ самыхъ отважнѣйшихъ изъ васъ, и попопляетъ полки ваши въ морѣ крови . . . Вы возначинаете бить? . . . Сражайтесь! раздражайте его еще болѣе.

Туча смертей разверзла надъ главами вашими свои истребительныя хляби: никакое божество не спасетъ васъ, ни единый вишязь вашъ съ моимъ вишяземъ сравниться не можетъ!

Сшопы ваши скользятъ по увлажненной кровію землѣ; вы падаете, кони ваши вспотыкаются, свертываютъ васъ съ себя, и смерть вездѣ преслѣдуетъ васъ.

О юноша! естли тебѣ возможно хощя на часъ укротить одушевляющую тебя ярость, такъ обрати вспять око швое и виждь, какой ужасный прошекъ ты пушь!

Ахъ! какое обширное поприще попоплено въ крови и усѣяно обезображенными трупами! Куда ни взглянешь, повсюду смерть совершила избыточную жашву . . .

Но кто тамъ страждетъ среди издыхающихъ ратниковъ и поверженныхъ коней? чье слышно жалобное взываніе? увь! то умирающій воинъ напругаетъ силы свои, чшобъ востать еще.

Глава его разсѣчена; томнымъ гласомъ Призываетъ онъ израненаго друга своего: „сжался надо мною! „восклищаетъ ему, и естли собсшвенныя спраданія не „препятствуютъ тебѣ — умерши меня скорѣ!„

О пригожій юноша! . . . можешь быть рашоборецъ сей былъ столь же пригожъ, какъ и ты; о молодой, храброй богатырь! можешь быть и онъ былъ храбръ, тебѣ подобно.

Спρασшная любовница можешь быть оплакиваетъ теперь его отсутствіе, бродя по берегу тихо журчащаго ручья; а въ часы унылой ночной тишины соединяетъ она спенанія свои съ жалобными пѣснями соловья . . .

Остановись, молодой вишязъ! посшой! полно собирать добычи на преславномъ швоемъ поприщѣ! широкія раны сражающихся воиновъ, обильнымъ изверженіемъ крови убѣждаютъ тебя быть сострадаштельнымъ.

Попранный въ прахъ врагъ съ покорносшію лобзаетъ побѣдоносный мечъ швой. Воззри на себя, о другъ сердца моего! ты самъ весь окропленъ кровію и потомъ.

Уже рашоборецъ ощущаетъ тяжесть меча своего; усталой рукѣ его потребенъ отдыхъ: подгибающся колѣни запыхавшагося коня подъ грузнымъ всадникомъ.

Остановись! . . . Рашная музыка велитъ тебѣ отступить! . . . храбрые клеветы шви скопляются вокругъ тебя и предсшоятъ тебѣ . . . Ахъ! теперь ты согляддай ихъ . . .

Всѣхъ ли ты обозрѣлъ ихъ, юноша; всѣхъ ли ты изчислилъ? Число друзей твоихъ не полно; — шѣмъ менѣе богатырей.

Ты плачешь? . . . Плачь! текише слезы изъ сердца благороднаго! сѣе чувствованіе челоуколюбія содѣлываетъ тебя великимъ паче нежели побѣда.

Омой ихъ раны, омой ихъ слезами твоими! Могла ли бы я любить тебя, естли бы не вѣдала твоей великой души и сердца чувствительнаго?

Но оплачь также и сопроотивника твоего; онъ умеръ богатырски. Тотъ, кто не оплакиваетъ побѣжденнаго, достоинъ умереть равною съ нимъ смертію.

Онъ стонетъ, проситъ у тебя помощи: спѣши облегчить его страданія! онъ благословитъ побѣдителя своего: тогда ты воспоржеспиуешь вторично.

А ты, Слава! греми въ трубу твою! изуми все-ленную! Повѣдай ей, что сіи великія дѣла сотворилъ истый Славянинъ, доспочестный вишязь, и что вишязь сей — любезный мой!

VI.

Радостная Пѣснь Славянки

Послѣ одержанной побѣды.

Грядите, доблественные побѣдители! объявите міру гласомъ бравныхъ громовъ нашихъ, объявите, сколь доспопамятенъ день сей, день наша побѣды.

О день ужаса и страха! день, истребившій всю вражію силу! день, ознаменованный въ лѣтописяхъ иноплеменниковъ кровію избраннѣйшихъ вишязей ихъ!

Какое пространное поприще прошекла смерть сего дня! полей въ крови погрязло столько, что зрѣніе человѣческое едва объяшь можетъ!

Полки наши окружены грудami труповъ, въ коихъ еще держатся вонзенныя копья и стрѣлы.

Здѣсь гордынею упоенное, сопротивное, несмѣшное воинство являло вамъ презорство свое, тако лѣсъ щеглы чернѣетъ вдали по морю; устрашенный симъ народъ крушится и стоитъ на брегѣ неподвижно; кажется онъ испытываетъ уже всю ярость врага своего.

Но внезапно низпускается съ небесъ грозный *Перунъ*, несомый вихрями въ колесницѣ громовыхъ облаковъ; онъ размахиваетъ молніеблестящими крылами своими, сопрягаетъ съ нихъ ужасныя бури и соглядаетъ дѣйствія смертныхъ.

Въ единыхъ онъ зрѣтъ дерзновенную кичливость, въ другихъ робкое опчаяніе; онъ смѣется слабости челоуковъ; коихъ надменное упованіе и буйный страхъ миновенно исчезають отъ его единого дуновенія.

Гдѣ ты, темный лѣсъ, гордо плывшій по волнамъ понта? Одна лишь дска, одна токмо раздробленная щегла, за кои хващется цѣпенѣющій плавашель, оспалась отъ всего твоего пышнаго снаряда.

Но прочь, страшныя видѣнія! Я алчу зрѣть славу побѣдителя, а не злосчастіе побѣжденныхъ.

Тебя хочу я зрѣть, юный витязь мой! тебя возвышающагося на бодромъ конѣ, который многократно преносилъ тебя на вылетѣ сквозь тѣмную опасностей.

Я хочу созерцать твое богатырское изрядство: какъ ты мужественъ, подобно богу брани, и прекрасенъ, подобно сіяющему очами сыну *Одина* (*).

Твой мечъ сверкаетъ подобно воздушному явленію; онъ, приводитъ въ ужасъ при каждомъ обращеніи своемъ; твоя сила, какъ огонь небесъ, сокрушаетъ цѣлыя вѣсы.

Двигнись, — страшно ополченное воинство! распусти по вѣтрамъ знамена твои! приближся, да узрю, да почту каждого изъ богатырей твоихъ!

Звучите, пронзительныя трубы! и вы, бубны, соедините дробный гулъ свой съ ихъ торжественнымъ и веселымъ гласомъ! вторите, вторите прикратно радостныя восклицанія ликующихъ ратоборцевъ: побѣда! побѣда! побѣда!

О! какая пріятная теплота разлилась по груди моей! сердце мое вскипѣло радостію! я зрю повсюду торжество! наше торжество! я зрю Славу! . . . въ восторгѣ своемъ она машетъ крылами.

Отъ шествѣхъ полковъ подымается пыль, какъ

(*) *Бальдеръ* былъ прекраснѣйшій изъ сыновъ *Одина*.

облако, и объемлетъ колесницу ея; она творитъ меня участницею торжества, и садишь подлѣ себѣ на великолѣпную колесницу свою.

Я вижу васъ всѣхъ, всѣхъ васъ, воеводы и богатыри. Но что является очамъ моимъ горѣ? . . . Тамъ въ свѣпломъ лазурѣ небесъ Боги славянъ утѣшаются торжественіемъ побѣдителей, и низводятъ къ нимъ взоры душу восхищающіе.

VII.

Пѣснь Славянки, коню ея любезнаго.

Пылкое твореніе, самими богами созданное! честь рода своего! человекъ взираетъ на тебя радостно, и всѣ кони завидуютъ изрядству твоему.

Прекрасный конь! подобіе коней небесныхъ, запряженныхъ въ лучезарную *Свѣтовидову* (*) колесницу, отъ коей льется свѣтъ на землю!

Взглянувъ на тебя, юноша останавливается любоваться тобою; дивится тебѣ; какую положить тебѣ цѣну, не вѣдаетъ, и восклицаетъ съ восхищеніемъ: „о если бы у меня былъ сей неоцѣненный конь, бы-

(*) *Свѣтовидъ*, Славянской Феѣ.

стрѣ вихрей прелетѣлъ бы я на немъ всю вселенную.,,

Твои очи горятъ, какъ двѣ яркія звѣзды; а шелко-
спруисная грива твоя развѣвается, какъ прекрасные
власы прелестной *Сибы* (*).

Съ какою величавостію изгибается кольцомъ твоя
выя! Ты помаиваешь главою: шако высокій кедръ горь
клонитъ долу и подъемлешь ввыспрь близкую къ обла-
камъ вершину свою.

Ты прядешь острыми ушами, какъ ластовица
трепещетъ крылами своими. Подобно двумъ огнеды-
шущимъ опверснвіямъ, ноздри твои издають дымъ и
огнь: онѣ пышутъ гнѣвомъ и бранію.

Оживленные краскою ноги твои гнутся, какъ нѣжные
стебли цвѣшковъ, и согласно ударяють въ землю.

По сребристымъ ребрамъ твоимъ опливаются лучи
солнца; кто не подумаетъ, что вскормленъ ты и
воспоенъ рукою самой *Идуны* (**)?

Но какою преизящною сановитостію украшаешься
ты, когда злые повода заблещутъ въ твердыхъ пер-
сиахъ юнаго богатыря моего!

Ты ощущаешь все мужество храброго всадника,
цвѣтущаго младостію; ты крупишься подъ нимъ,

(*) *Сибя*, или *Сѣва*, богиня Славянъ Варяговъ; она имѣла длинные, ниже
колѣнъ власы.

(**) *Идуна*, Сѣверная богиня, хранящая яблоки, дающія молодость и
бодрость.

и розовою пѣною застилаешь ясность звончашыхъ удилъ.

Ты ржешь, бьешь копытами, пишишься исторгнутъ броды изъ крѣпкой руки рыцаря, и какъ будто шѣмъ ему напоминаешь, что онъ высился на хребтѣ швоемъ.

Урчишь шимпанъ! . . . конь устремляетъ внимательное ухо; какъ онъ прислушивается ко звукамъ! Едва сверкнешъ мечъ юнаго вишязя моего: онъ запрыгаетъ, заскачешъ, взовьется, распаленъ будучи яростию на брань.

Красивой конь! ты несешься впередъ, какъ стрѣла! ты не спрашишься того, что по одну страну тебя стоишь ужасной лѣсъ коней, а по другую неизмѣримыя пропасти!

Ты не взираешь ни на глубокіе овраги, чрезъ кои страхъ и смерть мещушь убійственныя взоры свои; ты призираешь стрѣлы и сулицы, грозящія сердцу швоему.

Тщешныя препоны! едва ощутишь ты послабленіе бродъ, какъ мгновенно пускаешься подобно лучу солнечному; ты отважно мчишься на язвы и на смерть.

Ты протекаешь горы и доли, какъ пернатое летишь чрезъ всѣ претрады и чѣмъ онъ упорнѣе, шѣмъ паче ты ярь, смѣль и быстръ.

Ты въ бѣгѣ своемъ такъ легокъ, что не примѣтно,
стелется ли мурава подъ ногами твоими. . . . Гре-
мятъ громы войны! . . . какъ молнія мелькаешь ты
въ рядахъ ратныхъ.

Но широкая грудь твоя уже пронзена, изъ мно-
гихъ язвъ сшруится по ней твоя алая кровь. . . что
до того? въ пылу рьяности твоей ты сего не примѣ-
чаешь, а токмо что спѣшишь принести владыку своего
къ побѣдѣ, и по томъ готовъ умереть съ пущею бур-
ливостію.

Горе тому, кто направилъ на тебя злошворный
ударъ! . . . горе спесивому челу его! ты умрешь, но
теплой мозгъ его прильнешъ къ свѣтлымъ подковамъ
твоимъ

Ахъ! нѣтъ, величавое торжествующее животное!
ты не умрешь, хоша грудь твоя и ребра изсѣчены
достохвальными ранами; ты не умрешь, но прибѣжишь
ко мнѣ, прыгая отъ радости.

Я тебя буду лелѣить, обвѣшу тебя моими бисер-
ными ожерельями и алыми лентами; тогда я сама кор-
мишь и поить тебя буду.

Я здѣлаю тебѣ тисовыя (*) ясли на точеныхъ

(*) Тисъ розовое дерево, которое въ старину въ великой было чести
у Славянъ, изъ него-то дѣлавали сіи тисовыя кровати, о коихъ
упоминается въ нѣкоторыхъ Рускихъ пѣсняхъ.

кедровыхъ столбахъ; и въ то время, когда силы твои
изнемогутъ, я не покину тебя.

И есѣли нѣкогда загорится вдали на лазоревой
тверди какая новая звѣзда, то дамъ ей твое имя лю-
безный конь милаго друга моего!

VIII.

Чувствованіе Славянки по разбитіи Славянскаго воинства.

О ужасъ! какая жестокая печаль раздираетъ мое
сердце, рветъ его на части! оно обливается кровію. .
. . Ахъ! пусть его обливается ею; да вытечетъ она
изъ него до послѣдней капли.

Да померкнешь свѣтъ въ очахъ моихъ, чѣмъ не
видашь мнѣ гроба славы и разбитыхъ легионовъ нашихъ!

Увы! какое зрѣлище позора и скорби! О воинство!
съ какой ты низпало высоты? Какъ! развѣ поле ратное
не могло быть всеобщеею для тебя гробницею?

Подобно увядшимъ листьямъ, которые разносимы
осеннимъ вѣтромъ, ты разсѣваешься туда и сюда; ты
ищешь и — ахъ! . . . нигдѣ не обрѣтаешь знаменъ
твоихъ!

Обрати главу твою, возведи очи твои на высоты,

шобою оставленныя: зри жестокое божество брани, какъ оно украшено цвѣтомъ вражїимъ (*)!

Оно протягаетъ шощую выю свою, разпускаетъ предъ взоромъ швоимъ знамена швои, презорсшвуетъ шобою и поноситъ тебя крикомъ своимъ.

Раздаются его громкія пѣсни побѣды: оно обращаетъ на тебя шѣ самые удары, коими предъ симъ ты его поражало.

О драгоцѣнное отечество мое! се, се чада твои! Смятенныя и опчаянныя матери! грядише сюда; а вы, злополучные ратоборцы! сокройтесь въ нѣдра ихъ, кои охраняли васъ отъ язвъ непрїятельскихъ, еще прежде, нежели вы узрѣли свѣтъ . . .

О мое отечество! ты отворачиваешь главу свою, ты зашворяешь очи; пребывая въ изумленїи ты воздыхаешь и плачешь!

Защитники твои не смѣютъ даже и взирать другъ на друга: они въ недоумѣнїи, въ печали; они устремляютъ взоры свои на поля, кровїю ихъ обогранныя: несчастныя! почто не вытекла она до послѣдней капли!

Помыслише о вашемъ уничиженїи. . . . ахъ! нѣтъ, мыслише лучше о славѣ вашей, и гнушайтесь симъ случаемъ, которъ могъ низложить ее.

(*) Подъ словомъ жестокое божество брани разумѣтъ должно все непрїятельское воинство. Оно украшено цвѣтомъ вражїимъ, сїе значить цвѣтъ знаменъ и одежды полковъ непрїятельскихъ.

А ты, юноша! . . . о верхъ золь моихъ! я не могу уже любить тебя! краснѣешь отъ стыда чело мое.

Гдѣ ты? увы! или ты предался бѣгству? Бѣги отъ меня, бѣги за самые предѣлы міра! да послужишь ты опшнынѣ навсегда предметомъ посмѣянiя и поруганiя врагамъ нашимъ.

Или ты спалъ уже ихъ плѣнникъ? . . . Обременяйте его тяжелыми оковами! . . . Но нѣтъ, нѣтъ, лучше на меня возложите ихъ, а отпустиште несчастнаго!

Я, я виновата, что полюбила того, которой могъ быть побѣжденъ, которой не умеръ, видя себя побѣжденнымъ.

Можетъ быть мщенiе, скорбь и ярость, принудявъ его нѣкогда подыять мечъ имъ оброненный; можетъ быть. . . .

Но ратникъ сей, на шимпанѣ сѣдящій, не его ли имя произнесъ? Честію украшенъ его зракъ.

Орошенный пошомъ и кровію, онъ повѣствуетъ о сраженiи: любовданіе собираетъ окрестъ его многоядный сонмъ, и каждый внемлетъ ему съ удивленіемъ.

Внемлютъ всѣ склоня главу; едва смѣютъ переводить духъ: что съ тобою свершилось, ратоборецъ? Ахъ! онъ сѣтуетъ, изъясняетъ всѣ подробности, произносишь имя любезнаго моего, повѣствуетъ о немъ.

„Горе мнѣ! . . . ахъ! повѣрьте словамъ моимъ. —
 „Тако речешъ. — Ни единъ витязь не отличался толь
 „знаменитыми подвигами; всегда бывъ жестокъ, онъ па-
 „рилъ, какъ орелъ, надъ главами нашими; десять крашъ
 „онъ нападалъ на насъ.,,

„Онъ прелетѣлъ рвы, защищающіе наши бранныя
 „снаряды; онъ возшелъ на утесистыя скалы; цѣлыя
 „ряды попралъ онъ на бѣгу пашою своею.,,

„Подъяшыя мечи со всѣхъ сторонъ низпали на
 „него: доспосеченная кровь его прошекла; мечъ его
 „сокрушился, конь его изнемогъ подъ нимъ; но бога-
 „тырь воспрянулъ грознѣе, разъяреннѣе, нежели былъ
 „предъ симъ.,,

„Подобно несокрушиму Рифею, возносящему
 „твердое чело свое ко звѣздамъ, онъ стоялъ неподви-
 „женъ среди труповъ!.,

„Онъ поражалъ еще . . . какъ я, мгновенно прон-
 „зенъ бывъ мечемъ палъ, и едва могъ сюда довлечься. —
 „Не вѣдаю о судьбѣ его.,,

„Безъ сомнѣнія онъ мертвъ уже!., . . . любезный
 мой убийца? . . . Гдѣ я? разверзись мрачный гробъ!
 приди ко мнѣ, о смерть! приди, скоси дни мои!

Какое облако опускается на мои глаза! . . . Не слы-
 ли это, сладкій покой гроба? . . . Свѣтъ капища изъ
 очей моихъ . . . слухъ исчезаетъ . . . я умираю . . .

IX.

*Славянка приходитъ въ густво, и видитъ своего
любезнаго.*

Кто тревожишь мой сладкій сонъ? кто мѣшаетъ
мнѣ спокойно умереть? . . . Когда я не могу жить
для тебя мой любезной, такъ на что мнѣ жизнь?

Ужели это сонъ? Ахъ! есѣли бы я во вѣки могла
мечтать о вишязѣ моему! . . . онъ предсталъ моему
взору, сѣдѣющъ на огнепурпуровомъ облакѣ.

Но кто сей, мною зримый? Онъ склоняетъ блиста-
тельное лице свое къ моему лицу: уже ли это онъ?
или я пренесена на небо? Уже ли сновидѣніе мое
свершается на самомъ яву?

О восторгъ! о сладость! о изступленіе! уже ли
это ты? . . . ахъ! я умираю! — Такъ точно, ты! . . .
Какое благотворное божество разверзло врата гроба
твоего? какая всемогущая сила разрѣшила печать смер-
ти, коею очи твои запечатлѣны были?

Ужасный цвѣтъ смерти еще изображается на
пригожихъ ланипахъ твоихъ: тако крины, обременен-
ные крупнымъ дождемъ, склоняющъ долу благовонные
верхи свои!

Успокой на груди моей величественную главу твою!
но свергни съ чела твоего эту повязку; она сокры-
ваетъ отъ меня прелести твои.

Я хочу увѣнчать чело твое свѣжими цвѣтами, которые для тебя я рвала . . . но, о Небо! какія раны подъ этою повязкою сокрыты!

Ахъ! позволь мнѣ видѣть ихъ и изчислить! — О знаки славы! почто я также какъ и онъ не могу гордиться вами? почто не мнѣ, а ему онѣ достались? О любезной мой! — пріемля ихъ за тебя, я бы ни мало ихъ не почувствовала.

И твоя броня! . . . вся обатрена . . . сквозь запекшуюся на ней кровь едва можно видѣть наспоящій цвѣтъ ея: шако въ часы лѣшняго утра окроплено бываетъ каплями росы румяное, наливное яблоко.

Но что я вижу! рука твоя, кою мешалъ ты смерть и низвергалъ супосапа въ преисподнюю, увы! рука твоя раздроблена: Кто сокрушилъ твою полканскую силу? Рука твоя виситъ неподвижна! . . .

Но ты улыбаешься! довольно, я оживаю. *Хорсѣ* (*) изливаетъ на тебя полный фѣаль здравія; ты будешь живъ и останешься на всегда достойнымъ сердца моего.

А раны твои? . . . *Радегастѣ* начерпалъ ими на высокой груди твоей, какъ бы на щитѣ храма чесши, твою славу и мое торжество! . . .

Все это воинство не столь знаменито, какъ ты одинъ! . . . Спрашисъ обратишь къ нему взоры твои

(*) *Хорсѣ*, Славянскій Эскулапій.

... спросишь! ты ощутишь всю лютость болѣзни ранъ твоихъ.

Что ты дѣлаешь, сострадательный браненосецъ? сожалѣнїе и благосердїе твое влекутъ тебя созерцать сихъ ратоборцевъ? ихъ жребїй тебя смущаетъ? О Небо! какое малодушїе!

Но они кропятъ твою десницу слезами своими; они лобзаютъ ее съ восторгомъ, и ты плачешь съ ними вмѣстѣ? ... Да, плачь, оплакивай горе опеченїя твоего! и не проливай никогда иныхъ слезъ.

„Они сражались, какъ богатыри — вѣщаешь ты, — какъ я самъ сражался: но ахъ! нѣкое божество, паче пагубное, нежели всѣ острые мечи ихъ, востало на нихъ..“

„Вихри и буря, губительнымъ велѣнїемъ его воздвигнутыя, омрачили покровомъ ночи зрѣнїе сихъ ратниковъ.“

„Въ то время, какъ мы осаждали, съ нагорныхъ вершинъ смерть на насъ устремилась въ видѣ огненномъ.“

„... Не сила сопротивныхъ низложила нашу силу, но горы обрушились на насъ, и мы не могли устоять противъ нихъ.“

„Однако же мы не преславали бороться съ смертію; часто удерживали мы ея злошворную косу, и ей подобно, сами наносили удары.“

„Взгляни на сїи холмы, на сїи долины: они содѣла-
лись обширною гробницею вравовъ нашихъ . . . Но
судьба намъ измѣнила. . . .

„Не взирая на то, — послѣ всѣхъ сверхъ есте-
ственныхъ усилій, — воинство наше отступило по
велѣнію Воеводъ своихъ, и опсупая медленно, оно не
преставало еще поражать сопрошивныхъ.

„Многолѣтній кедръ отъ напору бури клонитъ
долу кудрявую вершину свою; но пребывая несокру-
шимъ, онъ величавѣе вознесется и разширитъ шве-
рдья вѣтви свои по хребтамъ горъ.

„Тако возстанемъ и мы, хошя и попранны нынѣ;
рождены будучи ко славѣ, мы распространимъ наши
побѣды отъ сѣвера до юга, отъ востока до запада.
Чело врага раздробится подъ ударами нашими, и кровь
его засынетъ на хладныхъ его косняхъ. . . .

„Въ саиомъ огнѣ брани я палъ: мраки ночи облег-
ли меня кругомъ. Раскрывъ же слабое око мое, я уз-
рѣлъ себя подъ вѣтвями сихъ ивъ.

„Дванадесять браненосцевъ, подобно лвамъ сра-
жавшїеся окресъ меня, испоргли меня изъ сѣчи, и
попеченіемъ ихъ я воззванъ къ жизни.,,

О торжество! о слава! укажи мнѣ сихъ добле-
ственныхъ богатырей, да воздамъ имъ мое благодареніе,
да восхваляю ихъ въ пѣсняхъ.

О воинство рыцарей! не дерзаю взирать на тебя;

ибо не вѣдавъ истины, я предавалась недостойному сомнѣнію, и днесъ толико негодую на себя, колико тебя чту.

Поздравляю тебя, храброе воинство! въ самомъ паденіи твоемъ опочаиіе было тебѣ чуждо; ты мужественно претерпѣло пораженіе.

А ты, Вишязь мой! повертнись въ мои объятія! да воспламенишься въ нихъ сердце твое прежнеею храбросію! — По томъ воспань на врага, и карай его за одержанную имъ побѣду.

Х.

Сѣтованіе Славянки о паденіи ея любезнаго.

Что я испытую? какое предчувствіе удручаетъ мою сѣсенную душу? . . . Ужась подьемлетъ черный щитъ свой, и покрываетъ меня страшною его тѣнію.

А мрачныя пучи, во чревѣ своемъ смерть носящія, скопляющіяся вокругъ меня; онѣ прорвутся . . . глубокое безмолвіе облежитъ меня, какъ будто все умерло! . . .

Но се! излучистыя молніи вьются въ воздухѣ, гремишь громъ; разверзается лоно земли, престолъ безсмертныхъ разрушается! . . . (*)

Земля колеблется подъ стопами моими . . . Кто палъ изъ сильныхъ? Ахъ! то палъ Вишязь, палъ мой возлюбленный! Такъ, точно такъ, я видѣла, какъ гро-

(*) Скальды называли небо престоломъ боговъ.

мовая стрѣла излещѣла изъ нѣдръ сей глубокой ночи.
 . . . вопли брани поражаютъ слухъ мой, стenanіе умирающихъ раздираетъ мое сердце.

Ахъ! онъ палъ . . . Горе мнѣ! возвеличенный славою, другъ души моей поверженъ! погранъ побѣдоносца! торжествуетъ побѣжденный врагъ! . . .

Но какъ онъ палъ? со славою ли? такъ ли, какъ побѣдитель, какъ вишязь? съ мечемъ ли въ десницѣ?

Паденіе его доспochестно: онъ умираетъ, не покидая меча своего; вселенная да чтитъ его память! опеченіе да возрыдаетъ надъ нимъ! . . .

Я видѣла сопрошивныхъ: они были не вредимы подъ защитою высокаго вала, между шѣмъ какъ отовсюду гремѣли ихъ громаы, изрыгающіе смерть съ пламенемъ.

Тщешныя прегады! богатырь мой, глава легионовъ, успремился съ своими храбрыми, подобно *Перуну* (*) вержущему молніи.

Онъ успремился чрезъ ихъ окопы и валь; онъ погасилъ ихъ пламенные громаы; иноплеменные вопрошивлялись ему, сражались съ нимъ . . . нѣтъ! они бѣжали отъ него, и кровь ихъ багрила ихъ слѣды.

Они бѣжали, онъ преслѣдовалъ ихъ; . . . поспой! поспой, мой Вишязь! куда несетъ тебя ярость твоя?

(*)Здѣсь говорится о Славянскомъ богѣ грома.

Услышь звываніа храбрыхъ ратоборцевъ твоихъ! Кровь твоя струится: пощади кровь свою!

Воззри на себя! . . . твоя десница, твоя грудь . . . ты весь покрывъ ранами! . . . — Онъ съ усмѣшкою взглянулъ на язвы, и не преспавалъ гнать смятенные полки враговъ.

Но воинство новое, воинство сопротивныхъ окружило его со всѣхъ сторонъ! . . . Преисполненъ будучи благородною отважностію, онъ ввергнулся въ средину ихъ, и въ себѣ единомъ заключалъ цѣлое воинство.

Какимъ гнѣвомъ одержимъ былъ богатырь мой! отъ меча его исчезали цѣлые ряды ратоборцевъ: тако опустошаетъ градъ поля, посякая злые класы.

Враги уже плавали въ крови . . . но лютый Чернобогъ (*), богъ мести и зла, адскою свѣшочью своею озарилъ ихъ очи, явилъ имъ позоръ и возжегъ ихъ сердца.

Остервенѣнные, они бросились на рыцаря моего и мгновенно окружили его! онъ защищался, поражалъ; бодрый конь его не однажды присѣдалъ подъ нимъ; и кто къ нему ни приближался, всякой умиралъ отъ его меча . . .

О богатырь мой! естли бы ты обратилъ взоръ швой позадь тебя. . . . Ахъ! мое сердце замираетъ!

(*) Чернобогъ у Славянъ былъ тоже, что у Персовъ Ариманъ.

... жиловатая мышца возноситъ на главу твою пагубное оружіе!

О ужасное зрѣлище! рука опускается, и съ единого маху поразила. Ахъ! горе тебѣ, горе мнѣ! ... ударъ смертоносенъ ... Горе и тебѣ, отечество мое! ...

Се онъ распростертъ по ратному полю! буйный врагъ дерзостно приближается къ нему; онъ алчетъ славы, бытъ обогрѣну кровію богатыря моего.

Избоденный копьями и мечами конь его издыхаетъ по сѣрану его; онъ еще гордится честию умереть съ Вишаземъ, котораго неоднократно носилъ онъ на хребтѣ своемъ къ побѣдамъ. Любезный мой возлежишь на грудѣ мертвыхъ ратниковъ, мечемъ его скошенныхъ!

Тако палъ Вишазъ мой! Великъ онъ былъ во браняхъ, великъ и по смерти. Доблестивенная душа его, разставшись съ тѣломъ, отлетѣла въ лучезарный чертогъ Одина (*). ... Гдѣ ты днесъ, легіонъ юнаго браненосца моего? Ты, коего неушомимую храбрость низложилъ супосшатъ! приди, ополчись гнѣвомъ и мщеніемъ!

Здѣсь лежишь бездыханенъ Воевода твой! доселѣ

(*) Лучезарный чертогъ Одина, или Валкала, былъ рай храбрыхъ. Въ немъ — то сѣверные Герои полагали (по смерти) ликовать во всю вѣчность.

онъ былъ страхъ.сопротивныхъ силъ, а днесъ онъ со-
дѣлался предметомъ ихъ кощунства! онъ былъ швоимъ
предводителемъ, швоимъ опцемъ, швоимъ другомъ,
божествомъ тебя хранящимъ.

Уже ли опечесшву не достанутся его кости?
уже ли гробъ сокрушителей, враговъ, будешь гробомъ и
мужественнаго Вишязя сего?

Бодрствуйте, храбрые ратоборцы! мечи ваши да
проложатъ дорогу къ тѣлу богатыря! Возвратите
мнѣ возлюбленнаго! я омою его раны рѣвами слезъ
моихъ, и до конца моихъ дней не прешану его оплаки-
вать.

XI.

Плачь Славянки надъ тѣломъ ея любезнаго.

Текише, усладительныя слезы, текише! спѣснен-
ное сердце мое предается горести: она шокмо одна
осталась мнѣ опъ всѣхъ вожелѣнныхъ благъ . . .

Да, текише изъ очей моихъ обильно! пошопляйте
мою грудь! честь юности, краса вишязей . . . ничшо
иное, какъ уже прахъ, и домъ его гробъ.

О зѣницы мои, слезами омраченныя! вы уже не
узрите его болѣе! вы не узрите уже прекраснаго и
грознаго лица его!

Привыкшее къ милымъ его разговорамъ ухо мое, не услышитъ уже голоса его, приводившаго доселѣ въ восторгъ душу мою!

Голосъ его столь былъ любезенъ, какъ пѣніе соловья, раздающееся по тихимъ зарямъ; . . . но онъ не опшзвется уже въ груди моей!

Мои пламенные уста не прилѣпятся уже къ его устами; они не соберутъ уже на нихъ шѣхъ сладчайшихъ лобзаній, которыя были столь пріятны, какъ благоуханіе цвѣтовъ, какъ ушрення, освѣжающая злаки роса, какъ сошы меда.

Одна, съ печалію моею буду я бродить по долинѣ; никогда уже нечаянная съ нимъ встрѣча меня не восхититъ! я не обрѣшу уже его укрывающимся въ шѣни лѣсовъ! . . .

Но что я слышу? . . . какое надгробное пѣніе соединяется съ воплями моей горести? . . . Оно приближается . . . я слышу голоса рыданіемъ пресѣкаемые!

Я вижу сонмъ ратниковъ! это сподвижники Вишазя моего: они шествуютъ медленно, за ними слѣдуетъ множество храбрыхъ.

Загорѣвшія ланины ихъ опустились опъ печали, и крупныя слезы кашятся по густымъ брадамъ ихъ.

О воины! что несете вы подъ мантиєю? . . . Вы не опвѣствуете мнѣ . . . вы воздыханіе! . . . Ахъ! горе мнѣ! . . . это онъ, это юный другъ сердца моего!

Снимите, снимите сей покровъ, сокрывающій его

отъ очей моихъ! Я алчу зрѣть его: онъ мнѣ принадлежишь, мнѣ и отечеству. О юноша! еще ты сіяешь красотою!

Ахъ, любезный Вишязь! позволь мнѣ еще тебя облобызать! Почто лобзаніе мое не можетъ возврапитъ тебѣ жизни? тебѣ, котораго единый взоръ одушевлялъ меня!

Други! сердце его не бьется уже; любовь и слава не производятъ въ немъ пріятнаго трепетанія; взоръ его не страшенъ уже врагу; онъ не обращается уже ко мнѣ съ милою улыбкою!

Сія мощная десница уже не подымлетъ меча; она не обвивается уже вокругъ выи моей.

Все уже свершилось! сіи осматки любезнаго моего претворяшся скоро въ прахъ!... Но что! уже ли раны сіи не являютъ мнѣ, кто онъ былъ?

Дайте мнѣ наглядѣться на нихъ!... Въ нихъ я созерцаю торжество и славу. Сколь онъ глубоки! уже не причиняютъ онъ ему спраданія: но тебѣ, отечество, тебѣ онъ чувствительны!

Онъ поглощаютъ мои слезы!... Но тебѣ не угодно, чтобъ я рыдала надъ тобою; да и слава то мнѣ запрещаетъ.

Она отторгаетъ меня отъ гроба твоего! Душа моя возвышается, возвышается до твоего величія; любовь и горестъ слишкомъ унизили меня!

Я щаслива тѣмъ, что ты умеръ достохвально. Ахъ! почто я не есть то, что былъ онъ? почто не могу умереть ему подобно?

Ахъ! если бы душа моя, расставшись съ тѣломъ, могла оживотворить тебя, дабы содѣлаться существомъ толико же великимъ, каковъ былъ ты!

Тогда бы смѣлою рукою я отмстила смерть твою; а за тебя, отечество мое! щастіемъ бы почла сразиться и умереть.

За щастіе бы вѣрила бытъ оплакиваемою сонмомъ такихъ Вишазей, каковы суть сіи, тѣснящіяся окрестъ трупъ моего любезнаго, рыдая надъ нимъ.... Други! положите его во гробъ.

Соберите черепы непріятельскіе, составъше изъ нихъ памятникъ славы, и водрузите на верху онаго знамя, храбросію его пріобрѣтенное.

Вокругъ сего памятника я насажу кедровую чашу, и вѣнчѣ шуда приду крушиться о немъ!

О драгое отечество! ты не престанешь окроплять слезами твоими чашу сію, дошолѣ, пока кости мои покоишься будущъ въ единомъ гробѣ съ моимъ любезнымъ!

XII.

Пѣсни пегали Славянѣ при погребеніи юнаго богатыря, убитаго на брани.

Ю н о ш и.

Здѣсь палъ юноша, предметъ любви нашей; но онъ палъ, какъ богатырь. Умирая, разилъ еще врага, и повергся на него какъ побѣдитель.

Д ѣ в ы.

Къ нему стремились тайныя желанія молодыхъ дѣвъ; ему завидовали юноши. Когда являлся онъ, имѣя на главѣ шлемъ, а въ десницѣ копье: тогда смертные зрѣли въ немъ *Радегаста*. Когда же слагалъ съ себя броню, и когда русыя кудри его рассыпались по раменамъ: тогда въ немъ мнили видѣть пригожаго первенца изъ сыновъ *Одиновыхъ* (*)

Ликъ юношей и дѣвъ.

Поспѣшимъ воздать ему долгъ дружества; обсадимъ кедрами и дубомъ могилу его! восхвалимъ его въ пѣсняхъ нашихъ, воздвигнемъ олшари во славу ему, и прольемъ надъ нимъ священные слезы любви!

Юноши.

Сила мышцы его бѣдственна была тысящамъ сопроотивныхъ: онъ пролилъ кровь свою, онъ умеръ за опечесство!

Д ѣ в ы.

Гордый конь его, одушевленный рьяностію юнаго Витязя, величаво носишь его на хребтѣ своемъ; мла-

(*) *Бальдеръ* былъ старшій сынъ *Одина*.

дый богатырь! ты пролил драгоценную кровь твою
за насъ и за матерей нашихъ!

Ликъ юношей и дѣвѣ.

Заслугами и доблестію сего любезнаго юноши
проникнушы сердца наши; воздвигнемъ же ему памятни-
ки и прославимъ дѣла его! да наречется онъ вѣвѣки
великимъ Вишаземъ и лучшимъ защитниковъ отечества!

Ю н о ш и.

Ни глубокіе рвы, ни высокіе валы не устрашили
его; преисполненный отвагою, онъ прелетѣлъ ихъ! но
на самой срединѣ блистательнаго поприща славы —
храбросшь его завлекла въ гибель!

Д ѣ в ѣ.

Хотя онъ и мертвъ уже, хотя лежитъ безгласенъ
и обогренъ кровію; но все еще столь милостивъ, какъ
сынъ *Фригги* (*). Вѣчная слава достается ему въ на-
граду за смерть его, потомство не прескнетъ славо-
словить досточестные его подвиги.

Ликъ юношей и дѣвѣ.

Нарвемъ свѣжихъ цвѣтѣвъ и злаковъ благовонныхъ,
и усыплемъ ими могилу его! насадимъ молодыя древа
вокругъ, и окропимъ ихъ медомъ. Преклонимъ предъ
его прахомъ чело наше! бессмертное имя его возсіеетъ
посреди имянъ боговъ Славянскихъ.

(*) Премудрый, прекраснѣйшій, сладкорѣчивый и величественный *Баль-
деръ* былъ сынъ *Одина* и *Фригги*.

ПОГРѢШНОСТИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

сѣспран. строк. напечатано.

2 4 бывъ влюбленъ въ дочь
Ярослава I го, въ прекрасную
Елизавешу

чишай.

бывъ влюбленъ въ прекра-
сную Елизавешу, дочь
Ярослава I го

II

7 5 Аварь

Авары

III

8 14 головою своею,

головой своею,

III

10 II приближающимися
II II нежели были они
завишы въ кудри

приближающіся
нежели когда были они
завишы къ кудри

V

примѣчанія

16 строк. 3 и по другимъ Славянскимъ
городамъ.

и въ другихъ Славян-
скихъ городахъ,

18 20 попомъ

попомъ

VI

21 14 да почту каждого
изъ богатырей

да воздамъ почтеніе каж-
дому изъ богатырей

VII

примѣчанія

23 строк. 2 власы

волосы

25 7 и 8 ты сего не примѣчаешь

ты сего нечувствуешь

IX

33 2 враговъ

враговъ

X

37 12 носилъ онъ на хребтѣ

носилъ на хребтѣ

XI

39 18 голоса

гласы

Имена Особъ подписавшихся на книгу: *Храмъ Славы
Российскихъ Ироевъ.*

число экзмп.

Его Сіяшельство	Графъ Николай Александровичъ	
Зубовъ	-	3
—	Графъ Алексѣй Андрѣевичъ Аракчеевъ.	1
—	Графъ Дмитрей Александровичъ Зубовъ.	1
—	Князь Павелъ Петровичъ Щербатовъ.	1
—	Графъ Сергѣй Николаевичъ Салтыковъ.	1
Его Высокопревосходительство,	Василей Михайло-	
вичъ Лобановъ.	-	1
Его Высокопреосвященство, Господинъ Митрополишъ		
Сесиренцевичъ.	-	1
Его Превосходительство,	Александръ Васильевичъ	
Алябьевъ.	-	1
—	Никифоръ Ивановичъ Кайгородовъ.	1
Его Сіяшельство, Графъ Пётръ Андрѣевичъ Толстой.		1
Его Превосходительство, Иванъ Ивановичъ Бахшинъ,		1
—	Петръ Григорьевичъ Демидовъ.	1
—	Петръ Сидоровичъ Апрѣлевъ.	1
—	Николай Игнатъевичъ Калининъ.	1
—	Петръ Петровичъ Чекалевской.	1
—	Алексѣй Алексѣевичъ Жеребцовъ.	1
—	Владимѣръ Юрьевичъ Соймановъ.	1
—	Василей Николаевичъ Гурьевъ.	1
Выборгской Военной Губернашоръ, Баронъ Казимиръ		
Ивановичъ Мейндорфъ.	-	1
для Коммерческаго училища.	-	1
Его Высокородіе, Сергей Павловичъ Ташицевъ.	-	1
—	Осипъ Степановичъ Шерпинской.	1
—	Алексѣй Алексѣевичъ Зайцовъ.	1
—	Петръ Павловичъ Звонцовъ.	1

—	—	Дмитрей Александровичъ Хошняинцовъ.	1
—	—	Петръ Степановичъ Малчановъ.	1
—	—	Петръ Ѳедоровичъ Лешюхинъ.	1
—	—	Господинъ предводитель дворянства Ярослав-	
ской	Губерніи, Кожинъ	- - - - -	1
	Неизвѣстная особа	- - - - -	1
	Неизвѣстная особа	- - - - -	1
	Его Высокоблагородіе Гавріиль Васильевичъ Медвѣдевъ		1
—	—	Асшафій Родіоновичъ Безукинъ	1
—	—	Господинъ профессоръ Иванъ Филипо-	
вичъ	Тупылевъ.	- - - - -	1
—	—	Ѳедоръ Ивановичъ Шубинъ.	1
—	—	Афанасей Никишичъ Тулубьевъ.	1
—	—	Сергей Васильевичъ Шкуринъ.	1
—	—	Господинъ Степановичъ Сербиновичъ.	1
—	—	Сергей Ильичъ Крыловъ.	1
—	—	Господинъ Лешюхинъ.	1
—	—	Иванъ Петровичъ Соколовъ.	1
—	—	Петръ Андрѣевичъ Ниловъ.	1
—	—	Господину Лешюхину.	1
—	—	Николай Михайловичъ Неклюдовъ.	1
—	—	Анна Ивановна Вакселева	1
—	—	Василей Тимофѣевичъ Клементьевъ	1
—	—	Петръ Григорьевичъ Базанинъ.	1
—	—	Семенъ Христофоровичъ Сшавраковъ.	1
—	—	Василей Сергѣевичъ Подшиваловъ.	1
—	—	Николай Сергѣевичъ Суворовъ	1
—	—	Петръ Евдокимовичъ Демидовъ.	3
—	—	Павелъ Павловичъ Сакеръ.	1
—	—	Петръ Ѳедоровичъ Желтухинъ.	1
—	—	Александръ Михайловичъ Камынинъ.	1
—	—	Господинъ Рябчуговскій.	1
—	—	Алексѣй Ивановичъ Паншазіи.	1
—	—	Александръ Михайловичъ Папинъ.	1
—	—	Господинъ Окуневъ.	1

Его Благородіе, Господинъ Выдринъ.	-	-	1
— — Егоръ Яковлевичъ Власовъ	-	-	1
— — Николай Степановичъ Кейкинъ.	-	-	1
— — Степанъ Костырка	-	-	1
— — Дмитрій Щелкуновъ.	-	-	1
— — Адамъ Козловской.	-	-	1
— — Ѳедоръ Вальшеръ.	-	-	1
— — Аншонъ Ходзинскій.	-	-	1
— — Степанъ Степановичъ Андрѣевскій.	-	-	1
Сергей Михайловичъ Железниковъ.	-	-	1
Александръ Бирюлинъ.	-	-	1
С. Петербургской купецъ Ѳедоръ Васильевичъ Кур-	-	-	1
башовъ.	-	-	1
С. Петербургской купецъ Егоръ Ѳедоровичъ Ермо-	-	-	1
лаевъ.	-	-	1
Дерптской купецъ Алексѣй Григорьевичъ Захаровъ.	-	-	1

в ъ С у м м ы.

Ея превосходительству Прасковѣ Михайловнѣ Шпери-	-	-	1
чевой	-	-	1

в ъ А с т р а х а н ь.

Его Высокоблагородію Саввѣ Романовичу Копышов-	-	-	1
скому.	-	-	1

т у д а ж е

— — Никишѣ Львовичу Куклину	-	-	1
-----------------------------	---	---	---

В ъ Л у ц к ъ.

Его Благородію Господину капитану Хрущову.	-	-	1
--	---	---	---

Въ городѣ Оболенѣ.

Его Превосходительству Семену Григорьевичу Запла-
шину. - - - - - 1

Въ Стародубѣ.

Его Благородію Степану Николаевичу Троцкому. - 1

Въ Фридрихсгамѣ.

Войска Донскаго, казачьяго полка Есаулу и Кавалеру
Павлу Власову, - - - - - 1

Въ Выборгѣ.

Его Благородію Господину капишану Филимонову. - 1

Въ Невлѣ.

Его Высокоблагородію Терентію Ѳедоровичу Ер-
шову. - - - - - 1

Въ Кашинѣ.

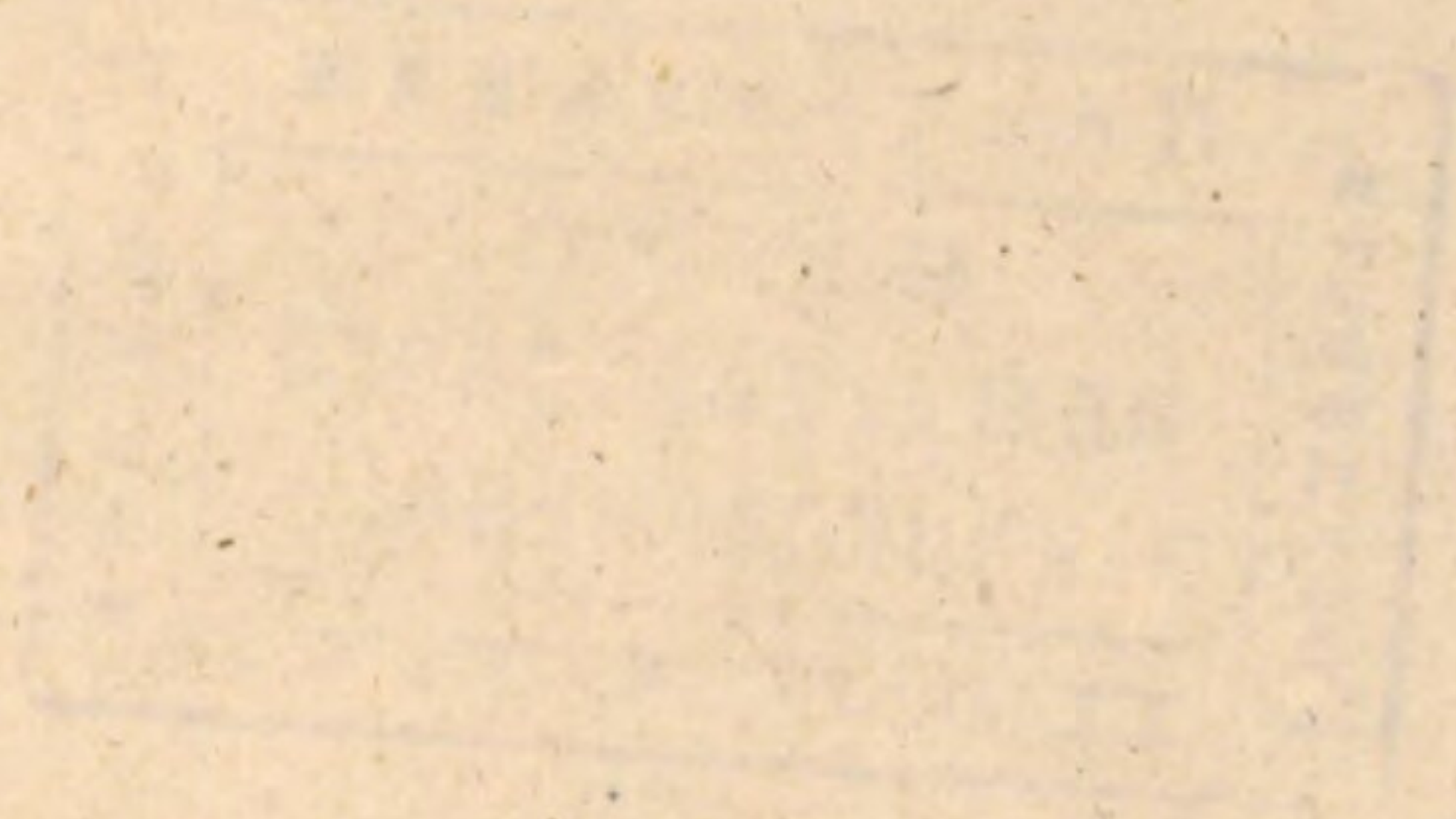
Его Высокоблагородію Николаю Ивановичу Ко-
шкину. - - - - - 1

Въ Моршанскѣ.

Его Высокоблагородію Алексѣю Ивановичу Кар-
пмазову. - - - - - 1

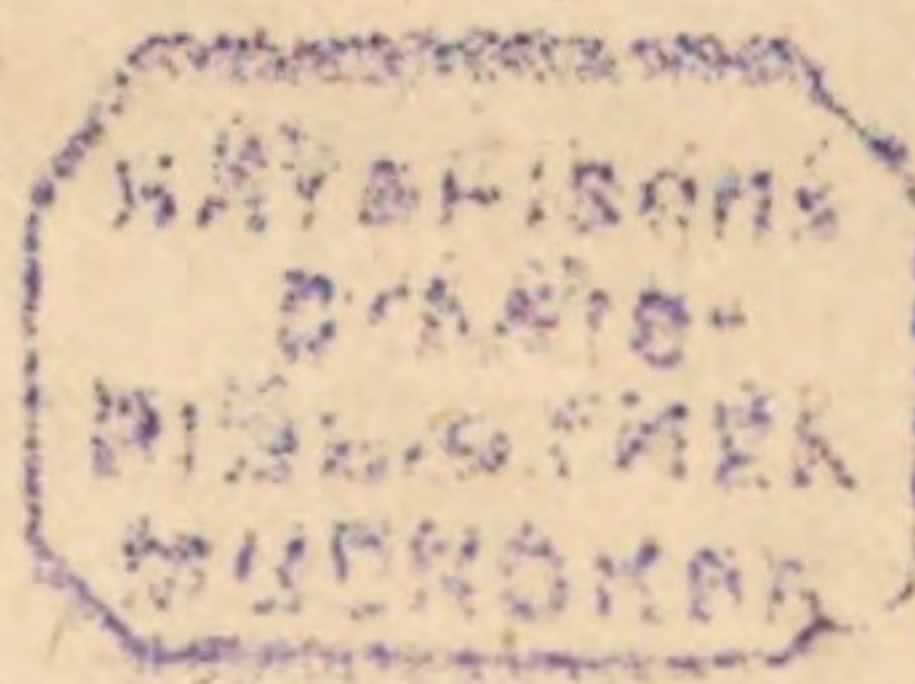
Въ Оренбургѣ.

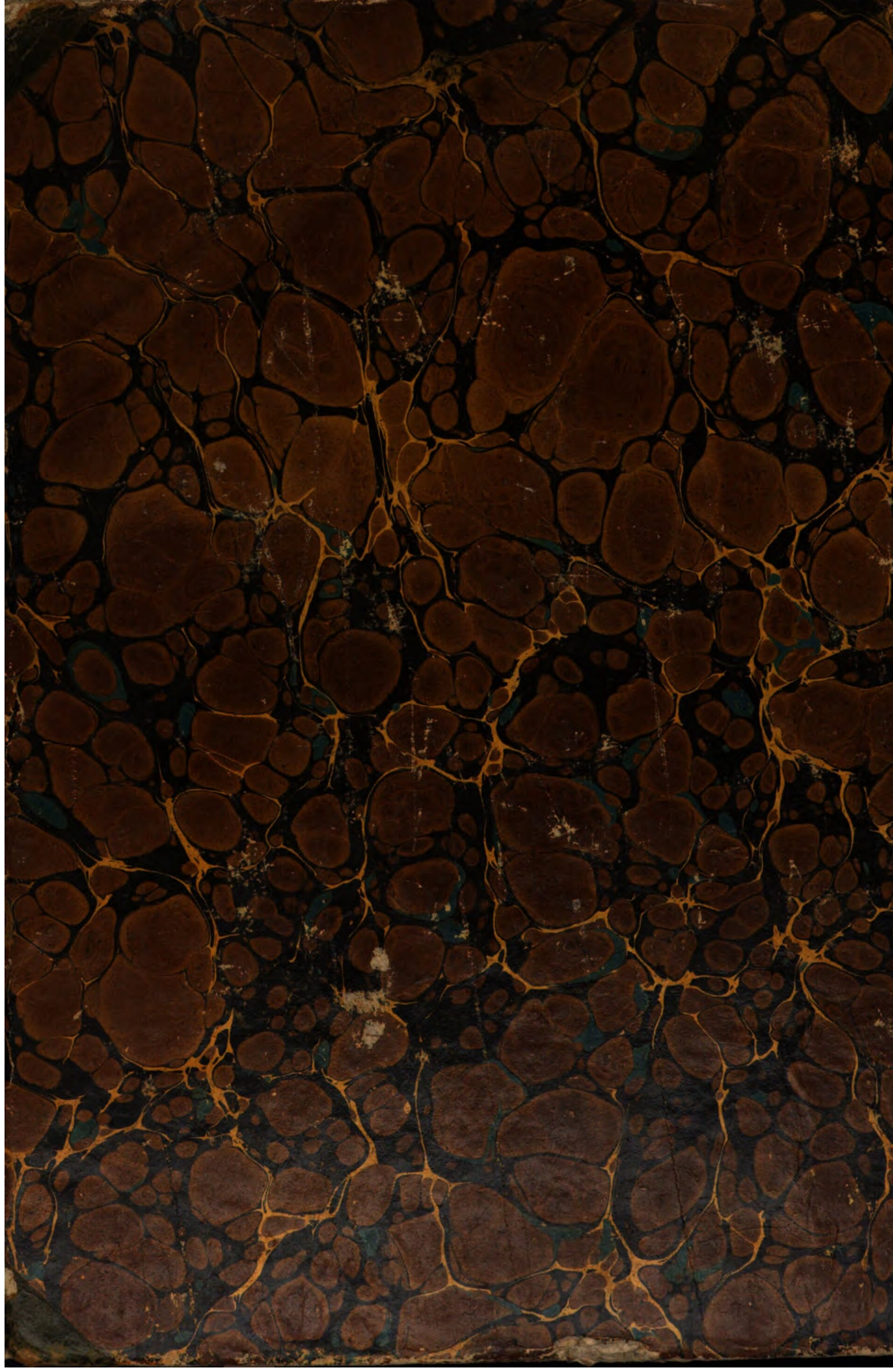
Господину Шапошникову. - - - - - 1

Государств. Центральная
БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
КНИГООБМЕНА.
ПАЛАТА

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР
КНИГООБМЕНА

L'vov, Pavel J.

Chram slavy rossijskich iroev ot vremen Gostomysla do carstvovanija
Romanovych

V Sanktpeterburgě 1803

Russ. 246 f

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10783878-7